

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР**

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЖИЗНЬ
2009

Руководитель проекта:

Главный редактор журнала "Международная жизнь"

А.Г.Оганесян

Ответственный редактор:

*Ответственный секретарь журнала "Международная жизнь"
кандидат исторических наук*

Е.Б.Пядышева

Редакторы-составители:

*Обозреватель журнала "Международная жизнь"
кандидат философских наук*

Е.В.Ананьева,

Обозреватель журнала "Международная жизнь"

Г.И.Поволоцкий

Литературные редакторы:

О.Н.Ивлиева

Н.В.Карпычева

Л.А.Подчашинская

Дизайн и верстка:

Е.В.Родина, М.С.Тюрина, В.А.Позднякова

**Материалы, публикуемые в журнале "Международная жизнь",
не обязательно отражают точку зрения редакции.**

**Адрес редакции: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.
Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail:
*bdmitriev@mid.ru***

Адрес английского издания нашего журнала, выпускаемого в
Миннеаполисе, США, фирмой East View Information Services, 10601
Wayzata Blvd, Minneapolis MN, 55305-1526 USA. Phone: 1-952-252-
1201 (N.America); fax: 1-952-252-1202; toll-free: 1-800-477-1005;
E-mail: periodicals@eastview.com

Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации №016560 от 29.08.97 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

А. Чубарьян

Фальсификация истории
или просто другое мнение 5

В. Бушуев

Трудный выбор 1939 года
Заметки историка 13

В. Симиндей

Внешнеполитические зигзаги "президентской
диктатуры" в Латвии 37

Е. Сенявская

С кем и за что воевала Финляндия
во Второй мировой войне 64

О. Хлестов

Польша на пути ко Второй мировой войне . . . 73

(Продолжение на след. стр.)

А.Гасюк	
Советско-германские торгово-экономические связи накануне Второй мировой войны	90
А.Дюков	
Истребительная политика нацистов на окупированной советской территории	103
И.Оганесян	
"Русский товар" Третьего рейха	119
И.Бухаркин	
Норвегия: военнопленная трагедия	133
С.Дрожжин	
"Неизвестный" солдат вермахта (Документальные черты к портрету)	153
С.Веригин, Г.Чумаков	
Советские партизаны в Финляндии в 1941-1944 годах	179
Ч.Ходжес	
С Бенешем уходит эпоха	202
Л.Блюм	
Франция и невмешательство (Позиция нейтралитета в гражданской войне в Испании)	214

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ИЛИ ПРОСТО ДРУГОЕ МНЕНИЕ

"Международная жизнь": Сегодня вопросы истории находятся в центре общественного и научного внимания. Ведутся жаркие дискуссии на самые разные темы: каким быть учебникам средней и высшей школы, как относиться к участившимся фактам фальсификации истории, как отделить историческую науку от попыток ее идеологизации и политической конъюнктуры. Как бы вы, Александр Оганович, прокомментировали всплеск интереса к этой проблеме?

А. Чубарьян: Вопрос очень сложный и одновременно простой. История течет и изменяется, история - это, если хотите, жизнь всего человечества, все наше прошлое. История состоит из определенного потока событий, миллионов фактов - реальных и интерпретированных историками. Некогда известный английский советолог Эдвард Карр сказал, что историй столько, сколько историков, потому что фактов миллионы и они все пропускаются через сознание ученого. К тому же любая интерпретация истории построена на сослагательном наклонении, потому что история многовариантна. И это самое главное. Путь, по которому движется история, зависит от множества факторов и обстоятельств, от личности, географических условий, климата и прочее. История не такая уж точная и абсолютная наука, она - увлекательна, в ней присутствует очень большой элемент воображения.

Вместе с тем мы нередко сталкиваемся с искажениями истории, что связано не только с профессиональными каче-

Александр Оганович Чубарьян - директор Института всеобщей истории РАН.

ствами историка, но и политическим заказом, иными словами - политизацией истории. Конечно, хотим мы этого или нет, но история остается идеологической наукой, хотя нужно делать все, чтобы минимизировать это воздействие. Сегодня история фактически фигурирует повсюду: и на уровне обычного сознания, и на уровне политиков, которые превращают ее в средство решения своих политических амбиций.

Занятие историей требует повышенной ответственности от ученого. Нужен инструментарий, который позволил бы минимизировать "риски", неизбежные в исторической науке.

Несомненно, история выполняет общественную функцию, которая выражается главным образом через преподавание истории в школе и вузе. Раньше это называлось воспитанием. Сейчас мы почему-то не любим этот термин. Вот в этом смысле общество и государство могут проявлять свой не только интерес, но и беспокойство.

Эти процессы происходят везде в мире. Так, Министерство образования Франции выпустило директиву о том, что надо в учебниках изъять все, что отрицательно описывает французский колониализм. И только решением Сената удалось ее отменить. Другой пример. На заседании Совета Европы в Стамбуле был роздан 20-страничный текст, в котором было сказано, как надо интерпретировать те или иные события европейской истории.

Таким образом, всегда есть соблазн с помощью истории решать политические и идеологические проблемы.

"Международная жизнь": *Вы - член Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. С самого начала ее возникновения высказывались мнения, оспаривающие ее целесообразность.*

А. Чубарьян: Вокруг этой комиссии много разговоров, много беспокойств реальных и в то же время много мифов. Комиссия была создана указом Президента России в результате большого количества писем и протестов, которые касались искажения истории Великой Отечественной войны, истории Второй мировой войны. Ветеранов, но и далеко не только их настораживали следующие обстоятельства: оправдание фактов сотруди-

ства с нацизмом во многих странах, героизация этих людей; отрицание решающей роли Красной армии и Советского Союза в разгроме фашизма, слово "освобождение" заменялось на слово "оккупация" в тех европейских странах, которые освободила наша армия; возложение на СССР ответственности за начало войны.

Вот все эти факты постоянно накапливались в течение нескольких лет. В Восточной Европе и в меньшей степени в некоторых странах на постсоветском пространстве, политика очернения нашей страны продолжается до сих пор.

Хочу отметить, что комиссия - не научная организация, и она не выносит вердиктов. Она и по своему составу не может заменить какое-либо научное сообщество. Она создана для координации и обсуждения вопросов, связанных с минимизацией попыток принизить, исказить роль нашей страны во Второй мировой войне в частности и мировой истории в целом.

Возникает одна методологическая сложность, и я о ней говорил на первом заседании комиссии: как отделить фальсификацию истории и просто *другое* мнение. Нет ли опасности возврата к идеологизированному государству, когда существовало только официальное мнение, все остальное считалось фальсификацией.

"Международная жизнь": *Бороться с фальсификациями можно только фактами. Какую роль будут играть новые архивные документы в противодействии фальсификации?*

А. Чубарьян: *Комиссия может сыграть положительную роль в упорядочении наших архивов и придать определенный импульс в рассекречивании архивных документов.*

Вспомните, в советское время все было засекречено. К примеру, если на заседании ЦК, оргбюро ЦК или партийной конференции обсуждалось 30 вопросов и только один из них имел отношение к государственной тайне, то засекречивался весь документ, а следовательно, сейчас его надо рассекречивать целиком. Засекречивание происходило не по содержанию, а по принадлежности документа. Все, что касается Политбюро, - все секретно.

"Международная жизнь": *Возникает закономерный вопрос: что такое фальсификация, как ее понимать?*

А. Чубарьян: Фальсификация - это сознательное искажение того, что было. Но с профессиональной точки зрения - это узость мысли и односторонность подхода. Я же сторонник многофакторного подхода к истории. Недавно у меня вышла книга о Сталине и международном кризисе 1939-1941 годов. И одна из идей состоит в том, что эти крупные события, драматические события, требуют многофакторного подхода. В истории нет черно-белого цвета. Надо учитывать различные факты и явления, и тогда вы не получите искаженной картины.

Частенько встречается такая профессиональная беда историков: создается концепция, модель в голове. И под эту модель подгоняются факты, а факты в истории можно подобрать под любую модель, потому что их очень много.

И наконец, есть злонамеренная фальсификация, это когда в угоду каким-то политическим и другим целям сознательно искажаются факты. Вот я привел пример. *Как можно говорить о героизации людей, сотрудничавших с нацизмом? Есть решение Нюрнбергского трибунала, в котором это приравнено к преступлению против человечества. Значит, если кто-то считает, что это не так, то это злонамеренное искажение.*

Известно, что в 1944-1945 годах мы освобождали Восточную Европу. Я всегда говорю, что в этих странах произошло создание тоталитарных моделей по советскому типу, но это было потом. А в тот момент никаких альтернатив не было.

"Международная жизнь": *Дата 70-летия подписания пакта Молотова - Риббентропа сопровождалась огромным количеством статей, телепрограмм, монографий и сборников. Вы и ваш институт, наверное, не остались в стороне?*

А. Чубарьян: Да, в те дни я жил в обстановке, когда дома смеялись и говорили: твои главные персонажи - это товарищи Молотов и Риббентроп. Действительно, это был всплеск внимания к этой теме.

При подготовке своей книги, о которой речь уже шла, я изучал архивы - и Сталина, и западные архивы, и прибалтий-

ские. Документы все известны, никаких новых открытий быть не может, но страсти не утихают. Они даже усиливаются, потому что речь идет не столько о событии, сколько о его современной интерпретации.

В отношении оценки пакта, я думаю, надо учитывать, как я уже говорил, многофакторность того периода. Как бы мы ни относились к Сталину, он стоял во главе государства и отвечал за безопасность страны. Невозможно игнорировать и геополитический аспект, который присутствовал во всех странах. Ведь мюнхенский сговор - это то же самое, что и пакт Молотова - Риббентропа. И очень хорошо, что В.В.Путин написал в польской газете об аморальности переговоров, которые мы вели с Гитлером, но мы были последними, кто это сделал. Начали Англия и Франция, когда за спиной одних народов они решали судьбы других народов. Бедные чехи сидели в соседней комнате и ждали утра, когда к ним вышли и сказали, что они лишились части своего государства.

А вспомните так называемое "процентное соглашение", которое в 1944 году нам предлагали англичане. Вечером министр иностранных дел Великобритании М.Иден предложил определить проценты геополитического влияния наших государств, написав цифры на салфетке. Наши дипломаты, как мне рассказывали очевидцы этого события, решили, что это шутка. Следующим утром Черчилль показал товарищу Сталину эти цифры, написанные уже на листе бумаги. Раздел мира на сферы влияния - аморален, конечно. Но это - исторический факт.

Другой вопрос, что он сегодня стал в эпицентре не из-за тех событий, которые были очень давно, а из-за его современной интерпретации, которая сделалась основой антиросийской политики.

Несколько лет подряд я входил в международную комиссию в Риге, но вышел, поскольку каждый раз мне говорили, чтобы я каялся. За что? Что важнее в истории: покаяние или забвение?

Дальше - больше, начали принимать односторонние решения, чтобы мы еще финансово расплачивались за то, к чему не имеем отношение. Это и есть политизация истории.

Если встать на путь всеобщего покаяния, Англии надо каяться за Индию, за сипайское восстание, вообще за колониализм. Французы должны каяться за египетский поход Наполеона. Весь Лувр, извините, оттуда. Однако нельзя представить себе, чтобы кто-то из английской королевской семьи встал на колени. Они даже не стали разговаривать с греками, когда те просили Британский музей что-то им вернуть из вывезенных произведений искусств.

"Международная жизнь": *Сегодня довольно часто российские и зарубежные историки совместно работают над каким-то конкретным проектом. В частности, стоит вопрос о создании Россией и Германией совместного учебника по истории XX века. Как вы считаете, насколько это реалистичные планы?*

А. Чубарьян: Комиссия историков России и Германии очень успешно работает уже 15 лет под патронажем лидеров наших стран. Идея создания такого учебника поддержана Д.Медведевым и А.Меркель. Но написать его непросто. К примеру, поляки с немцами пытались вместе написать учебник в течение 18 лет, но так и не смогли. Слишком разные подходы. Поэтому мы предлагаем начать готовить совместное учебное пособие для учителя, где будет параллельно хронологически рассказана история Германии и история России.

"Международная жизнь": *Как вы относитесь к инициативе Европейского парламента объявить 23 августа Днем памяти жертв сталинизма и нацизма? Какие еще подобные "инициативы" и вызовы в области интеграции истории, на ваш взгляд, можно ожидать?*

А. Чубарьян: Я отношусь негативно к такой инициативе. Мы выпускали книгу "Тоталитаризм в Европе". Эта тема вообще сейчас очень популярна, выходит масса книг, посвященных тоталитарным режимам, авторитарным режимам. Почему нельзя ставить на одну доску сталинизм и нацизм? Главный смысл германского тоталитаризма был геноцид, была теория расовой нетерпимости, приведшая к гибели миллионов людей. У нас был, я бы сказал, свой своеобразный тип тоталитаризма, но он не может быть поставлен на одну доску с германским тоталитаризмом, и это было

признано в послевоенное время. Поэтому мы не защищаем сталинизм, я лично не сторонник этого, но это совершенно разные типы, разные понимания, разные государственные устройства, разная идеологическая подкладка. И что самое главное - эта резолюция принимается для того, чтобы возложить на нас ответственность за начало Второй мировой войны. Было заседание в Брюсселе, на котором шла речь именно об этом, а это уже противоречит и фактам, и логике и имеет чисто политическую направленность. Именно поэтому я против такого нагнетания страстей и обострения событий, ни к чему хорошему это не приведет.

Недавно в Праге состоялся Международный конгресс по холокосту, который у многих оставил противоречивые впечатления. Проблема уничтожения польских евреев и других была в центре обсуждения. Но почти ничего не было сказано об уничтожении советских евреев. Получалась какая-то странная картина.

Сегодня вместе с литовскими и украинскими коллегами мы издаем документы о сотрудничестве местных властей с нацистскими организациями, в том числе о преступном уничтожении еврейского населения. Конечно, это не повод для того, чтобы создавать образы, враждебные по отношению к соседу, но это факты истории.

АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ:

В КОНЦЕ 2009 ГОДА вышел труд московских ученых, в котором было проанализировано 187 школьных учебников истории в 12 странах бывшего Советского Союза. Авторы исследования констатировали, что в школах других государств - за исключением Белоруссии и Армении - история преподается с националистических позиций.

"Несложно догадаться, что сильно искажены такие события, как Февральская и Октябрьская революции, периоды строительства социализма, Вторая мировая война и послевоенные события. Но порой поражало, как искажаются и ключевые события более древних периодов", - отметил профессор кафедры отечественной истории истфака МГУ Александр Вдовин.

"Эстонские учебники рассказывают, что время, когда в стране правили шведы, было едва ли не "золотым веком". И совершенно не говорится о том, что четыре пятых населения погибли при шведах.

Националист должен был бы признать, что это время было ужасным. Но авторы учебника предпочитают писать, что эти события встроили Эстонию в Европу, породили духовность, развили письменность, помогли сохранить самобытность и избежать обрусения", - привел пример доцент кафедры отечественной истории истфака МГУ Андрей Шадрин.

Характерная черта этих учебников - создание образа "заклятого врага" в лице России и русских. Вхождение в состав России почти всегда оценивается негативно, акцент делается на утрате самостоятельности, а положительные моменты национальные историки предпочитают не упоминать.

Украинским школьникам рассказывают о вымышленной "Украинской казацкой державе", которая была впоследствии подло уничтожена Россией, что является "тяжким преступлением царизма перед украинским народом".

Что же касается периода СССР, то тут в учебниках сплошная борьба народов против "оккупантов". Вот, например, цитата из казахского учебника: "Борьба казахского народа против российского колониализма длилась долго, охватив вторую половину XVIII века до 90-х годов XX века".

Грузинский учебник: "Определяющим для этого периода является национальное движение грузинского народа против российского господства и восстановление государственной независимости Грузии". Там же сказано, что в результате установления "военно-оккупационного режима" население страны "оказалось в тяжелейшем положении".

Учебники Украины, Грузии, Молдовы и Прибалтийских стран связывают начало Второй мировой войны с пактом Молотова - Риббентропа и называют СССР "агрессором". Это позволяет оправдывать местных "героев". Например, согласно учебным пособиям, латыши, служившие в СС, "боролись за свободу". Украинские учебники всячески прославляют Украинскую повстанческую армию (УПА).

Обо всем хорошем, что связывает наши народы, учебники умалчивают. Если так продолжится дальше, резюмируют авторы исследования, то через 15-20 лет события XX века будут окончательно забыты, а в сознании народов бывшего СССР будет сформирован образ России как зловещей империи, которая их веками уничтожала, подавляла и эксплуатировала.

ТРУДНЫЙ ВЫБОР 1939 ГОДА

Заметки историка

Валерий Бушуев

РУБЕЖ 30-40 годов XX века стал для нашей страны - да и всего мира - в самом прямом и высоком смысле судьбоносным. Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 года с нападения Германии на Польшу, принесла Европе и миру неизмеримые страдания, стоила жизни 60 млн. людей. Она на десятилетия вперед определила европейский политический порядок.

За минувшие десятилетия литература, посвященная этому сложнейшему периоду мировой истории, приобрела колоссальные объемы¹. Но, как всегда бывает с крупными историческими событиями, наряду с серьезными, добросовестными трудами специалистов широкое распространение получили всевозможные мифы и легенды. Их число резко возросло в этом году, в связи с 70-летием начала Второй мировой войны. Словно по команде, на протяжении всего нынешнего года европейские и американские СМИ, как и либеральные авторы в России, усиленно занимаются мифотворчеством. Свою лепту в искажение подлинной истории предвоенных и военных лет вносят и руководящие деятели ряда стран, прежде всего таких как Польша, Литва, Украина, Латвия, Эстония.

В массовое сознание внедряется несколько мифологем.

Валерий Геннадьевич Бушуев - кандидат исторических наук.

Причем если западные СМИ делают это довольно тонко и изощренно, то пресса стран так называемой "новой Европы" порой действует совершенно топорно, не придавая значения абсурдности ряда своих утверждений и их несоответствию исторической истине. Примером такого рода может служить опубликованная в канун 70-летия начала войны редакционная статья в литовской газете "Lietuvos rytas"², как будто вознамерившаяся разом выплеснуть весь набор нынешних, антироссийских по сути своей, мифов. Вот некоторые, наиболее распространенные из них. Войну начала не Германия, а Советский Союз. Ведя хитрые переговоры с наивными французами и британцами и одновременно заключив с Гитлером пакт о ненападении, Сталин спровоцировал Германию на агрессию против Польши. Если бы Сталин не подтолкнул Гитлера, тот не совершил бы этого нападения и Второй мировой войны удалось бы избежать. Кое-кто до сих пор остается в зависимости от взглядов "конструктора войны" Сталина, а это, мол, особенно выгодно правопреемнице СССР - России. Уравнивая, как это стало в последнее время принято на Западе, нацистский и сталинский режимы, газета утверждает, что впоследствии два диктатора, которые начали войну как агрессоры-союзники, просто "подрались" между собой. После чего Советский Союз смог пройти по всей занятой им Европе. За все это России и надлежит снова и снова каяться перед европейскими народами.

Конечно, в цитируемой статье нашли проявление крайние позиции тех политических сил, для которых неприемлемо абсолютно все, что связано с Россией и вообще с самим фактом ее существования. Но в целом, несмотря на отдельные нюансы, подобные фальсификации характерны для материалов, появившихся в связи с 70-летием начала войны во множестве других печатных и электронных СМИ Запада и российской либеральной прессы. Тон подобного рода публикациям задают те политические деятели и публицисты, кто не только игнорирует и грубо извращает реальные факты истории, но и изначально отказывается от основного, краеугольного принципа любого претендующего на серьезность исследования прошлого - принципа историзма. Часть из них - в силу явной политической ангажирован-

ности, часть - из-за широко распространенного, увы, не только у нас исторического невежества подходят к освещению событий 70-летней давности с позиций сегодняшней действительности, с моральными мерками, утвердившимися в мире - да и то далеко не полностью - лишь на рубеже XX-XXI веков. Больше того, в целом ряде случаев совершенно не учитываются особенности той атмосферы, в которой к концу 1930-х годов приходилось действовать политикам десятков стран, неумолимо вовлекаемых в процессы подготовки новой мировой бойни. Но без учета этой сгушавшейся, поистине страшной атмосферы, в которой нередко совершались абсолютно непредвиденные и даже иррациональные на сегодняшний взгляд действия, невозможно понять ни всей глубины надвигавшейся на мир трагедии, ни мотивов, которыми руководствовались в быстро менявшейся обстановке те или иные акторы. Попытки экстраполировать наши нынешние представления и оценки на политические действия 70-летней давности представляются просто бессмысленными, поскольку совершенно иными были в те годы сам контекст общественной жизни и условия принятия конкретных решений.

ГОДЫ, МЕСЯЦЫ, ДНИ, а порой и часы, предшествовавшие началу войны, досконально изучены учеными различных стран. Нет необходимости подробно освещать все обстоятельства этого сложнейшего периода истории XX века. Напомним лишь канву основных событий, в ходе которых советскому руководству приходилось делать выбор, наиболее адекватный задачам обеспечения безопасности страны.

С момента прихода к власти нацистов в 1933 году советская дипломатия активно стремилась создать в Европе систему коллективной безопасности против нацистской угрозы, предлагала подписать конвенцию об определении агрессора. В 1934 году СССР выступил за сокращение и ограничение вооружений, принятие мер по предотвращению военных конфликтов, выработку соглашений, гарантирующих безопасность европейских государств. Гитлер между тем приступил к пересмотру ре-

шений Версальского договора, которые резко ограничивали возможности Германии, проигравшей Первую мировую войну. В марте 1935 года он объявил об отмене военных статей этого договора. Была восстановлена всеобщая воинская повинность, объявлено о воссоздании военной авиации, строительстве подводных лодок. Рост военной угрозы со стороны Германии заставил таких наиболее дальновидных представителей правящих кругов Франции, как Л. Барту и Э. Эррио, вновь обратиться к идее традиционного союза с Россией (СССР). 2 мая 1935 года между двумя странами был подписан пакт о взаимопомощи. Он предусматривал, что в случае неспровоцированного нападения на территорию одной из двух договаривающихся сторон третьей европейской державы они окажут друг другу помощь и поддержку.

Несмотря на сопротивление правых сил, договор вступил в силу после его ратификации французским парламентом в марте 1936 года. Гитлер отреагировал на заключение договора демонстративным введением войск в демилитаризованную Рейнскую зону. Это была чистой воды авантюра: у Германии в тот момент не было достаточных сил, чтобы оказать сопротивление многократно превосходившей ее по военной мощи Франции. Но Париж не предпринял никаких действий, чтобы заставить немцев убраться, а всего лишь обратился в Лигу Наций с жалобой на нарушение Германией Локарнских соглашений и Версальского договора. После длительных обсуждений Лига Наций приняла решение, признававшее, что ремилитаризация Рейнской зоны действительно нарушает договор. Но ничего, кроме слов осуждения, за этим не последовало. Тем самым был нанесен первый мощный удар и по Версальскому договору, и европейской безопасности, и советско-французскому договору. Гитлера это убедило в том, что можно и далее не только совершенно безнаказанно нарушать статьи Версальского договора, но и переходить к еще более активной фазе экспансии в Европе. Пользуясь негласной поддержкой правых кругов Англии, Германия продолжила политику милитаризации и перевооружения, готовя вермахт к наступательным операциям.

В правящих кругах западных демократий здравые интере-

сы национальной безопасности все больше уступали место безрассудной идее "канализировать" агрессию нацистской Германии в восточном направлении, ускорить ее военный конфликт с Советским Союзом и, дождавшись, когда обе державы обескровят друг друга, продиктовать им свои условия. В Москве не могло пройти незамеченным демонстративное назначение в конце 1937 года британским послом в Берлине Гендерсона, воплощавшего упорное стремление правящих кругов Великобритании к соглашению с Гитлером. Посол всеми силами старался обеспечить тесное сотрудничество с нацистской Германией, добивался "умиротворения" Гитлера за счет Австрии и Чехословакии. Не оставались секретом и целенаправленные утечки информации из ближайшего окружения британского премьера Н. Чемберлена о том, что Лондон не будет возражать против аннексии Австрии, если Гитлер, в свою очередь, обязуется не претендовать на колониальные владения самой Великобритании. Как докладывал И. фон Риббентроп, Чемберлен серьезно стремился к соглашению.

Все это возымело свое действие. На рассвете 12 марта 1938 года немецкие войска вторглись в Австрию. Два дня спустя Гитлер подписал акт о ее присоединении к Германии. Англия и Франция, являвшиеся государствами - гарантами независимости Австрии, ограничились всего лишь формальным протестом. В июне 1938 года Англия пошла на соглашение с фашистским режимом Муссолини, признав захват Италией Эфиопии и легализовав итальянскую интервенцию в Испании. Вслед за Англией удар в спину Испанской республике, которая боролась с начавшимся в июле 1936 года мятежом фалангистов, нанесла Франция, закрыв франко-испанскую границу. В начале следующего года Англия и Франция официально признали профашистское правительство генерала Ф. Франко. Трудно было не увидеть в этом желание Парижа и Лондона в очередной раз угодить германским интересам.

Теперь настала очередь Чехословакии. Объявив, что немецкое население, проживающее в западной части этой страны, подвергается угнетению, Гитлер в ультимативной форме потребовал присоединения Судетской области к Германии. У Чехос-

ловакии были в то время договоры о союзе с Францией и взаимной помощи с Советским Союзом. Но этот последний договор мог вступить в действие только в том случае, если выполнит свои обязательства Франция. Поскольку общей границы между СССР и Чехословакией не было, Москва предложила обратиться в Лигу Наций с просьбой принять решение о пропуске советских войск через территорию Польши или Румынии. Под предлогом военных учений в СССР после проведения частичной мобилизации к западным границам были направлены значительное количество дивизий и эскадрилий самолетов. Польша, однако, категорически отказалась допустить советские войска на свою территорию. А руководители Франции и Англии предпочли попросту откупиться от Германии с помощью новых уступок. Было решено, что передача Судет Германии является единственным средством избежать войны и предотвратить захват всей Чехословакии. Прилетевший для переговоров в Бертесгаден британский премьер Н. Чемберлен заявил, что на слово Гитлера можно положиться. Французский премьер Э. Даладье поддержал его. 29 сентября 1938 года оба они подписали Мюнхенское соглашение с Гитлером и Муссолини. Судетская область передавалась Германии. Четыре державы брали на себя гарантии неприкосновенности оставшейся части Чехословакии.

В сложившейся ситуации не самым достойным образом повела себя Польша. У российской разведки были в то время все основания предполагать, что подписанный в 1934 году польско-германский договор о ненападении сопровождался подписанием секретных протоколов, направленных против СССР и другого соседа - Чехословакии. Дальнейший ход событий подтвердил такие предположения. Осенью 1938 года, действуя, судя по всему, по заранее разработанному плану, Варшава разыграла в свою пользу решения мюнхенского соглашения, оккупировав Тешинскую область Чехословакии.

Между тем 30 сентября того же года была обнародована англо-германская декларация Гитлера и Чемберлена о том, что эти страны не намерены воевать друг против друга. А 6 декабря после переговоров французского министра иностранных дел Боннэ с

Риббентропом была опубликована франко-германская декларация, объявившая, что граница между двумя государствами является окончательной и нерешенных проблем между ними больше не существует. При этом Риббентроп недвусмысленно дал понять, что Германия считает Восточную Европу своей сферой влияния. Возражений со стороны Боннэ не последовало. В Берлине это было истолковано как доказательство того, что Франция не собирается защищать восточноевропейские страны. И это еще более разожгло аппетиты Гитлера.

14 марта 1939 года он пригласил в свою резиденцию Президента Чехословакии Гаху и потребовал его согласия на установление германского протектората над Чехословакией. В противном случае Гитлер угрожал немедленно начать бомбардировки чехословацкой территории. Престарелому Гахе пришлось подписать соглашение, по которому он вручал судьбу своей страны в руки фюрера. На следующий же день в чешские земли были введены подразделения вермахта, и был создан протекторат Богемии и Моравии, а в Словакии создано марионеточное правительство, полностью зависимое от Берлина. Накануне вторжения Англия и Франция заявили, что у них нет оснований вмешиваться в развитие событий в Чехословакии. Министр иностранных дел Франции Боннэ назвал Чехословакию государством, "не способным" к самостоятельному существованию, а его английский коллега лорд Галифакс высказал мнение, что захват Германией чехословацкой территории даже создает определенные выгоды, ибо гарантии западных держав Чехословакии стали "несколько тягостными".

Прошло совсем немного времени, и Гитлер начал новую пропагандистскую кампанию. На сей раз под прицелом оказалась Польша. Пресса подняла шум, что немецкое меньшинство там тоже подвергается угнетению и необходимы меры для его защиты. Германия потребовала от Польши немедленно разрешить "спорные вопросы", включая передачу под немецкий контроль Данцига (Гданьска) и предоставление Германии права на сооружение экстерриториальной транспортной магистрали через польскую территорию. В апреле 1939 года в рейхстаг было внесено предложение не пролонгировать договор о ненападении с

Польшей. В том же месяце Гитлер утвердил план "Вайс", предусматривавший готовность германской армии к нападению на Польшу в любой момент начиная с 1 сентября 1939 года. Решение, таким образом, было принято, сроки агрессии предопределены - вне зависимости от заключения пакта о ненападении с СССР, который в то время еще и не планировался.

Но дело не ограничивалось Европой. Пока Гитлер готовился к агрессии против Польши, на Дальнем Востоке Япония фактически вступила в конфликт с СССР. В мае 1939 года подразделения японских войск, к тому времени оккупировавших и отторгших от Китая Маньчжурию, перешли границы Монголии в районе озера Буир-Нур и реки Халхин-Гол, предъявив территориальные претензии этой стране. В соответствии с договором 1936 года Советский Союз оказал вооруженную поддержку Монголии и в августе 1939 года разгромил 6-ю японскую армию.

Еще в июле, в разгар боев на Халхин-Голе, правительство Англии заключило с японским правительством соглашение Арита - Крейги, признавшее "законность" японской агрессии в Китае. Фактически речь шла о дальневосточном варианте "Мюнхена", поощрявшего Японию к новым военным авантюрам на Дальнем Востоке, в том числе и против нашей страны. В один из решающих моментов мировой истории Советский Союз оказывался практически в полной изоляции.

К весне 1939 года цели Гитлера стали совершенно очевидными даже для руководства Англии и Франции. Оставалось мало сомнений в том, что политика "умиротворения" агрессора не приносит желаемых результатов и надо искать иные пути защиты от германской экспансии. Эмиссары Парижа и Лондона начинают зондировать почву в Москве: как поведет себя СССР, если следующей жертвой Гитлера окажется Румыния? Муссируются слухи о возможности заключения Францией, Англией и Советским Союзом трехстороннего пакта о взаимопомощи на случай дальнейшей агрессии Германии и о том, что по этому вопросу ведутся переговоры.

Но британские и французские лидеры по-прежнему ищут такого выхода из ситуации, который позволил бы им самим ос-

таться в стороне от надвигавшегося на Европу полномасштабного военного конфликта. Чемберлен и его окружение все еще лелеют надежды, что Гитлера можно будет убедить в целесообразности направить свою агрессивность исключительно на Восток. Летом 1939 года германские представители ведут в Лондоне тайные переговоры о перспективах заключения с Англией пакта о ненападении и разделении сфер влияния. Нацисты дают понять, что не претендуют на колониальные владения Британии, а считают своей сферой влияния Восточную Европу.

Во Франции глава МИД Боннэ также призывает любой ценой договариваться с немцами: пусть у них будет свобода рук на Востоке, главное - сохранить империю. Другая правительственная группировка, в которую входил и начальник генерального штаба Гамелен, хотя и не исключает вероятности войны с Германией, считает, что военные действия не должны быть наступательными. На совещании высших военных руководителей Гамелен заявляет: "Мы должны сначала придерживаться оборонительной тактики. У нас совершенно недостаточна подготовка. Нужно дожидаться, пока Англия развернет свои силы"³. Англия же в то время практически не располагала сухопутной армией, в наличии имелось всего пять дивизий. Всеобщую воинскую повинность там ввели только после оккупации Гитлером Чехословакии. Поэтому и в Лондоне было решено в случае войны придерживаться оборонительной тактики.

Такова внешняя канва событий, которые тщательно анализировались тогда в столицах всех ведущих государств мира. Но нельзя упускать из виду и закулисных игр разведок различных стран, по максимуму своих возможностей использовавших в те дни различного рода фальсификации, вполне правдоподобные версии, сфабрикованные свидетельства и документы, запускавших в печать самые немыслимые слухи и домыслы. Все это играло роль - и немалую - в определении каждой из стран своих позиций, своего политического курса.

Какие бы мифы ни "фабриковали" сейчас политики и пресса на Западе, неопровержимым историческим фактом было и остается то, что именно подписание Мюнхенских соглашений, отдавших Гитлеру на растерзание Чехословакию, непосред-

ственным образом предшествовало заключению пакта Молотова - Риббентропа. Для любого непредвзятого, честного исследователя не представляет ни малейшего сомнения: *не будь сделки в Мюнхене, не было бы и московского пакта*. Именно мюнхенский сговор убедил советское руководство, что рассчитывать на сотрудничество с западными демократиями в предотвращении надвигавшейся схватки не приходится, что, напротив, совершенно реальна угроза закулисного соглашения Англии и Франции с Гитлером за наш счет. "Мюнхен" создал возможность тактического сближения СССР и Германии и в конечном итоге открыл дорогу для развязывания Гитлером Второй мировой войны.

КАК ДОЛЖНО БЫЛО ВЕСТИ себя руководство СССР в ситуации, сложившейся к концу 1930-х годов? Можно по-разному относиться к более чем 70-летней истории Советского государства и оценивать результаты его деятельности. Но непреложным фактом остается то, что противостояние, даже взаимная вражда и, как минимум, недоверие друг к другу СССР и ведущих западных держав являлись одной из определяющих черт мировой политики. Оснований для этого имелось более чем достаточно. Запад предпринимал постоянные - то возрастающие, то ослабевавшие - усилия, направленные на то, чтобы покончить с установленным в СССР общественным строем. Советский Союз со своей стороны старался, где только возможно, содействовать подрыву позиций "международного империализма", повсюду в мире оказывать поддержку "силам социального и национального освобождения".

Сейчас редко кто упускает случай поиронизировать над психологией "осажденной крепости", многие годы культивировавшейся в нашей стране. Бесспорно, на каком-то этапе развития СССР эта психология стала самодовлеющей и использовалась в качестве средства укрепления авторитарной власти, оправдания ее репрессивной политики. Но, если оставаться на позициях объективности, нельзя отрицать, что

для ощущения себя в положении "осажденной крепости" (или, как тогда говорили, "враждебного капиталистического окружения") у наших отцов и дедов имелись все основания. Создание западными державами "санитарного кордона" вокруг Советской республики, иностранная военная интервенция в 1918-1920 годах, активная поддержка белых армий во время Гражданской войны, непрерывные попытки сколачивания антисоветского фронта в конце 1920-х, содействие образованию в начале 1930-х годов очага напряженности и агрессии в самом центре Европы, вооруженные вылазки по всему периметру границ нашей страны - все это не могло не закреплять в сознании как руководства СССР, так и широких масс населения обостренного чувства военной опасности, угрозы окружения родины ее противниками.

Советские спецслужбы тоже довольно активно пытались играть на межимпериалистических противоречиях, стремясь столкнуть своих будущих союзников. Во многом недоверие, которое проявляли к сталинскому режиму западные страны, связано в том числе и с некоторыми спецоперациями, проводившимися как раз во второй половине 1930-х годов. Не следует забывать, что вплоть до 1943 года существовал еще и Коминтерн. И это только усиливало напряженность и подозрительность по отношению к СССР.

Не только Советский Союз, но и страны Запада, Япония на протяжении всего межвоенного периода интенсивно готовились к новому противостоянию, по-прежнему делая ставку на применение силы и достижение превосходства, пуская в ход изощренные средства подрывной деятельности, дезинформации и фальсификации.

Готовясь к предстоящей схватке, германская дипломатия добилась в октябре 1936 года оформления "оси Берлин - Рим". Месяц спустя был создан "Антикоминтерновский пакт" Германии и Японии, к которому в ноябре 1937 года присоединилась Италия. Завершились эти усилия присоединением к Тройственному пакту Венгрии, Болгарии, Словакии и Румынии. Советский Союз оказывался во все большей изоляции.

Каждая сторона старалась обеспечить себе в будущей вой-

не наиболее удобную, выгодную позицию, позволяющую, ко всему прочему, столкнуть потенциальных противников, выждать удобный момент и, накопив достаточно сил, нанести им решающий удар, когда они будут предельно истощены. Если игнорировать эти обстоятельства, практически невозможно разобраться в хитросплетениях предвоенной политической ситуации, в условиях которой советскому руководству предстояло принимать важнейшие решения, ограждая страну от надвигавшейся угрозы новой мировой войны.

Хотя узел противоречий - в скрытой или явной форме - и приходился в то время на взаимодействие СССР и Германии, многое определялось и весьма неоднозначными отношениями этих стран с другими государствами. Огромное количество просчетов, неверных оценок и шагов проистекало от их взаимной - и зачастую вполне обоснованной - подозрительности и непонимания мотивов и целей действий друг друга, от поверхностных, а нередко (хотя бы из-за дефицита времени) и не до конца взвешенных и продуманных суждений относительно поведения партнеров и возможных противников. И не в последнюю очередь - от идеологической зашоренности и груза прошлого, давившего на каждого из персонажей исторической драмы, разыгрывавшейся в мире на рубеже лета и осени 1939 года.

В выборе шагов, направленных на сближение с Германией, несомненно, сказалось традиционное недоверие Сталина к политике правящих кругов Англии и Франции - главных зачинщиков антисоветского фронта на протяжении всех лет после Октябрьской революции. В неискренности и нечестной игре западных демократий советское руководство имело возможность убедиться и в ходе проходивших летом 1939 года бесплодных политических и военных переговоров с представителями Англии и Франции. Как быстро выяснилось, они даже не имели полномочий для обсуждения и подписания сколько-нибудь значимых документов, способных создать преграду на пути приближавшейся войны.

Одна из главных причин провала этих и предшествовавших им переговоров - все то же огромное недоверие сторон друг к другу. В марте 1939 года Чемберлен писал в одном частном

письме: "Должен признаться, что Россия внушает мне самое глубокое недоверие. Я совершенно не верю в ее способность провести действенное наступление - даже если бы она этого хотела. И я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы"⁴.

Особо следует сказать о позиции США, которым предстояло сыграть важную роль в приближающейся войне. В Америке тоже неизменно с большим подозрением относились к СССР и не доверяли Сталину - хотя бы в силу разного рода тайных операций, которые проводились в треугольнике "США - Япония - Советский Союз". В Вашингтоне не без основания подозревали, что Москва втягивает США в войну с Японией, отводя угрозу от СССР. Давно не секрет, что советская разведка пыталась переключить японские интересы на Соединенные Штаты и убедить американцев в том, что угроза их жизненным интересам исходит из Японии. На самом деле это было не так уж далеко от истины. Тем не менее когда этим очень активно занимались разведслужбы, американские политики верхнего эшелона, естественно, не могли не относиться с подозрением к намерениям Советской России.

Для правящей американской верхушки в равной мере были неприемлемы оба диктаторских режима в Европе: в Германии - Гитлера, а в СССР - Сталина. Вытекающие из этого задачи были сформулированы в одной из недавно обнародованных аналитических записок Госдепартамента США (1940 г.). Содержание ее сводилось к тому, что, поскольку битва диктаторов в Европе с вовлечением в войну всего континента становится неизбежной, Америке следует не мешать этому и ждать ослабления обоих режимов. В результате Первой мировой войны США стали политической, экономической и военно-стратегической мировой державой, финансовым центром мира. В новой войне в Европе американские правящие круги рассчитывали еще больше укрепить свои мировые позиции. Итог закулисных политических дискуссий по этим вопросам был очень точно подведен в начале войны сенатором, будущим вице-президентом, а затем и Президентом США Г.Трумэном: "Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать Рос-

сии, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше..." Такая позиция по долгосрочным целям совпадала с британской. У Черчилля "старался вовлечь американцев в вязкую средиземноморскую стратегию, чтобы в небывалой истребительной войне Германия и Россия исчерпали свою жизненную энергию"⁵.

Нельзя, разумеется, утверждать, что эти задачи были облечены в какую-то соответствующую внешнеполитическую доктрину, но некий инстинкт выживания западных демократий за счет Германии и СССР, очевидно, все же был одной из движущих сил, приведших ко Второй мировой войне. Ведь ни та ни другая страна не вписывалась в ряд остальных. В каждой из них был и особый, весьма далекий от демократии политический режим, и не вполне рыночная экономика - в СССР откровенно не рыночная, а в Германии - с немалыми остатками рынка. Кроме того, говоря современным языком, в таком подходе проявлялся элемент антикризисного управления. США и другие ведущие державы Запада только выходили тогда из экономического кризиса. И естественным образом возникал вопрос: а почему бы не столкнуть страны, уход которых с исторической арены открывал перспективы нового передела мира?

Не только общественное мнение, но и политики англосаксонских стран видели в Гитлере и Сталине разные, но одинаково враждебные им силы и готовы были на определенном этапе из тактических соображений согласиться на союз с одним из диктаторов, с расчетом рано или поздно военным путем добиться уничтожения того и другого. Мог ли в такой обстановке Сталин, прекрасно сознавая все это, идти на союз с западными демократиями? Думается, это было исключено. Никакого союза с ними, никакого выбора в этом направлении, скорее всего, быть не могло. Прежде всего потому, что ни рука, протянутая в сторону англосаксонских стран, ни любые заверения в добрых намерениях не были бы там восприняты. Сталину бы никто не поверил. А если бы он попытался какими-то мерами завоевать доверие, это могло создать угрозу устойчивости его личной власти.

Таким образом, выбор 1939 года был во многом предопределен. Фактически он был сделан не самим Сталиным, а за Сталина. Поскольку западные демократии изначально вывели его за скобки, уравнивая с Гитлером, ничего другого, кроме как идти на сближение с Германией, у него, по существу, не оставалось. В заключении пакта была некая обреченность. Волей-неволей приходилось иметь дело только с Гитлером. И тот, надо признать, блестяще использовал в своих целях взаимное недоверие и подозрения между Сталиным и западными демократиями.

Сейчас, по прошествии многих десятилетий, легко рассуждать о предпочтительности иного выбора, нежели заключение пакта с Германией. В идеале - несомненно. Но в реальности тогда, в августе 1939-го, альтернативы этому не просматривалось: совершенно не ясно было, как поведут себя в условиях обострения нарастающей напряженности в мире Англия и Франция. Какую позицию займут Соединенные Штаты, Япония, Турция. Большую тревогу вызывала и позиция ближайшей соседки - Польши*. С кем придется иметь дело и на кого можно будет хоть в какой-то мере положиться стране в годину предстоявших ей тяжких испытаний? Как выиграть время, столь необходимое для восстановления боеспособности Красной армии после сталинских чисток, в результате которых она лишилась цвета командного состава? И чтобы еще успеть провести перевооружение.

По словам профессора Калифорнийского университета (Беркли) М.Малиа, "из двух возможных дипломатических решений... Сталин предпочел союз с Германией: ввиду своей географической близости она представляла собой наибольшую опасность, урок Брест-Литовска также не был забыт. Другая причина состояла в том, что мир с Германией исключал бы возможность войны на два фронта в случае нападения Японии. Наконец, Сталин боялся, что англо-французские им-

**1 сентября 2009 г. в Москве состоялась презентация нового сборника рассекреченных документов СВР "Секреты польской политики. 1935-1945". Эти документы свидетельствуют, что Варшава перед войной не только вела переговоры с Германией о совместном противодействии интересам СССР в Европе, но и ставила конечной целью "расчленение и уничтожение России"¹⁶.*

периалисты, коварные и ненадежные, попытаются втянуть СССР в конфликт с Гитлером. Поэтому все годы следования политике "коллективной безопасности" Сталин не переставал прощупывать почву в Берлине. И если из этого ничего не вышло, то лишь потому, что Гитлер, занятый консолидацией своих позиций на Западе, не проявил ответного интереса". Этот выбор, замечает далее Малиа, объясняется и тем, что Сталин "в первую очередь стремился по мере возможности отсрочить "черный день" вступления в войну; кроме того, он полагал, что конфликт тем временем будет развиваться по образцу домеханизированной войны 1914-1918 годов. Иными словами, он ожидал возникновения длительной тупиковой ситуации на Западе, которая позволит ему перевооружиться, после чего именно он станет арбитром во всем происходящем. И в этом, разумеется, состоял его главный просчет"⁷.

Разведка докладывает: война явно на пороге, все приготовления к нападению на Польшу завершены, оно может произойти в августе или сентябре, а англичане проводят какие-то секретные консультации с немцами. В то же время давно идущие англо-франко-советские переговоры к концу июля продолжают топтаться на месте. Дискуссии безнадежно застряли на обсуждении вопроса об определении косвенной агрессии*. К тому же создавалось впечатление, что переговорщики вообще ведут речь о совершенно разных проблемах, не желая слышать и слу-

**По словам авторитетного специалиста по истории Второй мировой войны М. Мельтюхова, "СССР настаивает на том, чтобы определение косвенной агрессии было как можно максимально широко, чтобы иметь возможность избежать различных неприятностей. Со своей стороны западные страны, прежде всего Англия, считают, что, наоборот, нужно здесь попытаться добиться более узкой четкости, чтобы никому там не наступить на что-нибудь. Во всяком случае, во внутренних обсуждениях этого вопроса английское руководство исходит из того, что хотя переговоры по этому поводу с Москвой следует продолжать, но нужно обеспечить себе свободу рук, если потребуется, заявить России, что Англия не обязана вступать в войну... Англия пока не хочет договариваться с Москвой. Но продолжает вести переговоры, надеясь тем самым добиться того, что Берлин сдастся и пойдет на соглашение с западными странами... Я так подозреваю, что западных наших партнеров вполне бы устроила затяжка этих переговоров вообще до осени, когда погода портится и уже воевать вряд ли кто-то будет"⁸.*

шать друг друга и, по существу, просто затягивая время.

Как замечает историк Е.Зубкова, "идея антигитлеровской коалиции в том формате, как она обсуждалась в ходе трехсторонних переговоров между Советским Союзом, Великобританией и Францией в 1939 году, была обречена с самого начала. Точнее, ни о какой антигитлеровской коалиции речь тогда вообще не шла. Обсуждались возможности создания так называемой системы коллективной безопасности в Европе. Одним из элементов этой системы должны были стать гарантии "малым" странам со стороны "больших", которые брали первых под свою защиту в случае агрессии. Советская сторона попыталась добиться для себя статуса гаранта безопасности для стран Балтии, что предполагало в том числе советское военное присутствие в этих странах. Резко негативная реакция на эти предложения Латвии и Эстонии во многом определила позицию Англии и Франции. Но разногласия по поводу гарантий и гарантов не были главной причиной срыва переговоров. Переговорщики так и не смогли найти общий язык. Впрочем, как показывают документы, и не особенно старались его найти"⁹.

Какие вообще варианты выхода из тяжелой ситуации, складывавшейся в Европе летом 1939 года, могли в те дни и недели рассматриваться и всесторонне анализироваться в Кремле?

Первый вариант. Сохранить нейтралитет. Тогда Германия захватит всю Польшу, а затем и Прибалтику. Советский Союз в этом случае не только не приобретает никаких выгод для себя, но и становится крайне уязвимым в случае будущей гитлеровской агрессии.

Второй вариант. Заключить соглашение с Англией и Францией о совместном противодействии германской агрессии. Но в этом случае Советский Союз не получает ни малейших гарантий того, что две эти державы и в самом деле вступят в войну, а не поведут себя точно так же, как в дни оккупации Рейнской области, аншлюса Австрии и расчленения Чехословакии. СССР в таком случае окажется один на один с нацистской Германией и рано или поздно примет на себя ее главный удар.

Оставался *третий вариант* - принять в Москве Риббентропа, подписать предложенный немцами договор о ненападении. Избран был именно этот вариант. В соответствии с заключенным договором стороны брали на себя обязательства в течение десяти лет не нападать друг на друга, консультироваться по разным поводам - самое обычное в подобных документах содержание.

Но важнее всего был секретный дополнительный протокол, который зафиксировал разграничение интересов в Восточной Европе. К сфере интересов СССР были отнесены территория Польши к востоку от линии рек Нарев, Висла и Сан*, а также Финляндия, Эстония, Латвия. Цинично, аморально? Да, конечно. Но Сталин в этой ситуации меньше всего думал о соблюдении моральных норм. Да и много ли в истории случаев, чтобы в условиях даже относительной военной опасности для той или иной страны ее руководство проявляло заботу о высоких моральных принципах?

Почему-то те, кто обвиняют Сталина и тогдашний СССР во всех мыслимых и немыслимых грехах, полностью игнорируют моральную сторону поступков других крупных игроков на внешнеполитической сцене того времени. Руководящим деятелям США и Англии на всем протяжении XX века вполне хватало политической воли. И очень многие из них в той или иной мере были замараны кровью. Нет, например, оснований не доверять утверждениям о том, что трагических последствий разрушительных бомбардировок Ковентри могло и не быть, если бы У.Черчилль загодя дал команду об эвакуации населения. Ведь исследователи не исключают, что он был осведомлен о предстоящих бомбардировках. Но перед ним стоял выбор: либо раскрыть немцам, что, благодаря поднятой с потопленной германской подлодки шифровальной машины "Энигма", он читает все их коды, либо спасти свое население. Задним числом оправдывая свое бездействие, англичане заявляли, что жертвы Ковент-

**Строго говоря, речь шла о том, чтобы положить конец оккупации этих территорий Польшей в 1920 году, которые СССР по праву считал незаконно у него отнятыми, и о восстановлении территориальной целостности восточноевропейских народов¹⁰.*

ри свели на нет все усилия фельдмаршала Роммеля в Северной Африке. И вообще успех средиземноморской кампании англичанам и американцам обеспечила возможность читать все германские шифровки. Черчилль, видимо, не очень колебался, жертвуя своим населением.

Ф.Д.Рузвельт тоже мог быть заранее информирован о планах нападения на Пёрл-Харбор. Поэтому сегодня ряд историков - при бесспорно большом уважении к Рузвельту - не исключают того, что он допустил японские бомбардировки совершенно сознательно, с целью обеспечить единство нации и добиться от Конгресса санкции на вступление в войну, которого стремились не допустить традиционные американские изоляционисты. Версия о внезапном нападении давала ему политическую поддержку и соответствующий мандат на ведение войны, которая должна была завершиться резким усилением мощи США и новым переделом мира.

В любом случае заключением пакта СССР предотвращал возможность нового соглашения Германии с Англией и Францией и создавал весьма немаловажные предпосылки для того, чтобы оказаться в ряду держав, которым суждено определять судьбы мировой политики и ее будущее.

ПОЙДЯ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПАКТА, Сталин с точностью до наоборот совершил то, что на протяжении предшествующих лет предпринимали Англия и Франция, всячески старавшиеся столкнуть Германию с Советским Союзом, "каналлизировать" агрессивные устремления Гитлера на Восток. Больше того, Сталин, видимо, рассчитывал повторить то, что сделали во время Первой мировой войны США, включившиеся, как известно, в военные действия в Европе только тогда, когда противники достаточно измотали друг друга.

Можно с уверенностью утверждать, что у всех тогдашних мировых лидеров были сходные замыслы. Раз война неизбежна, значит, нужно втянуться в нее как можно позже. Именно к это-

му стремились и Англия, и Франция, и США, и СССР. У каждого были свои мотивы, свои дальнейшие стратегические цели, но тактическая линия поведения была общей.

В последний день лета 1939 года гитлеровский вермахт изготовился к совершению новой агрессии. В ночь на 1 сентября, инсценировав польское нападение на радиостанцию в пограничном городке Глейвиц, германские войска вторглись в Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Хотя польская армия мужественно сражалась, силы оказались слишком неравными. К тому же оправдались худшие опасения Кремля: следуя прежним установкам "умиротворения" Гитлера, союзники приняли 12 сентября в Абвиле решение не начинать военных действий и тем самым бросили Польшу на произвол судьбы, как ранее Австрию и Чехословакию.

Никто, в том числе и Сталин, не мог, естественно, предполагать, что после восьми месяцев этой "странной войны" германские войска, накопив силы и перейдя 10 мая 1940 года в наступление, в течение нескольких дней оккупируют Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург. 22 июня капитулировала Франция, казавшаяся несокрушимой, надежно защищенной "линией Мажино", а английские войска бежали с континента на родину. Гитлер окончательно уверовал тогда в неограниченные возможности применения превосходящей военной силы, использования методов блицкрига для реализации замыслов, вынашивавшихся им еще с начала 1920-х годов. А главное - он добился того, что была практически ликвидирована опасность ведения войны на два фронта.

Как отмечает немецкий историк Ю.Фёрстер: "2 июня 1940 г. Гитлер заявил в штабе армии группы "А" в Шарлевиле, что "наконец он может посвятить себя своему истинному предназначению: искоренению большевизма"¹¹. *Уничтожение коммунизма, сокрушение Советского Союза, как свидетельствуют документы, Гитлер всегда считал своей основной целью и не переставал говорить об этом на секретных встречах в течение всего периода действия пакта о ненападении с СССР.* В тот самый день, когда капитулировала Франция, Гитлер приказывает начальнику генштаба сухо-

путных войск генералу Гальдеру приступить к разработке плана вторжения в Советский Союз. 18 декабря он подписывает уже полностью готовый план "Барбаросса".

В результате достигнутых в 1939-1940 годах военных успехов Гитлер сумел поставить под контроль всю континентальную Европу за пределами СССР, на территории которой, с учетом стран-сателлитов, проживало 290 млн. человек. Сполна используя возможности, открытые договором о ненападении, Германия значительно улучшила свое военно-стратегическое и хозяйственное положение, к июню 1941 года в несколько раз превзойдя Советский Союз по экономической мощи. Вооруженные силы не только резко увеличили свою численность, но и были оснащены достаточным количеством техники и вооружений. Вермахт успел приобрести немалый боевой опыт в ходе военных действий на пространстве от Скандинавии до Средиземноморья, испытал новые образцы оружия и боевой техники, на практике опробовал современные военно-технические концепции.

Сталин же, судя по многочисленным свидетельствам и воспоминаниям, на каком-то этапе убедил себя, что нападение Германии на СССР станет возможным только после разгрома Англии, а способность той к долговременному сопротивлению гитлеровцам тогда почти не подвергалась сомнению. Именно в силу этого, очевидно, Сталин и расценивал как заведомо ложные и провокационные любые попытки убедить его в приближающемся нападении вермахта на СССР. По свидетельству современников, Сталин явно переоценил меру занятости Гитлера на Западе, считая, что он завяз там надолго и в ближайшее время не сможет воевать на Востоке. Положив это в основу всех своих прогнозов, Сталин после поражения Франции, видимо, не нашел в себе силы по-новому переоценить обстановку.

Это подтвердил, например, В.Молотов в одном из последних своих интервью военному историку Г.Куманеву. По его словам, Сталин "в самом деле не верил, что война так близка. И эта его позиция оказалась ошибочной"¹². Таково же и свидетельство другого человека из сталинского "ближнего круга",

А.Микояна: "Говорить с ним весной и особенно в начале лета 1941 года о том, что Германия в любой момент может напасть на СССР, было делом абсолютно бесполезным. Сталин уверовал в то, что война с немцами может начаться где-то в конце или середине 1942 года, то есть после того, как Гитлер поставит Англию на колени. Воевать же на два фронта, по его мнению, Гитлер никогда не решится"¹³.

СЕГОДНЯ оценки событий, происходивших осенью 1939 года на Западной Украине и в Западной Белоруссии, в целом различны. В то время как нынешние польские власти и СМИ объявляют эти события "актом агрессии" и даже пытаются инкриминировать Советскому Союзу чуть ли не "геноцид", в Белоруссии и на Украине звучат совсем иные оценки. Как говорилось в заявлении Президента Белоруссии А.Лукашенко 17 сентября 2009 года, целью освободительного похода Красной армии "была защита оставленного на произвол судьбы белорусского и украинского населения на территории Польши в условиях германского вторжения и развязывания Второй мировой войны. Это не только укрепило безопасность СССР, но и стало важным вкладом в борьбу против фашистской агрессии". По словам Лукашенко, несмотря на различные мнения и оценки событий, связанных с этой датой, бесспорен факт: в результате военной операции произошло воссоединение искусственно разделенного белорусского народа, что явилось актом исторической справедливости. "На освобожденных землях были созданы условия для строительства новой жизни. Белорусы получили возможность развивать государственность в рамках единого национально-территориального образования"¹⁴.

Сходное по тональности заявление сделал и руководитель Партии регионов, бывший премьер и кандидат в президенты Украины В.Янукович. Выступая на Тарасовой горе в Каневе (Черкасская область), он назвал 17 сентября 1939 года особенной датой в истории Украины. "Ровно 70 лет назад западные

земли Украины воссоединились с восточными. Сбылась извечная мечта многих украинцев. Сбылась мечта и Большого Кобзаря о воссоединении Украины "в семье единой, семье вольной, новой"¹⁵.

Что касается участвовавших в последние годы попыток уравнять гитлеровский и сталинский режимы, представить их в равной степени виновными в развязывании Второй мировой войны, то они носят откровенно провокационный, фальсификаторский характер. В научном отношении такие попытки совершенно бесплодны, так как сковывают мысль историков и побуждают их следовать заранее навязанной линии. В любом случае они уводят в сторону от постижения исторической истины и не дают никакого вразумительного ответа на важнейшие вопросы, с которыми сталкивается любой не отягченный догмами и предубеждениями исследователь.

Мифотворчество, которым в канун приближающегося 65-летия Великой Победы занимаются многие западные политики и журналисты, не в состоянии выяснить многие проблемы гитлеровской и сталинской разновидностей авторитаризма XX века и доказать научную обоснованность отождествления двух режимов. Им не удавалось - и не удастся - убедительно и внятно объяснить, например, почему, несмотря на объявляемое родство этих режимов, конфликт между правым экстремизмом и коммунизмом относится к наиболее острым противоречиям новейшей истории. Или - почему выбор старых германских элит в 1933 году выпал на нацистов, если между фашистами и коммунистами будто бы не было никакой разницы?

Правда истории состоит в том, что *именно Гитлер был главным виновником войны и именно СССР стал жертвой его неспровоцированной агрессии*. Это германский нацизм, а не сталинизм, стремился не просто к территориальным завоеваниям, но и порабощению и истреблению целых народов. Это гитлеровская Германия повинна в гибели десятков миллионов ни в чем не повинных людей, колоссальных материальных потерях, установлении на оккупированных землях по-

истине средневековых порядков. И это советская система, вынесшая на своих плечах основную тяжесть войны, в одиночку "перемоловшая" военную машину гитлеризма, ценой героизма и самопожертвования своих солдат нанеся главный урон живой силе вермахта (три четверти его потерь пришлось на Восточный фронт), спасла народы Европы и всего мира от "коричневой чумы".

¹Из последних публикаций на эту тему среди прочих следует отметить: *Дашичев В.* Что скрывалось за пактом о ненападении между Гитлером и Сталиным? // "Политический класс", 2008, №11; *Дашичев В.* Накануне Второй мировой. Уроки предвоенного политического кризиса. // Мир перемен, 2009. №9; *Наринский М.* В преддверии войны. // Свободная мысль, 2009. №8; *Мельтюхов М.* 17 сентября 1939 года. М., 2009; *Нарочницкая Н.А., Фалин В.М.* и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009.

²<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/litva/1202456.html>

³<http://www.echo.msk.ru/programs/netak/619321-echo.phtml>

⁴Там же.

⁵*Уткин А.* Черчилль. Победитель двух войн. М., 2003. С. 234.

⁶Власть, №35, 07.09. 2009.

⁷*Малиа М.* Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991. М., 2002. С. 302, 303.

⁸<http://www.echo.msk.ru/programs/netak/612019-echo.phtml>

⁹Итоги, №33, 10.08. 2009.

¹⁰ <http://www.regnum.ru/news/1208343.html>

¹¹ *Фёрстер Ю.* Война и политика. 1939-1941. М., 2001. С. 332.

¹² *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 12-13.

¹³ Там же. С. 23.

¹⁴ <http://www.regnum.ru/news/1206442.html>

¹⁵ <http://www.regnum.ru/news/1206412.html>

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ "ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ДИКТАТУРЫ" В ЛАТВИИ

Владимир Симиндей

УСТАНОВЛЕНИЕ В ЛАТВИИ жесткого авторитарного правления с профашистской идеологией оказало ключевое воздействие на формирование стереотипов, предпочтений и антипатий официальной Риги к ведущим игрокам в мировой политике. Прослеживая "дипломатию зигзагов" и особенности режима, характерные для Латвии в период диктатуры Карлиса Улманиса (1934-1940 гг.), можно попытаться уяснить закономерности провала противоречивых попыток сохранить нейтралитет и "вождистскую" государственность в условиях начавшейся Второй мировой войны и неизбежного столкновения СССР и Германии, готовившей "войну на уничтожение".

Активизация нацистов уже в 1933 году привела к существенным изменениям во внешнеполитических подходах советского руководства, сделавшего ставку на поддержку доктрины "коллективной безопасности" в Европе. Первым плодом этих усилий стало существенное сближение Москвы и Парижа, ознаменовавшееся заключением 16 ноября 1933 года советско-французского договора о ненападении. Еще раньше, 3 июля

Владимир Владимирович Симиндей - руководитель исследовательских программ Фонда "Историческая память" (Москва), специалист по истории и современному развитию стран Прибалтики, в 2001-2005 гг. - атташе, третий секретарь посольства России в Латвии.

1933 года, ряд стран, включая СССР, Латвию и Эстонию, подписали специальную конвенцию, в которой была дана четкая дефиниция агрессора. Вместе с тем активность СССР на международной арене по предотвращению фашистской угрозы зачастую вызывала недоверие и подозрительность в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), многие из которых продолжали оставаться в плену доктрины "санитарного кордона" против коммунизма.

Всю серьезность ситуации со сменой власти в Германии не понимали и в Риге. Латвийский посол в Берлине Э.Криевиньш 31 января 1933 года писал главе МИД Латвийской Республики (ЛР) К.Зариньшу, что кабинет Гитлера является "новым экспериментом" и еще неясно, кто больше, а кто меньше имеет повод радоваться. В свою очередь, германский посол в Риге Г.Марциус сообщал своему руководству о том, что латыши опасаются германской угрозы независимости ЛР, хотя антикоммунизм нового правительства Германии вызывает широкое удовлетворение в Латвии. Попытки латвийской дипломатии как можно скорее успокоить общество не увенчались успехом: госсекретарь МИД Германии Б. фон Бюлов отверг идею подписания совместного коммюнике об отношениях двух стран.

В самой Латвии разворачивалось острое неприятие нацистского режима и его первых репрессивных шагов. Следует отметить, что в 1933 году Латвийская Республика оказалась на авансцене противодействия гитлеризму и фашизму, однако продержалась там совсем недолго.

4 марта 1933 года 329 граждан Германии, постоянно или временно проживавших в Латвии, с помпой отправились на специальном поезде из Риги в Тильзит для участия в выборах рейхстага. Левые и центристы в Латвии восприняли этот жест как враждебный демарш, так как балтийские немцы не скрывали своего желания отдать голоса за партию Гитлера. По возвращении, 6 марта, когда уже стало известно о триумфальной победе нацистов, на "политических туристов" напала разгневанная толпа, в которой преобладала левая социал-демократическая молодежь. Этот инцидент вызвал злобную реакцию у нацистского руководства.

Лидер латвийских социал-демократов Б.Калниньш от имени своей партии 8 марта выступил в печати с требованием к правительству ЛР "выдворить из Латвии фашистов-гитлеровцев"¹. 17 марта Сейм поддержал предложение о высылке фашиствующих иностранцев, закрытии организаций и печатных органов их местных идейных сторонников. В ответ Германия пригрозила торговым эмбарго и высылкой из рейха латвийских евреев. Кабинет министров ЛР предпочел пойти на уступки и не выполнить антинацистское парламентское решение.

Еще одна тема противостояния возникла после решения германских нацистов о бойкоте еврейских магазинов и предприятий с 1 апреля 1933 года. В ответ латвийские евреи организовали встречную акцию в отношении немецких товаров. Берлин, в свою очередь, нанес удар по латвийской экономике, приостановив импорт масла, составлявший в тот период 51% от общего объема латвийского экспорта этого продукта. "Масляная война" была свернута в июне 1933 года, когда стало ясно, что официальная Рига не предпримет практических шагов против нацистов.

Даже с учетом нарастающей опасности со стороны гитлеровской Германии Латвия и Эстония ревностно следили за соблюдением формальных аспектов своего суверенитета в случаях, когда международные инициативы исходили от Москвы или с ее подачи. Так, в январе 1934 года Рига и Таллин отклонили общее предложение Польши и СССР о предоставлении Прибалтийским странам гарантий их безопасности. Стремительный вираж Варшавы в сторону Берлина и заключение с ним 26 января соглашения о "ненападении и взаимопонимании" подтвердил необходимость рассматривать вопросы безопасности в более широком составе участников, а также укреплять двустороннюю договорно-правовую базу.

20 марта 1934 года Москва предложила Прибалтийским странам продлить действие договоров о ненападении от 1932 года, которые выразили на это согласие и 4 апреля пролонгировали их сроком на десять лет.

Весной-летом 1934 года проходили советско-французские переговоры о широкомасштабной программе коллек-

тивной безопасности, на которых обсуждалась идея заключения Восточного пакта ("Восточного Локарно") с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии, а также Франции в качестве гаранта. Германия, Польша, а вслед за ними прибалтийские страны так или иначе отвергли эту инициативу, Финляндия сделала вид, что приглашения к переговорам не получала.

Значительно меньшую щепетильность в отношении своего суверенитета официальная Рига проявляла, добываясь гарантий безопасности от Великобритании, которую считала своим главным военным союзником. В ответ на все дипломатические заходы латышей Лондон выражал "индифферентность", что позволило послу Латвии в Британии К.Зариньшу прийти к выводу: Туманный Альбион до сих пор заинтересован в существовании Латвии и остальных стран Балтии, но не настолько, чтобы защищать их с оружием в руках. Латвийский историк А.Зунда, посвятивший монографию двусторонним отношениям с этой страной, отмечает: "Вместе с тем Латвия в середине и второй половине 30-х годов все еще надеялась на возможности экономического и политического сближения с Великобританией. Многократные визиты В.Мунтерса в Лондон и его прием на самом высоком уровне, а также переговоры с английскими руководителями и их туманные обещания заботиться о мире и стабильности в рамках Устава Лиги Наций сохраняли какие-то надежды. Однако никаких конкретных действий с британской стороны не последовало. Наоборот, в рассматриваемый период Англия всеми силами стремилась добиться соглашения с Германией. Модели такого соглашения неоспоримо затрагивали все восточноевропейские государства, в том числе Балтию"².

Отмечая нарастающее безразличие Великобритании и Франции к безопасности Прибалтийских стран и осознавая слабые перспективы тесного военного сотрудничества с Финляндией и Швецией, МИД Латвии склонился к выводу, что единственным надежным партнером может быть Эстония. 17 февраля 1934 года союзнические отношения Латвии и Эстонии были значительно укреплены и расширены, включая

вопросы регулярной координации внешнеполитической деятельности. "Балтийская Антанта" была открыта для присоединения Литвы, однако из-за "виленского вопроса" и подозрений в "излишнем сближении" каунасской Литвы с Москвой доверительное сотрудничество не складывалось.

Военный переворот в ночь с 15 на 16 мая 1934 года подвел черту под периодом парламентаризма в истории Латвии и на шесть лет установил диктатуру Карлиса Улманиса. Предпосылки для водворения в ЛР авторитарного режима складывались в течение многих лет. Слабость правительственных коалиций (до переворота сменились 18 составов кабинета министров), острые и зачастую бесплодные дебаты в расколотом на множество фракций Сейме, громкие скандалы и коррупция, само наличие 109 зарегистрированных партий вызывали недовольство в политических и военных кругах страны. Однако вместо попыток упорядочения партийно-политической системы (введение 5-7% барьера на выборах, перерегистрация партий с повышением минимального порога необходимых членов и т.д.) и наряду с проектами конституционных поправок появилась своего рода конкуренция между группировками, готовившими силовое решение проблемы.

Захват власти ставила своей целью профашистская ультра-националистическая группировка "Перконкрустс" во главе с отставным лейтенантом и чиновником Густавом Целминьшем. В этой связи в 1933 году правительство Улманиса распорядилось о запрете данной организации и аресте ее активистов. "Легионеры" Вольдемарса Озолса, состоявшие из ветеранов и отставников, которым не нашлось места в армии, также пытались найти подходы к действующим офицерам. Кроме того, правые опасались активизации своих противников на левом фланге. В ноябре 1933 года были арестованы депутаты коммунистической фракции в Сейме, обвиненные в "государственной измене". Определенные "силовые" позиции сохраняли социал-демократы, имевшие в своем распоряжении Спортивный союз рабочих, в деятельности которого отмечались признаки полувоенной организации. Сам премьер-министр Улманис уже имел реальную власть и значительные шансы на успешный переворот.

К этому его подталкивали неутешительные мысли о том, что на ближайших парламентских выборах руководимый им Крестьянский союз может провалиться.

Большую роль в притягательности силовых методов решения вопроса о власти играл международный климат. К маю 1934 года Латвия была окружена примерами установления авторитарных режимов: в 1926 году совершил переворот в Литве А.Сметона и захватил власть в Польше Ю.Пилсудский, в марте 1934 года организовал путч в Эстонии К.Пятс. Стимулировало потребность в "сильной руке" и германо-польское соглашение о "ненападении и взаимопонимании" от 26 января 1934 года, вызвавшее в латвийском обществе опасения по поводу возможных совместных действий нацистского Берлина и воинственной Варшавы против Латвии (в то время существовал участок польско-латвийской границы). Вместе с тем подготовка Улманиса к государственному перевороту, начатая еще в конце лета 1933 года, предполагала, по понятным причинам, особый интерес к опыту литовских заговорщиков.

По итогам военного переворота 15 мая, оказавшегося бескровным, были распущены все политические партии, упразднен Сейм, частично ликвидированы самоуправления, прекращено ("приостановлено") действие Сатверсме (Конституции), закрыты многие печатные издания, запрещены собрания и демонстрации, задержаны более 2 тыс. человек, часть из которых была направлена в концлагерь в Лиепае. В 1936 году, после завершения срока полномочий "номинального" Президента А.Квиесиса, Улманис сосредоточил в своих руках всю полноту власти и оба ключевых поста в государстве: "президентская диктатура" обрела полный формат.

В июньском номере журнала "Айзсаргс" за 1934 год наряду с обильным славословием в адрес К.Улманиса была принята попытка обосновать необходимость "вождизма" в Латвии со ссылкой на итальянский фашистский опыт. Статью, в которой прославлялся режим Б.Муссолини, украшал заголовок: "Вождь народа и значение вождизма. В особенности небольшим народам необходимы могучие и отважные вожд-

ди"³. Следует отметить, что и сам Улманис после военного переворота 15 мая часто ссылался на Муссолини и фашистский режим, усматривая в нем образец для подражания в делах управления государством, в социальной политике и формировании образа сильного вождя.

При этом встречного энтузиазма со стороны итальянских фашистов не наблюдалось, за исключением общих мер по популяризации своей идеологии за рубежом, иллюстрациями которых стали визиты в Ригу видных пропагандистов фашизма - Алесандро Паволини (летом 1934 г.) и Ферручо Кабалцара (в 1935 г.). Всерьез брать Латвию в "ученики" и союзники они не собирались. Итальянский исследователь дипломатических отношений с межвоенной Латвией В.Перна отмечает, что Муссолини было приятно получать свидетельства пиетета к его персоне (и фашизму в целом) со стороны официальной Риги. Вместе с тем "с середины 1930-х годов Муссолини рассматривал Прибалтику как территорию естественной экспансии немецкого влияния и считал за лучшее не брать на себя никаких обязательств в этих государствах"⁴.

Живой интерес Улманиса к фашизму носил не только пропагандистский, но и содержательный характер. В частности, он еще до переворота, в октябре 1933 года, поручил новому послу Латвии в Италии А.Спекке детально ознакомиться с корпоративистской системой Муссолини и почерпнул оттуда ряд идей. Впрочем, последовательным эпигоном итальянского фашизма латвийский диктатор не был - он периодически увлекался разными, порой абсолютно противоположными "немарксистскими" течениями.

Изучением опыта построения нацистского режима Улманис занимался лично во время своего лечения в Германии (8 сентября - 18 октября 1933 г.). Свидетельством того, что он попал под сильное влияние национал-социалистов, может служить выступление 9 ноября 1933 года в Сельскохозяйственном центральном обществе в Риге. Улманис с воодушевлением и, вероятно, затаенной завистью хвалил царящие в Германии "волны восторга и наэлектризованности", культ фюрера и "аризацию" жизни - изгнание евреев из всех государственных и об-

щественно значимых сфер. Свою речь он закончил с апломбом: бояться "новой Германии" не стоит - "войны не будет".

Вызывал некоторую симпатию у него и опыт британских лейбористов (рабочая партия, опирающаяся на профсоюзы), хотя латвийский "вождь" все же склонялся к непартийным формам достижения "единства нации". Латышский эмигрантский историк А.Шилде объяснял негативное отношение Улманиса к применению в Латвии иностранного опыта построения однопартийной диктатуры тем, что он просто боялся внутривнутрипартийной оппозиции, с которой уже сталкивался в своей "вотчине" - Крестьянском союзе.

С мая 1934 года на основе заимствований из "модных" западноевропейских идейных девиаций и банальной ксенофобии местного происхождения верстался план построения "латышской Латвии", в которой этнические меньшинства должны были "знать свое место". Его идейную основу составлял "винегрет" из звонких лозунгов и эпических хуторских представлений о "латышском хозяине", элементов фашистских корпоративистских идей, антисемитских и русофобских настроений, а также застарелых опасений немецко-балтийского засилья. В 1937 году пропаганду вождизма и латышского национализма было призвано курировать вновь созданное Министерство общественных дел, контролировавшее прессу, литературу и искусство.

Моральный климат той эпохи и уроки его установления современные латышские ученые характеризуют следующим образом: "После 15 мая 1934 года латыши действительно чувствовали себя хозяевами, определяющими положение в своем государстве. Возросшее самосознание помогло латышскому народу выдержать долгие годы войны и оккупации. Правда, некоторые аспекты в национальной политике К.Улманиса можно критиковать, но нельзя отрицать, что латыши в то время значительно консолидировались"⁵.

На практике это вылилось в создание системы "камер" как органов надзора за объединениями торговцев, промышленников, ремесленников, сельхозпроизводителей и представителей "свободных профессий" (а также за восстановленным подобием рабочих профсоюзов), монополизацию производ-

ства и торговли в руках "надежных" латышей, принудительную национализацию, выдавливание с рынка представителей "нетитульных" национальностей, вплоть до запрета для них на занятия определенными видами деятельности.

В экономической сфере меры по "латышизации" серьезно затронули латвийских евреев - у многих из них отнимались разрешения на работу адвокатами и врачами, им больше не могли принадлежать лесопилки и деревообрабатывающие предприятия, реквизировались текстильные фабрики и т.д. Подбадривала эти начинания правительства Улманиса и нацистская пропаганда. Кроме того, с ноября 1935 года, когда в ходе латвийско-германских торговых переговоров официальная Рига поддавалась давлению и сняла вопрос об участии в торговых делах латвийских евреев, находящихся в Третьем рейхе, нацисты строго следили за исключением "неарийцев" из двустороннего товарооборота и финансовых сделок. Иностранные еврейские компании также постепенно выдавливались из Латвии. Как отмечал глава МИД ЛР В.Мунтерс в беседе с германским послом в Риге Г. фон Котце в мае 1939 года, "именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается"⁶. При этом открытая антисемитская пропаганда в улманисовской Латвии все же была запрещена, а сам "вождь" недолго любил и побаивался евреев, но не желал их физического уничтожения.

В отношении ряда предпринимателей из числа балтийских немцев (также не в последнюю очередь в популистских целях) чинился произвол, но с оглядкой на Берлин. Подлинная трагедия для этой общины наступит в 1939-1940 годах, при насильственной "репатриации" преимущественно в оккупированные Гитлером польские земли.

Русские в Латвии не имели заметного представительства в крупном предпринимательстве, однако они почувствовали на себе, например, запрет использования русского языка в самоуправлениях. Сворачивалась относительно либеральная система образования для нацменьшинств, в том числе русских и белорусов, многие из которых теперь принудительно зачислялись в латыши, особенно в приграничных с СССР

волостях. Показательным в этом отношении был арест и увольнение со службы начальника Белорусского управления Министерства образования ЛР, общественно-политического деятеля и писателя Владимира Пигулевского.

Пагубные последствия воплощения в жизнь лозунга "Латвия - латышам" ощутили на себе латгальские поляки, что несколько подпортило впечатление от "своевременного" авторитарного переворота "а-ля Пилсудский" у правящих кругов в Варшаве и Вильне, недооценивших поначалу направленность улманисовского режима против всех национальных меньшинств, включая польское. Под каток официозного национализма попали и сами латгальцы, язык которых не признавался ни как таковой, ни в качестве равноправного диалекта латышского.

Политическая верхушка, концентрировавшаяся вокруг Улманиса, была подобрана по принципу личной преданности, а не деловых качеств. Такой подход ставят ему в вину - с оглядкой на обстоятельства падения режима в 1940 году - даже те молодые латышские историки, кто с некоторой симпатией относится к улманисовской модели национал-корпоративизма. При этом окружение "вождя" состояло из персонажей, весьма различных по внешнеполитическим симпатиям, антипатиям и предрассудкам. Военный министр, позднее вице-премьер, Балодис, практически единственный из окружения диктатора, кто отваживался ему что-либо возражать, сохранял антинемецкую подозрительность. Постепенно он был отодвинут с авансцены, проиграв аппаратную схватку за милость "вождя" молодым выдвиженцам - склонному к опасным дипломатическим играм с Берлином В.Мунтерсу (глава МИД) и А.Берзиньшу, главному вдохновителю и организатору кампании по установлению культа личности Улманиса (товарищ министра внутренних дел, позднее возглавил Министерство общественных дел, курировал военизированную организацию "айзсаргов"). Министр финансов А.Валдманис (1938-1939 гг.) периодически выражал прогерманские симпатии и впоследствии сотрудничал с нацистскими оккупантами. Ориентации на укрепление связей как с Великоб-

ританией - Францией, так и с Финляндией - Эстонией придерживался назначенный в 1934 году командующим латвийской армией генерал К.Беркис; при этом в среде генералитета имелись неприкрытые и более осторожные "друзья Германии" (начальник штаба армии М.Хартманис, О.Данкерс и др.)

Советское руководство в целом было осведомлено о политических раскладах и симпатиях в латвийских верхах, получая характеристики персонажей не только от полпредства в Риге, но и по линии разведки. Так, достоянием ГУГБ НКВД СССР стал доклад чешского посла в Риге П.Берачека в МИД ЧСР от 21 сентября 1938 года по вопросу об отношении Латвии и других Прибалтийских стран к вероятному советско-германскому конфликту и мировой войне. В нем были проанализированы противоречивые настроения в окружении Улманиса и приведена нелестная характеристика латвийского диктатора, данная французским послом в Риге Ж.Трипье: "Он реагирует на все как немец. Когда он сталкивается с силой, он пресмыкается, когда чувствует себя более уверенным, становится наглее". В этом докладе также был представлен вывод: "Со своей стороны считаю, что окончательное решение Латвии зависело бы от первоначальных успехов той или иной стороны, но все же предполагаю, что в случае столкновения русских и немецких войск на территории Латвии латыши, пожалуй, решили бы стать на советскую сторону, учитывая симпатию большинства народа. [...] Что касается Президента Улманиса, то он не мог бы противопоставить себя крестьянству и в этом случае, вероятнее всего, пошел бы вместе с армией и аграрниками против немцев. Другое дело, если англо-французская комбинация проявила бы свою военную беспомощность и неподготовленность, а немцы имели бы молниеносные успехи вначале"⁷. Как известно, мрачный прогноз чешского дипломата относительно положения западных союзников в первые годы войны оправдался. Судьба же самой Латвии была решена до начала военных действий нацистской Германии против СССР, поэтому судить о реальных соблазнах для Улманиса встать на сторону немцев можно лишь в вероятностном ключе.

Улманис и Мунтерс сосредоточили в своих руках внешнюю политику. В общем лавировании между державами (при попытке соблюдать тезис о "нейтралитете") наблюдался все больший крен в сторону Третьего рейха. При этом "вождь" и его министр старались привлечь внимание к судьбе Латвии Лондона, Парижа и Вашингтона, сделавших все возможное для появления ее на карте Европы по итогам Первой мировой войны и интервенции в пределах бывшей Российской империи. Так как весомых заверений, предоставляющих Латвии место союзника при сохранении суверенитета, от различных сегментов "антисоветского лагеря" не последовало, то Рига оказалась податлива для предложений и требований "идеологически чуждой" Москвы.

В обстоятельствах, когда Запад настойчиво желал перенацелить агрессию Гитлера на Восток (что показали мюнхенский сговор 1938 года и раздел Чехословакии), все попытки выстроить единый фронт против нацистов не увенчались успехом, а Москва опасалась военного нападения не только со стороны Германии, но и Великобритании с Францией (при участии Польши в той или иной конфигурации союзников) - доверие к Латвии как политически устойчивому и в военном плане состоятельному союзнику или нейтралу улетучивалось у всех заинтересованных сторон. Тем не менее геополитический интерес к Балтийскому региону сохранялся.

Латвийская дипломатия не оставляла попыток добиться благосклонности Муссолини славословием в адрес фашизма, рассчитывая на некое посредничество Рима в прояснении отношений с Германией. После развертывания итальянской агрессии против Эфиопии (одной из двух независимых стран Африки в тот период) в октябре 1935 года латвийское руководство заняло, по сути, профашистскую позицию. Официальная Рига старалась притормозить применение международных санкций против Италии по линии Лиги Наций, не желая допустить изоляции Муссолини. Как отмечает итальянский историк В.Перна, руководитель внешнеполитического ведомства Латвии В.Мунтерс был первым, кто признал "Итальянскую империю" (разумеется, после Третьего рейха), подняв тост "За итальянс-

кого короля, императора Эфиопии!" во время официального визита в Рим в начале 1938 года .

В 1936-1937 годах нараставший германский экспансионизм на практике еще слабо выделял прибалтийский приоритет, за исключением пропагандистской и разведдеятельности на территории Литвы, Латвии и Эстонии, а также поддержки организаций балтийских немцев. Однако в Берлине внимательно следили за настроениями в латвийской верхушке и военных кругах. В 1937 году подготовленный по приказу военного министра Германии генерал-фельдмаршала В. фон Бломберга военный план отражал немецкие представления о Прибалтийских странах: Эстония считалась другом, Литва - врагом, а по поводу Латвии возникали сомнения.

Иллюстрацией противоречий в позиции основных латвийских военно-политических фигурантов может служить инцидент с посещением Берлина командующим армией ЛР Беркисом в 1937 году: он решился на этот шаг (сразу после турне Лондон - Париж) вопреки категорическим возражениям военного министра Я.Балодиса и при поддержке министра иностранных дел Мунтерса. В том же году Улманис лично подчеркнул приоритетность контактов с нацистами: во время визита в Ригу начальника Генштаба РККА маршала А.Егорова, прибывшего в ответ на посещение СССР латвийским коллегой, он так и не был принят диктатором, который предпочел в это время встречу с представителями Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

Следует отметить, что еще в 1934 году К.Улманис, совмещавший посты премьера и главы МИД, получил приглашение посетить Советский Союз наряду с главами внешнеполитических ведомств Литвы и Эстонии. В отличие от прибалтийских коллег он предпочел отказаться от поездки в Москву, так же как в более ранний период (будучи министром иностранных дел в 1926 и 1931 гг.) не ответил на визит 1925 года в Ригу наркома иностранных дел СССР Г.Чичерина. Только в июне 1937 года, зарезервировав оправдания перед Берлином, в Москву отправился новый министр иностранных дел В.Мунтерс, где был принят И.Сталиным. Как отме-

чают латышские историки, "визит ничего не решил, так как обе стороны не доверяли друг другу"⁸.

В 1938 году Германия под предлогом "воспитания прессы в духе нейтралитета" потребовала от Латвии навести "арийский порядок" в печатных изданиях, убрав евреев из состава корреспондентов за рубежом и редактората, а также из числа владельцев газет. Официальная Рига согласилась с антисемитскими претензиями нацистов в отношении журналистики, как и в торговой сфере, и в течение следующего года "зачистка" была произведена в ведущих латышских газетах "Брива земе" и "Яунакас зиняс", а также в русскоязычном издании "Сегодня".

Кульминацией сближения Латвии с Третьим рейхом стал период весны - начала лета 1939 года. Оккупация Германией Чехословакии и захват Клайпеды (Мемеля) в Литве в марте 1939 года не привели к принятию официальной Ригой советского покровительства независимости Латвии; в предупреждениях из Москвы о недопустимости сближения с Германией звучали жесткие нотки, которые Мунтерсом были проигнорированы и лишь подхлестнули попытки заигрывания с Гитлером и некоторого отдаления от Великобритании и Франции.

20 апреля 1939 года в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, приняли участие начальник штаба латвийской армии М.Хартманис и командующий Курземской дивизией О.Данкерс. Фюрер принял их лично и наградил. В кулуарах обсуждались варианты закрепления отношений на новом договорном уровне. Чтобы приступить к срочной разработке соглашений на своих условиях, Берлин воспользовался как пропагандистским поводом апрельским письмом Президента США Рузвельта к Муссолини и Гитлеру, в котором тот предложил им предоставить ряду стран, включая Латвию и Эстонию, гарантии безопасности.

В качестве "пряника" глава МИД Третьего рейха И.Риббентроп согласился не связывать готовящийся договор с проблемой балтийских немцев, расширить торгово-экономическое сотрудничество и предоставить латышам доступ к закупкам современного германского вооружения - с расчетом на "привязку" латвийской армии к немецким технологиям и их

возможное использование в восточном направлении. В ответ латвийское руководство подчеркивало ненаправленность союза с Эстонией против рейха, а также организовало 22 мая помпезное празднование 20-летия "освобождения Риги от большевиков" (изгнания из столицы правительства Советской Латвии во главе с П.Стучкой) с участием внушительной делегации из Германии, включая ветеранов ландесвера. Одним из ярких примеров подражательства нацистскому "фюреру" в позиционировании латвийского "вадониса" (вождя) стал выпуск 15 мая 1939 года почтовой марки в память о пятилетию государственного переворота в Латвии, на которой изображен К.Улманис в позе нацистского приветствия.

7 июня 1939 года в Берлине в торжественной обстановке В.Мунтерс и И.Риббентроп вместе с эстонским министром иностранных дел К.Сельтером подписали пакты о ненападении на десять лет. Латвийскую и эстонскую делегации ждал радушный прием с участием рейхсфюрера СС Г.Гимmlера и начальника штаба СА (штурмовиков) В.Лутце, осмотр нацистских учебных заведений. Западная пресса встретила заключение этих договоров весьма негативно, отмечая не только усиление зависимости Латвии и Эстонии от Германии, но и направленность пактов против СССР. Правительство Улманиса, за неимением парламента, само ратифицировало пакт 21 июня. Даже современные латышские историки осторожно подмечают "двойное дно" соглашений с немцами: "Германия продемонстрировала способность, сохранив формально-юридический подход в межгосударственных отношениях, использовать позицию латвийского внешнеполитического ведомства в своих нуждах. Быть может, уже тогда нацистская Германия взвешивала возможности использовать договоры о ненападении с Балтийскими странами для размена на что-нибудь более важное"⁹.

В Москве восприняли подписанные в июне пакты о ненападении как прямое и опасное свидетельство втягивания Эстонии и Латвии в нацистский лагерь и возможного задействования их против СССР. Дальнейшие попытки летом 1939 года достичь англо-франко-советских договоренностей о совмес-

тном эффективном противостоянии гитлеровской агрессии, в том числе в Прибалтике, не увенчались успехом.

В этих условиях советское руководство пошло на сближение с А.Гитлером, который был заинтересован в нейтралитете СССР при нападении на Польшу и готов временно свернуть претензии на Прибалтику (в первоначальном варианте - кроме Литвы и левобережья Западной Двины в Латвии) и восточные районы Польши (западноукраинские и западнобелорусские земли), уступив их И.Сталину в качестве "зон влияния". В ночь на 24 августа 1939 года председатель СНК, народный комиссар иностранных дел В.Молотов и министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп подписали в Кремле советско-германский Договор о ненападении с секретным дополнительным протоколом. Этот документ, известный под названием "пакт Молотова - Риббентропа", наряду с последующим советско-германским Договором о дружбе и границах, подписанным также с секретными приложениями 28 сентября 1939 года, оказал поворотное влияние на судьбы Латвии, Литвы и Эстонии. Накануне неизбежного драматического столкновения СССР и Германии, отсроченного в августе-сентябре 1939 года, Прибалтика оказалась в советской "зоне интересов", однако конкретные формы их гарантии тогда не оговаривались.

Латвийские дипломаты не были знакомы с текстом секретного протокола, однако получили косвенную информацию по американским каналам. При этом протестов правительства ЛР не последовало, а министр В.Мунтерс даже склонялся к тому, что советско-германский договор пойдет на пользу безопасности Латвии.

1 сентября 1939 Гитлер отдал приказ о наступлении на Польшу, развязав Вторую мировую войну. Начало боевых действий в Польше встревожило Латвию и побудило объявить о своем нейтралитете в этой войне. Следует отметить, что внешнеполитический курс Латвии в отношении Польши в 1938-1939 годах не отличался постоянством и соображениями высокой морали. Крутой вираж простирался от поздравления Варшавы с ее участием в разделе Чехословакии - в надежде

на то, что поляки не выдвинули претензий на юго-восточные районы Латвии или же не потребуют еще большую территориальную "компенсацию" (при возможной уступке ими "Данцигского коридора" Гитлеру), - до спешного закрытия польского посольства в Риге в связи с военными действиями Германии против Польши, вопреки протестам Лондона, Парижа и самой Варшавы. Польские военные, переходившие латвийскую границу, интернировались, в стране также смогли найти укрытие сотни беженцев.

16 сентября 1939 года во французском диппредставительстве в Риге начали жечь архивы, возникли трудности с эвакуацией французских граждан, так как "в Балтии хозяйкой положения является Германия". При этом рассматривались различные маршруты эвакуации дипработников: военный атташат планировал направиться на автомашинах в Нарву, а оттуда, в худшем случае, пешком в Ленинград; посол Ж. Трипье надеялся зафрахтовать у контрабандистов рыболовецкий корабль, чтобы он подобрал беглецов в Таллине и переправил их в Финляндию. При этом замглавы дипмиссии Ж. де Босс всерьез опасался милитаристских жестов Парижа в адрес Москвы в связи с вторжением советских войск в восточные районы Польши: эвакуация из Риги возможна, "если мы не объявим войну России; тогда любой путь отступления для нас будет закрыт". Посол Ж. Трипье в этой связи просил Париж задержать в качестве заложников 72 гражданина СССР. Оставался еще воздушный путь до Стокгольма, от которого французские дипломаты отказывались по соображениям безопасности. Им также стало известно об одном свидетельстве мер контроля Третьего рейха над Латвией даже после появления там советских военных баз в октябре 1939 года: немцы затребовали от шведской авиакомпании списки пассажиров на предварительное согласование в германском посольстве в Риге.

Латвийское руководство в конце 1930-х годов занимало противоречивую позицию в отношении активности балтийских немцев: с одной стороны, ставилась задача по снижению их влияния на общество и экономику страны (при этом По-

литуправление внимательно следило за умонастроениями в местной немецкой среде), с другой стороны, реальных действий по преследованию пронацистских организаций и агитаторов не велось из-за опасений "внешнеполитических осложнений". Обострял ситуацию тот факт, что проводимая Улманисом и Мунтерсом "дипломатия кульбитов" давала немало примеров откровенного заигрывания с гитлеровской Германией, которые подбадривали балто-немецкую общину в ожидании "больших событий". Так, всплеск восторженных эмоций в ее рядах вызвал визит в Ригу германского крейсера "Кёльн", состоявшийся 28 мая - 3 июня 1938 года.

Подобные провокационные жесты отмечались и в 1939 году. Видный латвийский политик М.Вульфсон, инициировавший дискуссию вокруг пакта Молотова - Риббентропа с трибуны Верховного Совета СССР, не обошел вниманием следующий сюжет: "22 мая 1939 года пышно отмечалась годовщина освобождения Риги от большевиков в 1919 году. В этом празднике вместе с освободителями-ландесверовцами участвовали и части СС, специально прибывшие на военных кораблях из Германии. По-существу, это был вызов не только большинству антигермански настроенного населения Латвии, но и западным союзникам"¹⁰. Добавим к этому, что и Советскому Союзу - в первую очередь.

В воспоминаниях левого социал-демократа Яниса Гринвалдса также запечатлена картина засилья нацистов: "Покою мне не давали увиденные летом 1939 года немецкие демонстрации на Рижском взморье. В воскресное послеобеденное время прямо вдоль берега, вопреки запрету автомашинам ездить по пляжу, мимо нас проехали несколько германских машин со свастиками. Местные немцы бесновались в восторге, крича: "Хайль, хайль, Гитлер, хайль!" Обнимались со слезами на глазах - слезами радости. Это было жуткое предостережение нам. Гитлер готовился прийти, и его ждали - больше чем верующие своего мессию. Мы не могли так спокойно ждать, как улманисовская клика. Наши собственные силы здесь не позволяли играть значительную роль. Надежды на спасение мы ожидали от Москвы"¹¹.

Встречные ожидания "еврейско-коммунистического террора" в отношении балтийских немцев, рассчитывавших на скорый приход нацистских войск, стали одним из поводов для решения Гитлера о репатриации. Другие мотивы были связаны с потребностями укрепления военно-экономического потенциала рейха за счет "арийских" переселенцев, освоения захваченных земель на западе Польши и нежелания оставлять "своих" в странах, где сворачивалась зона влияния Германии в соответствии с секретным протоколом пакта Молотова - Риббентропа.

28 сентября 1939 года в Москве Риббентроп среди прочего подписал особый протокол, в котором содержались обязательства советской стороны не препятствовать выезду в Германию граждан рейха и лиц немецкого происхождения с территорий советской сферы интересов, а также вывозу их имущества. Берлин, в свою очередь, брал на себя подобные обязательства в отношении украинцев и белорусов, оказавшихся в зоне германского контроля.

Латвийские историки считают, что этот протокол не имеет прецедента в истории международных отношений - два диктатора, Сталин и Гитлер, в качестве объекта секретных договоренностей рассматривали граждан, проживавших в других суверенных государствах. Однако примеров договоренностей относительно граждан третьих стран хватает и в современном Европейском союзе (от закрытых списков стран, граждане которых подлежат особому контролю при выдаче виз и въезде в Шенгенскую зону, до условий введения "голубой карты" - аналога американской "грин-карты"). Трагизм ситуации 70-летней давности заключался в том, что никакой добровольности переселения в действительности не было, причем жесткое давление на балтийских немцев оказывали не только нацистские уполномоченные, но и латвийские власти.

Латвия и не думала возражать Гитлеру в этом вопросе, подписав 30 октября с Германией межправительственный договор, ставший юридической базой для "одноразовой акции" переселения немцев, в результате которого эта этническая

группа с определенным статусом должна была перестать существовать в ЛР. Официальная Рига была готова пойти на существенное увеличение внешнего долга перед Германией, потребовавшей компенсации за оставляемое имущество (до июня 1940 г. Латвия успела выплатить 24,9 млн. латов из общего долга более 100 млн. латов). При этом "президентская диктатура" в Латвии фактически субсидировала германские военные нужды, так как в виде компенсаций переселенцам Третий рейх цинично раздавал конфискованное у поляков и евреев имущество, а не латвийские деньги.

Военно-политическая ситуация в регионе углубляла дифференциацию настроений в правящих кругах Латвии, варьировавшихся от прогерманских до просоветских. Сохранялись также иллюзии дальнейшего балансирования между воюющими сторонами (нацистской Германией и англо-французской коалицией) и Советским Союзом, опасавшимся быть втянутым в мировую войну в невыгодных условиях, в том числе геополитических - на Балтике. Разброс мнений наблюдался и в широких слоях населения Латвии, где росла идея опоры на военную и экономическую мощь советского государства.

2 октября 1939 года в Москве начались советско-латвийские переговоры, увенчавшиеся 5 октября подписанием Договора о взаимопомощи сроком на десять лет, который в секретном протоколе предусматривал ввод в Латвию контингента советских войск до 25 тыс. человек, доступ к портам Лиепай и Вентспилса и развертывание авиабаз при невмешательстве во внутригосударственные дела. Латвийскую сторону подталкивал к соглашению эстонский пример: аналогичный договор Москвы с Таллином был заключен 28 сентября. Ввод советских войск прошел без инцидентов, договоренности сторон в целом соблюдались. Контакты красноармейцев с местными жителями были ограничены, однако само их присутствие дало прилив сил левому подполью.

При этом следует отметить, что в конце 1939 года латвийская военная верхушка сохраняла конфиденциальные контакты с нацистами. Так, в ноябре состоялась встреча ко-

мандующего Беркиса и начальника штаба армии Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отдела Абвера А.Целлариусом. Продолжала активно действовать и германская агентурная сеть в армейской среде.

В ходе развернувшейся советско-финской "зимней войны" (ноябрь 1939 - март 1940 г.) официальная Рига воздержалась при голосовании по вопросу об исключении СССР из Лиги Наций, в прессе представлялась как советская, так и финская версия событий. Тем не менее отдел радиоразведки латвийской армии оказывал практическую помощь финской стороне, переправляя перехваченные радиogramмы советских воинских частей. Командующий армией Беркис не ставил в известность военного министра Балодиса об этом секретном сотрудничестве с противником СССР. 5 апреля 1940 года Балодис, подозревавшийся в просоветских симпатиях и желании все же ввести в действие новую Конституцию, был вынужден отправиться в отставку.

В военном отношении Латвия к концу 1930-х годов располагала армией, не превышавшей 20 тыс. солдат и офицеров, призывным резервом в 180-200 тыс. человек, включая 68 тыс. "айзсаргов"; стрелкового оружия и снаряжения хватало на 130 тыс. человек. Если боевые качества солдат и младших офицеров британские военные специалисты оценивали как лучшие в Прибалтике, то военные навыки и оперативное мышление генералитета ставили невысоко, считая их устаревшими. Военно-техническое обеспечение латвийской армии было весьма слабым. В этой связи на Западе считали, что она самостоятельно не способна отразить нападение противника и пригодна разве что для партизанской борьбы. Эстонцы также опасались по поводу боеспособности латвийской армии и втайне от Риги планировали свою линию обороны глубиной до 60 километров на латвийской территории, фактически допуская ее превентивную (встречную) оккупацию.

Существовавшие в Латвии планы обороны ("А", "D" и "К") предполагали защиту от нападения со стороны СССР, Германии или с двух сторон сразу, при этом восточное направление считалось главным. В Москве воспринимали латвийскую уг-

розу только в качестве возможного сателлита Германии, Италии или союзника Польши, Финляндии, территория и военная сила которого (до 4 дивизий) может быть задействована в наступлении на Ленинград, Псков, Новгород. После ввода в Латвию по договору от 5 октября 1939 года ограниченного контингента войск Красной армии в латвийском генштабе также разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз; Финляндия изучала вопрос готовности и способности Латвии к ведению военных действий.

10 февраля 1940 года К.Улманис в ожидании войны между СССР и Германией, в которую неизбежно будет втянута Латвия, выступил по радио с заявлением о том, что скоро может наступить тяжелый момент, когда "от каждого сельского дома одному человеку придется надеть униформу". 22 февраля правительство ЛР увеличило обязательную срочную воинскую службу до полутора лет, отменялись до дальнейшего распоряжения отпуска у инструкторов (младший командный состав).

14-16 марта в Таллине состоялась XI конференция глав МИД государств балтийской Антанты - Латвии, Литвы и Эстонии, а также прошли совещания высшего командного состава трех Прибалтийских стран, содержание которых тщательно скрывались от Москвы. Хотя каких-либо серьезных результатов, выходящих за рамки консультаций по военно-политическим вопросам и обмена секретной информацией, достигнуто не было, усиление тайной активности Прибалтийских стран породило в советском руководстве всплеск опасений относительно втягивания приграничной с Третьим рейхом Литвы в эстонско-латвийский военный союз, оформленный еще в 1923 году и имевший на протяжении всего межвоенного периода отчетливый антисоветский рефрен.

При оценке всей серьезности восприятия этой ситуации в Москве нужно иметь в виду не только обострение международной обстановки в конце 1939 - начале 1940 года, но и то, что советское руководство на протяжении ряда лет получало информацию о нажиме на Каунас со стороны Риги и Таллина, рассчи-

тывавших на усиление антисоветского вектора во внешней политике Литвы за счет снятия литовских противоречий с Польшей и Германией. Так, еще в 1936 году по линии ИНО ГУТБ НКВД СССР была доложена перехваченная агентурой в Варшаве шифротелеграмма польского посла в Таллине В.Пржесмыцкого от 14 декабря 1935 года, в которой сообщалось о доверительной информации министра иностранных дел Эстонии Ю.Сельямаа, пытавшегося вместе с К.Улманисом "оказать давление на (литовского мининдел) Лозорайтиса, чтобы склонить Литву установить нормальные отношения с Польшей и Германией"¹², угрожая в противном случае вести дело к подписанию договоров о ненападении с Берлином без Литвы.

Неспособность режима Улманиса адекватно реагировать на внешние вызовы и внутренние проблемы существенно усиливала леворадикальные протестные настроения в обществе. Отмечали надвигающуюся грозу и западные дипломаты. В дневнике заместителя главы французской дипмиссии в Риге Ж. де Босса встречаются такие записи: "Много говорят о коммунистической пропаганде в Латгалии, где с известного времени наблюдается выраженная тенденция к автономии" (23 сентября 1939 г.); в Московском предместье Риги "рабочие требуют прихода русских и смены государственного строя" (29 сентября); во время демонстрации в рижских кинотеатрах фильма "Александр Невский" эпизоды с разбитыми тевтонами сопровождались бурными аплодисментами (23 ноября). В апреле 1940 года в Латвии прокатилась волна арестов активистов левого подполья.

К этому же времени относится предварительное решение Сталина потребовать смены режимов в Прибалтийских странах для надлежащего обеспечения договора о взаимопомощи и начало подготовительных работ по вводу дополнительных советских воинских частей. В первой половине июня 1940 года критически ухудшилась военно-политическая обстановка в Европе: 2 июня завершилась оккупация германскими войсками Бельгии, 13 июня французский маршал Ф.Петэн и генерал М.Вейган потребовали от правительства своей страны немедленной капитуляции; Париж был объявлен "открытым

городом", который на следующий день заняли немцы; готовилась переброска крупных сил германских войск в Восточную Пруссию и оккупированную Польшу. Возникла потребность в срочном укреплении стратегического положения СССР на Западе, включая прибалтийское направление. Как отмечает российский историк Елена Зубкова, "с учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с Балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией"¹³.

14 июня советское правительство предъявило ультиматум Литве, а 16 июня - Латвии и Эстонии, в которых требовалось привести к власти дружественные Москве правительства и допустить на территорию этих государств новые контингенты советских войск для обеспечения договоров 1939 года о размещении советских военных баз. Требования были приняты под угрозой применения силы и после безрезультатного зондажа официальной Ригой позиции германской стороны об эвакуации латвийского правительства в Берлин. Авторитарный "вождь" К.Улманис, взяв на себя всю ответственность за будущее Латвии, пошел на формирование просоветского правительства во главе с А.Кирхенштейнсом, поддержал роспуск опоры разложившегося режима - организации "айзсаргов", активно сотрудничал с советскими представителями и местными коммунистами - вплоть до того, что 12 июля 1940 года перечислил крупную сумму (5 тыс. латов) на счет вышедшей из подполья Компартии Латвии.

Сопrotивления советским войскам оказано не было, по городам Латвии прокатились массовые митинги в поддержку смелы режимa. Свою должность президента К.Улманис сохранил до начала работы избранного 14-15 июля по советскому образцу Народного сейма, который и принял решение принять Латвию в состав СССР. Возражений со стороны экс-диктатора не последовало. Как отмечает финский публицист Юкка Рислаки, занимающийся исследованием сложных вопросов латвийской истории, "все это происходило даже без символического

или реального сопротивления, даже без протеста, если не считать нескольких латвийских дипломатов, которые остались за рубежом. Улманис, оставшись на месте и подписывая декреты нового правительства, в известной мере дал легитимность уничтожению государства. Он не бежал сам и не позволил в эмиграции сформировать правительство кому-нибудь другому. В конце он даже "отдал жезл" своим последователям"¹⁴. Более того, уже 22 июля 1940 года Улманис подал в Министерство благосостояния Латвийской ССР прошение о предоставлении ему пенсии, в котором не постеснялся подчеркнуть свои чуть ли не "революционные" заслуги и статус лица, "преследуемого царским правительством" с 1905 года.

Крайне малый срок, отведенный на избирательную кампанию по выборам в Народный сейм (5-13 июля), соответствовал стремительным темпам изменения международной и внутривнутриполитической ситуации, но способствовал закреплению привилегированного положения коммунистов, быстро развернувших оргструктуры и составивших внятную предвыборную программу на фоне растерянности "буржуазных кругов". В этом можно усмотреть и "подыгрывание" им со стороны Москвы, настоявшей на конкретной дате выборов в контактах с новым правительством Латвии и по линии Коминтерна.

С начала 1990-х годов многие латышские историки, развивавшие доктрину "советской оккупации", оценивают исправленный кабинетом А.Кирхенштейнса Закон о выборах от 9 июля 1922 года (в сторону формальной демократизации) как нарушение Конституции ЛР. Они полагают, что для изменения избирательного закона нужно было "пересозывать" состав Сейма, разогнанного Улманисом за шесть лет до описываемых событий. При подобном подходе, естественно, не акцентируется внимание на том, что легитимный срок старого депутатского корпуса давно истек, а новому правительству приходилось в срочном порядке ликвидировать многие последствия антидемократического и антиконституционного переворота 15 мая 1934 года.

Следует отметить, что аккредитованный в Риге диплома-

тический корпус признавал легитимность постулманисовского правительства Латвии. Так, 26 июня 1940 года состоялась официальная церемония представления А.Кирхенштейнсу (совмещавшему пост премьера с должностью министра иностранных дел) дуайена дипкорпуса бельгийского посланника Ф. де Селиоса-Фансона, а чуть позднее и английского посланника Ч.Ф.Орда, американского - Дж.Уайли, германского - Г. фон Котце и т.д. Этому факта предпочитает "не замечать" советник Президента ЛР по вопросам истории профессор Антонийс Зунда, утверждающий, что уже в июне 1940 года "ведущие демократические страны Запада отказались признавать (акцептовать) проводимую Советским Союзом оккупацию, аннексию и инкорпорацию Латвии, Литвы и Эстонии"¹⁵. По меткому замечанию российского исследователя и общественно-политического деятеля Александра Фоменко, "отношение великих держав того времени к независимому статусу малых стран зависело, как представляется, от целого комплекса факторов, в первую очередь касавшихся отношений между самими великими державами"¹⁶. Именно в этом ключе стоит рассматривать как принятие на Западе просоветского правительства А.Кирхенштейнса и (де-факто) последовавших изменений, так и "подвешивание" вопроса о признании де-юре вхождения Латвии в СССР.

Решение руководства СССР о смене имевшего прогерманский крен режима в Латвии увенчалось добровольным и юридически корректным, хотя и вынужденным, согласием К.Улманиса. Дальнейшее его закрепление, советизация Латвии определялись уже не только военно-политическими резонами, но и логикой "переигрывания" гражданской войны в Латвии 1917-1920 годов, когда дважды власть латышских большевиков, опиравшихся на Советскую Россию, была свергнута при помощи немецких штыков и военного вмешательства Антанты. Сегодня лишь редкие латышские историки и публицисты идут дальше "оккупационной риторики" в адрес Москвы и соревнования в эпитетах по поводу пакта Молотова - Риббентропа, задаваясь принципиальным вопросом: "Не была ли в 1918-1919 годах (когда именно Ул-

манис стоял у истоков государственности) уже посеяна катастрофа 1940 года?"¹⁷.

¹Sociāldemokrāts. 8. martā. 1933.

²Zunda A. Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930-1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998. 9, 10. lpp.

³Aizsargs. Nr.6. 1934.

⁴Perna V. Itālija un Latvija. Diplomātisko attiecību vēsture. Rīga, 2002. 14. lpp.

⁵20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918-1940. Rīga, 2003. 582.6lpp.

⁶Kangeris K. Latviešu un ebreju attiecības Trešā reiha skatījumā. 1933 - 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sej.). Rīga, 2003. 56. lpp.

⁷Прибалтика и геополитика. Сборник документов (1935-1945)/Сост. Соцков Л.Ф. М.: СВР РФ, 2006. С. 54-58.

⁸20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918-1940. Rīga, 2003. 689. lpp.

⁹Ibid., 700. lpp.

¹⁰Вульфсон М. 100 дней, которые разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939-1940. Рига, 2001. С. 69.

¹¹Grinvalds D. "Kāes redzēju tās lietas": Mana tēva Jāna Grinvalda dienasgrāmata. 1940-1945. Rīga, 2002. 54. lpp.

¹²Секреты польской политики. Сборник документов (1935-1945) / Сост. Соцков Л.Ф. М.: СВР РФ, 2009. С. 42, 43.

¹³Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940-1953. М., 2008. С. 77.

¹⁴Rislaki J. Maldināšana: Latvijas gadījums. Rīga, 2009. 103. lpp.

¹⁵Zunda A. Rietumvalstu pieeja Baltijas valstu jautājumam (1940-1953) // Latvijas Vēsture. Jaunie un jaunākie laiki. Nr.1 (73). 2009. 55. lpp.

¹⁶Фоменко А.В. Прибалтийский вопрос во внешней политике США в 1918-1940 гг.//Вестник МГИМО - Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 329.

¹⁷Khuinis A. Pasakainās uzvaras diena//Rigas Balss. 2003. 7. nov.

С КЕМ И ЗА ЧТО ВОЕВАЛА ФИНЛЯНДИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Елена Сеньявская

В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ в период Великой Отечественной доминировали убедительные доводы справедливой оборонительной войны, так как в 1941 году Финляндия в союзе с фашистской Германией выступила в роли прямого агрессора, претендующего на продвижение своих границ "на восток до Урала"¹. Война 1941-1945 годов была для советских солдат Великой и Отечественной, независимо от того, на каком фронте и против какого конкретного противника они сражались. Участники боевых действий с советской стороны имели достаточно оснований, чтобы видеть в финнах жестокого, коварного и опасного врага, преследующего агрессивные аннексионистские цели, попирающего нормы международного права и относящегося к "инородцам" как к "недочеловекам", о чем свидетельствовала проводимая им политика геноцида против русского населения в оккупированных областях². В силу этого многие ключевые оценки противника,

Елена Спартаковна Сеньявская - ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, действительный член Академии военных наук, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии РФ.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

звучавшие в советской пропаганде, полностью соответствовали настроениям сражающейся с ним армии.

Официальные установки финского руководства о справедливости их участия в войне также полностью согласовывались с общественной атмосферой в Финляндии, которую современники характеризуют как "большой национальный подъем", "бурное воодушевление", "азарт и ослепление"³.

Три года продолжались бои на Севере между советскими и финскими войсками - до сентября 1944 года, когда Финляндия вышла из войны, заключив перемирие с СССР и Великобританией и объявив войну бывшему союзнику - Германии. Этому событию предшествовали крупные успехи советских войск по всему советско-германскому фронту, в том числе наступление на Карельском фронте в июне-августе 1944 года, в результате которого они вышли к государственной границе, а финское правительство обратилось к Советскому Союзу с предложением начать переговоры.

Противоречивость ситуации, когда недавний противник превратился в нейтральное для СССР государство (а в плане интернирования немецких войск - с элементами союзных отношений), отразилась и в пропагандистском ее освещении, и в восприятии массового сознания с обеих сторон.

О том, как воспринимали соглашение о перемирии с Финляндией советские военнослужащие, свидетельствуют донесения политотдела 19-й армии Карельского фронта от 25 и 28 сентября 1944 года, где приводятся многочисленные высказывания бойцов на эту тему. Вот наиболее типичные: "удары Красной армии заставили финских "завоевателей" сложить оружие", "финны мечтали о "Великой Финляндии", но они просчитались и получили по заслугам", "больше не захотят поживиться за счет русской земли", "для Финляндии это великодушное соглашение", "финны слишком медлят и с разоружением немецких войск провозятся долго", "в список преступников надо первым внести Маннергейма, который в начале войны говорил, что не вложит меча в ножны, пока не дойдет до Урала"⁴. Анализируя их, политотдел сделал вывод, что "соглашение с Финляндией вызвало всеобщее одобрение

личного состава и расценивается как еще одна большая победа мудрой сталинской политики и показатель мощи Красной армии", что при проведении бесед и политинформаций, а также в частных беседах между собой советские военнослужащие "выражают правильное понимание текущих событий"⁵.

Финны на уровне общественных настроений и после заключения перемирия оставались враждебны "Советам", да и русским вообще, прежде всего вследствие многолетней и интенсивной пропагандистской обработки населения. И факт очередного поражения в войне далеко не сразу привел финское массовое сознание к пересмотру оценок в отношениях с восточным соседом если не в сторону дружелюбия, то хотя бы в сторону реалистичности. Тем более этого невозможно было достичь в ходе непосредственных боевых действий, даже под влиянием очевидного поражения. Такой "трезвый" и вынужденный поворот смогла сделать лишь финская элита. Хотя, как впоследствии признавал в своих мемуарах К.Г.Маннергейм, к 1944 году "народ Финляндии... научился думать реалистически. На своем опыте он смог убедиться, что и наша страна была пешкой в политической игре великих государств и что ни одно великое государство не побрезговало использовать малую страну в своих интересах"⁶. Ход и исход войны заставили финнов умерить амбиции и по-иному взглянуть на свои место и роль в мировой геополитике. Однако реваншистские настроения, в 1941 году приведшие Финляндию к союзу с Гитлером, а позднее к вынужденному выходу из Второй мировой войны, сохранялись в финском обществе в течение всех послевоенных десятилетий, несмотря на дружественные отношения с СССР на государственном уровне. Явно или косвенно этому явлению способствовала и пропаганда, в том числе в контексте литературы, искусства и кинематографа.

Драматический опыт военного противостояния СССР и Финляндии в ходе Второй мировой войны весьма существенно повлиял на массовое сознание народов двух стран в контексте их взаимовосприятия. Однако в отношениях русских к финнам - и это весьма интересный социально-психологический феномен - никогда не было той массовой ненависти, которая харак-

терна для отношения к немцам в период Второй мировой войны и еще многие годы после ее окончания. Показательно, что из всех союзников Германии, граничивших с СССР, лишь Финляндия не подверглась советской оккупации и "советизации", приобретя уникальный статус "нейтрально-дружественного" государства (в сфере советского влияния) на многие десятилетия холодной войны. И данный статус послевоенной Финляндии, который поддерживался советской пропагандой, оказал сильное воздействие на восприятие в СССР этой страны и ее народа в последующие годы.

Известно, что образ другой страны существует на нескольких уровнях: официально-пропагандистском, служебно-аналитическом, художественно-обобщенном, личностно-бытовом и других. Пропаганда и средства массовой информации играют весьма существенную роль в формировании этого образа в исторической памяти. Основную информацию о Финляндии простой советский (а позднее российский) человек получал главным образом из учебников, прессы, телевидения, произведений искусства. При этом в послевоенном СССР в учебной литературе и СМИ эпизоды военного противостояния с Финляндией занимали крайне незначительное место в силу официально дружественных отношений двух стран.

Таким образом, на уровне обыденного сознания основным источником более адекватной информации по этому вопросу оставались воспоминания непосредственных участников и свидетелей событий - субъектов индивидуальной и коллективной исторической памяти. К ним относились ветераны боевых действий в период Зимней войны и на Карельском фронте, а также жители приграничных территорий, подвергшихся финской оккупации. Именно от них до массового сознания доходили сведения об особой жестокости финнов по отношению к пленным и гражданскому русскому населению оккупированных областей, об их оккупационной политике, носившей характер геноцида. То есть личностно-бытовой образ оказывался более адекватным для формирования исторической памяти о противнике из соседней страны, нежели официально-пропагандистский. Однако доступен он был весь-

ма немногим: лишь незначительная часть людей, преимущественно живших в приграничных районах, была причастна к источникам непосредственной исторической памяти (современники и участники событий и общавшиеся с ними люди). Что касается художественно-обобщенного образа войн с Финляндией, то он в нашей стране фактически так и не был сформирован, поэтому в советском массовом сознании на протяжении четырех послевоенных десятилетий доминировал официально-пропагандистский образ.

В период перестройки в контексте разоблачения "преступлений" сталинского режима впервые в фокусе внимания историков и публицистов оказалась и "незнаменитая" советско-финская война 1939-1940 годов, при этом основной акцент в ее освещении был сделан на негативных для советской стороны аспектах этого события (якобы немотивированная агрессия великой державы против маленького соседа; неудачное ведение боевых действий и неоправданно высокие потери советской стороны; репрессии против вернувшихся из финского плена красноармейцев и т.д.). Лишь в последние годы акценты в изучении и освещении этого события постепенно смещаются в сторону более объективных оценок, проникновения в сущность явления, а не сосредоточения на внешних его сторонах. Более полно и разносторонне освещаются ход войны на Карельском фронте в 1941-1944 годах, роль Финляндии в блокаде Ленинграда и военные преступления финских оккупантов на территории Карелии. Однако и это раскрытие исторической правды не ведет к разжиганию антифинских настроений в российском обществе.

Иначе формировался образ России в послевоенном финском обществе. Историческая память о Второй мировой войне и участии в ней Финляндии на протяжении ряда десятилетий подвергается вполне сознательному искажению как в публичных оценках правящих кругов этой страны, так и высказываниях многих представителей ее интеллектуальной элиты, что, безусловно, влияет на массовое сознание финского народа в целом. Характерно, что событиям 1939-1940 и 1941-1944 годов, игравшим в масштабах мировой войны малозначимую роль на вто-

ростепенном театре боевых действий, в Финляндии придают судьбоносное значение не только для национальной истории этой маленькой северной страны, но и для всей "западной цивилизации и демократии". Более того, государство, воевавшее на стороне гитлеровской Германии и проигравшее войну, предстает едва ли не как победитель и "спаситель Европы от большевизма". К тому же неуклюже отрицают сам факт, что Финляндия во Второй мировой войне являлась союзницей фашистской Германии: она якобы была всего лишь "военной соратницей". Однако подобная словесная эквилибристика может обмануть лишь тех, кто сам желает обмануться: совместный характер целей и действий, согласованность планов двух "соратников", в том числе по послевоенному разделу СССР, широко известны.

Тем не менее попытки переписать историю, вопреки очевидным фактам, продолжают. Так, 1 марта 2005 года во время официального визита во Францию Президент Финляндии Тарья Халонен выступила во Французском институте международных отношений, где "познакомила слушателей с финским взглядом на Вторую мировую войну, в основе которого лежит тезис о том, что для Финляндии мировая война означала отдельную войну против Советского Союза, в ходе которой финны сумели сохранить свою независимость и отстоять демократический политический строй". МИД России вынужден был прокомментировать это выступление руководителя соседней страны, отметив, что "эта трактовка истории получила распространение в Финляндии особенно в последнее десятилетие", но что "вряд ли есть основания вносить по всему миру коррективы в учебники истории, стирая упоминания о том, что в годы Второй мировой войны Финляндия была в числе союзников гитлеровской Германии, воевала на ее стороне и, соответственно, несет свою долю ответственности за эту войну". Для напоминания Президенту Финляндии об исторической правде МИД России предложил ей "открыть преамбулу Парижского мирного договора 1947 года, заключенного с Финляндией Союзными и Соединенными Державами"⁷. Вместе с тем не только финские политики, но и ряд историков придерживаются этой скользкой позиции⁸.

Однако в последние годы "неудобные" для финской стороны темы преступлений гитлеровского союзника все больше становятся достоянием как научного сообщества, так и общественности. Среди них - не только крайняя жестокость и бесчеловечность обращения с советскими военнопленными, но и общая политика финского оккупационного режима на занятых советских территориях с откровенно расистскими установками в отношении русского населения и ориентацией на его истребление. Сегодня опубликовано немало материалов с документальными свидетельствами жертв финских оккупантов, в том числе малолетних узников концентрационных лагерей⁹. Однако - в отличие от правительства современной Германии - официальная позиция финской стороны состоит в том, чтобы не признавать эти действия своей армии и оккупационной администрации в качестве преступлений против человечности, а концлагеря в оценках финской историографии предстают едва ли не санаториями.

И вот, наконец, последние новости с "поля битвы" за историческую память. "Граждане Финляндии - особенно старшего поколения - испытывают сейчас настоящий шок, - отмечает в "Независимом военном обозрении" Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и РФ, руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН Ю.С.Дерябин. - 28 из 37 финских профессоров-историков, опрошенных недавно крупнейшей газетой страны "Хельсингин Саномат", пришли к выводу, что война 1941-1944 годов против Советского Союза, развязанная тогдашними правителями Суоми, отнюдь не была "войной-продолжением" (Зимней войны 1939-1940 гг.) или "отдельной" (от Гитлера) войной, как до сих пор утверждало большинство финских историографов и политиков, в том числе нынешний Президент Республики Тарья Халонен"¹⁰. И приводит прозвучавшие в ходе опроса мнения: "Профессор Туомас Хейккиля: "На практике Финляндия была союзницей Германии". Профессор Пертти Хаапала: "Общественность и политики не готовы рассматривать Вторую мировую войну такой, какой она была на самом деле". Профессор Юха Силтала: "Общепринятая версия политической, бюрократической и деловой элиты

поставлена под вопрос". Депутат парламента, бывший министр иностранных дел Эрки Туомиоя (социал-демократ): "Говорить о войне-продолжении напрасное дело"¹¹. И хотя позиции сторонников официальной версии о роли Финляндии во Второй мировой войне продолжают оставаться достаточно сильными, голоса тех, кто не боится исторической правды, звучат все более смело. В какой мере выводы специалистов смогут повлиять на историческую память граждан Финляндии о Второй мировой войне, формировавшуюся на протяжении многих десятилетий под мощным воздействием пропаганды, начиная со школьных учебников истории, станет известно позднее - процесс переосмысления прошлого в массовом общественном сознании требует значительного времени.

¹По обе стороны Карельского фронта, 1941-1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 261.

²Там же. С. 156-169, 184-186, 191-193, 198-199, 206-208, 242, 248, 250-251, 259, 264-266.

³Там же. С. 67-68.

⁴Политдонесения политотдела 19-й армии от 25.09.1944 и 28.09.1944 // ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 174, 176.

⁵Там же. Л. 174.

⁶*Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 2000. С. 482.

⁷Заявление МИД РФ от 3 марта 2005 // http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/EC2527949C2E95BDC3256FB9005F21FD, а также информация РИА Новости с обзором иностранной печати и комментариями по этому поводу // <http://www.inosmi.ru/text/translation/217798.html>

⁸См., например: *Вихавайнен Тимо*. Пропаганда и контроль общественного мнения в Финляндии во время войны 1939-1944 годов. Доклад на XVII финско-российском симпозиуме историков/25-26 мая 2001; *Вихавайнен Тимо*. Пропаганда во время войны-продолжения. Доклад на Финляндско-российском семинаре "Война-продолжение 1941-44 гг. Взгляд по обе стороны фронта", 25 мая 2005 и другие устные и письменные выступления этого автора, в том числе в качестве "эксперта по вопросам России" по поводу выступления Президента Финляндии Тарьи Халонен во Французском институте международных отношений 1 марта 2005 г. о роли Финляндии во Второй мировой войне и последовавшего за ним заявления МИД РФ от 3 марта 2005 // <http://www.inosmi.ru/text/translation/217798.html>

⁹*Суллимин С.* и др. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захват-

чиков на территории Карело-Финской ССР. Л., 1945; По обе стороны Карельского фронта, 1941-1944. Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995; *Шадрова Л.В.* Горечь детства, горечь смерти. Книга памяти. Война, плен, концлагеря // Карелия 1941-1944 гг. Подпорожье: "Свирские огни", 1998; *Костин И.А.* Воспоминания о жизни в оккупированном Заонежье // Карелия в Великой Отечественной войне. 1941-1945. Материалы конференции. Петрозаводск, 2001. С. 47-56; *Лайне А.* Гражданское население восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994. С. 41-43; *Шляхтенкова Т.В., Веригин С.Г.* Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии 1941-1944 гг. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Материалы республиканской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2001. С. 37-46; Судьба. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999; *Гущин Б.* Колючая проволока нашего детства // Лицей. 2002. №10. С. 14; *Лукьянов В.* Трагическое Заонежье. Документальная повесть. Петрозаводск, 2004; *Юсупова Л.Н.* Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2004. С. 345-351; *Чумаков Г.В.* Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941-1944 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2005. С. 142-151 и др.

¹⁰ *Дерябин Ю.С.* Давний миф наконец-то лопнул (финские историки признали соучастие Хельсинки в гитлеровской агрессии против СССР) // Независимое военное обозрение. 21 ноября 2008.

¹¹ Там же.

ПОЛЬША НА ПУТИ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Олег Хлестов

1 СЕНТЯБРЯ 2009 ГОДА исполнилось 70 лет с начала Второй мировой войны, принесшей гибель миллионам людей, чудовищные страдания народам Европы, разрушение экономики многих - и особенно европейских - государств. В ходе войны гитлеровская Германия и ее союзники были разгромлены. Она капитулировала. Нюрнбергский трибунал признал Германию виновной в совершении актов агрессии против ряда европейских государств, в развязывании Второй мировой войны. Руководители гитлеровской Германии предстали перед Нюрнбергским трибуналом и понесли суровое наказание. День капитуляции гитлеровской Германии - День Победы - отмечают народы всех стран, которые воздают должное антигитлеровской коалиции. Россия - накануне 65-летия победы в Великой Отечественной войне.

Вторая мировая война была трагедией для человечества. Очевидно, что сейчас, анализируя, что привело к возникновению этой войны, подводя ее итоги, необходимо в первую очередь акцентировать внимание на то, какие уроки должно извлечь человечество из этой трагедии и что необходимо сделать для обеспечения мира и предотвращения

Олег Николаевич Хлестов - Чрезвычайный и Полномочный Посол, вице-президент Российской ассоциации международного права, профессор Дипломатической академии МИД России.

новых вооруженных конфликтов. Именно эту цель преследовал визит председателя правительства Российской Федерации В.В.Путина в Польшу 1 сентября 2009 года, его выступления там и его статья, опубликованная накануне визита в польской "Газета wyborcza" под названием "Страницы истории - повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?". Заголовок отражал атмосферу, которая сложилась к августу 2009 года, когда активно обсуждались события, связанные с началом Второй мировой войны. В этот период в некоторых странах, в том числе и тех, которые советские войска освободили от фашистской оккупации и спасли от порабощения, предпринимались попытки, искажая факты, переписать историю Второй мировой войны - возложить ответственность за ее развязывание на СССР, принизив тем самым роль Советского Союза в войне. Особенно активно в этом участвовали определенные круги Польши.

Главный довод, выдвинутый против нашей страны, состоял в том, что СССР, заключив 23 августа 1939 года Договор о ненападении с Германией, именуемый пактом Молотова - Риббентропа, тем самым открыл дорогу Второй мировой войне, а введя свои войска в Польшу 17 сентября 1939 года, совершил вместе с гитлеровской Германией акт агрессии против Польши. Сторонники данной точки зрения заявляют, что Россия должна принести извинения Польше, то есть фактически признать указанную выше интерпретацию начала Второй мировой войны. И только после извинения, поясняют авторы этой интерпретации, будут созданы благоприятные условия для развития российско-польских отношений. С точки зрения дипломатической практики подобная постановка вопроса означает выдвижение предварительных условий, что недопустимо.

Насколько же обоснована приведенная выше интерпретация начала Второй мировой войны? В каких условиях возник упомянутый пакт? Что ему предшествовало, и какова была роль Польши в событиях тех времен?

Предвоенная история, политика, которую проводили европейские державы перед Второй мировой войной, всесто-

ронне исследованы. Опубликовано огромное количество документов, известны факты и события, изданы воспоминания их участников. Следовательно, утверждение о том, что пока не будут открыты все архивы, нельзя якобы оценить предвоенную историю, явно преувеличено. Для людей, занимавшихся внешней политикой, дипломатией и знающих, как осуществляется этот сложный и исключительно важный вид государственной деятельности, исторического материала вполне достаточно для того, чтобы оценить, как возникла Вторая мировая война и каковы ее итоги. И дело здесь не столько в историках, сколько в политике государств или политических кругов, которые пытаются использовать историю в своих, порой не всегда благовидных целях. Конечно, опубликование тех или иных еще не изданных материалов может уточнить некоторые нюансы отдельных событий. Например, хотя прошло уже 70 лет, материалы, связанные с полетом Гесса в Англию, все еще не опубликованы: если это было бегство одного из ближайших соратников Гитлера, то нет оснований их не публиковать. Видимо, причина иная - в прессе не раз появлялись сообщения, что полет Гесса в Англию был предпринят в связи со стремлением Гитлера расширить связи, а возможно, и наладить сотрудничество с правящими кругами Великобритании.

Суть же европейских событий, политики курса европейских держав, напомним, в тот период сводилась к следующему. Гитлер, придя к власти в 1933 году, начал готовиться к войне для создания "жизненного пространства" для "арийской расы", захвата территории других стран, колоний. То была реализация программы и политического курса, которые были сформулированы и взяты на вооружение национал-социалистической, фашистской партией еще до прихода к власти. В своей книге "Моя борьба" Гитлер писал: "Мы... направляем свой взор на страну, лежащую на востоке. Но ведь речь... о новой земле, мы можем иметь в виду только Россию и верно-подданные ей периферийные государства... Гигантская восточная империя созрела для краха... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым гигант-

ским подтверждением правильности расовой теории"¹. Став у руля государства, Гитлер и его соратники использовали для реализации своих планов все механизмы и средства Германии, мечтая о мировом господстве.

Руководители Великобритании и Франции - самых мощных держав, определявших в то время обстановку в Европе, - стремясь сохранить свое ведущее положение в мире, свои колонии, толкали Гитлера на восток, против СССР, с тем чтобы за его счет удовлетворить притязания Гитлера, проводя политику "умиротворения". Развязывание вооруженного конфликта между Германией и СССР в любом случае, по их мнению, ослабило бы эти две державы, что отвечало интересам Великобритании и Франции - они побаивались и фашистской Германии.

Присутствовал и идеологический элемент: само существование СССР, его влияние способствовали подъему левых сил в странах Западной Европы, особенно во Франции, возрастанию социальных требований со стороны трудящихся. Гитлер активно использовал настроения правящих британских и французских кругов, провозглашая себя главным борцом против коммунизма, о чем свидетельствует ликвидация всех левых сил в Германии (коммунистов, социалистов, заключение в 1936 году "Антикоминтерновского пакта"). Таким образом, линия на подталкивание Гитлера против СССР, противодействие попыткам последнего создать систему коллективной безопасности, чтобы предотвратить гитлеровскую агрессию, были основным стержнем политики британских и французских руководителей. В этих целях Германии позволяли перевооружаться, резко наращивать вооруженные силы в нарушение ограничений, установленных Версальским и Локарнским договорами. При этом французское руководство как бы не замечало, что безудержный рост вооруженных сил Германии создает угрозу и для безопасности Франции.

Первым шагом Гитлера в реализации его планов стала оккупация Рейнской области. Согласно Версальскому и Локарнскому договорам, Германия не имела права держать вооруженные силы и возводить укрепления на левом берегу

Рейна, до границ с Францией, Бельгией и Нидерландами, а также в полосе 50 километров вдоль правого берега Рейна. В марте 1936 года немецкие войска (три батальона, а затем контингент в 30 тыс. человек) оккупировали эту зону. Правительство Великобритании заявило, что проблема касается лишь Франции, и отказалось принимать какие-либо меры. Франция, имевшая 26 дивизий, могла бы противодействовать вводу в Рейнскую область немецких войск. Однако правительство Франции бездействовало и смирилось с оккупацией Германией Рейнской области, хотя в ходе Первой мировой войны французские и немецкие войска вели ожесточенную борьбу за эту зону и ее освобождение от германских войск считалось крупной победой Франции. Так началось движение ко Второй мировой войне.

Далее, напомним об участии Германии вместе с Италией в гражданской войне в Испании. Еще одна веха в череде событий, приведших ко Второй мировой войне, - аншлюс Австрии, куда германские войска вторглись в марте 1938 года. Она была оккупирована и включена в состав Германского рейха. Правительства Великобритании и Франции не возражали; против аншлюса выступил лишь Советский Союз (заявление НКВД от 17 марта 1936 г.)². Гитлеру позволили сделать еще один шаг на восток.

Наиболее бесцеремонной и аморальной, нарушавшей все принципы и нормы международного права, была политика Великобритании и Франции в отношении Чехословакии. В середине сентября 1938 года Гитлер, угрожая войной, потребовал от Чехословакии передать Германии Судетскую область. В Чехословакии требование вызвало возмущение: она готовилась сопротивляться. 22 сентября 1938 года была объявлена мобилизация. Однако руководители Англии и Франции оказали давление на Чехословакию, заставив ее согласиться с требованиями Гитлера. Правительство Франции заявило, что не будет оказывать помощь Чехословакии, подрывая тем самым Договор о взаимной помощи между СССР и Чехословакией от 16 мая 1935 года (в протоколе к нему было указано, что договор будет действовать в случае оказания помо-

щи Чехословакии со стороны Франции). Правительства Великобритании и Франции предприняли ряд демаршей в отношении Чехословакии (заявление от 19 сентября 1938 г., Меморандум Чемберлена от 25 сентября 1938 г.). Они были столь бесцеремонными, что правительство Чехословакии, оценивая эти документы, заявило, что Меморандум Чемберлена представляет собой ультиматум, недопустимый в отношении суверенного государства³.

Если бы не давление руководителей Великобритании и Франции, Чехословакия могла бы защищаться. Ее вооруженные силы, как свидетельствовал Президент Л.Свобода (приводя соответствующие данные, а также мнение начальника штаба вермахта Кейтеля), не уступали немецким: у Чехословакии было 45 дивизий, а у Германии 47; 1582 самолета против 2500 немецких; 460 танков против 720 германских; вооруженные силы Чехословакии насчитывали 2 миллиона, а Германии - 2200 тыс. человек. Л.Свобода также отмечал, что пограничные укрепления Чехословакии были совершеннее, чем хваленая немецкая линия Зигфрида или знаменитая французская линия Мажино⁴. Чехословакия могла с помощью СССР и Франции отразить нападение Германии, что предотвратило бы Вторую мировую войну. СССР сообщил Чехословакии, что готов оказать ей помощь даже без участия Франции, и около 40 советских дивизий были передислоцированы к западной границе СССР. Об этом было сообщено и начальнику генерального штаба французской армии М.Гамелену 25 сентября 1938 года.

29 сентября 1938 года было подписано Мюнхенское соглашение, по которому Судетская область отошла к Германии; Тешинская Селезия и железнодорожный узел Богумин - к Польше, а еще одна часть территории Чехословакии - к Венгрии. Позднее Чехословакия была разделена на две части - Чехию и Словакию, в марте 1939 года Чехия была включена в состав Третьего рейха, а Словакия была провозглашена "самостоятельным" государством, фактически находившимся под управлением Германии. Правительства Великобритании и Франции не возражали; против выступил лишь СССР⁵. Как

заявил в те дни Черчилль, "расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мир или безопасность ни Англии, ни Франции... Кроме того, он... откроет торжествующим нацистам путь к Черному морю"⁶. Аналогичные мысли еще до Мюнхена высказывал и М.Гамелен в своей записке правительству от 9 сентября 1938 года. Приведя такие же соображения, которые позднее высказал У.Черчилль, М.Гамелен утверждал, что Чехословакия обладает мощными вооруженными силами, "является препятствием для планов германской экспансии на восток... для политики "Drang nach Osten" и что, захватив ее, Германия сможет усилить свои вооруженные силы на западном фронте, а это ослабит оборону Франции⁷. Предупреждение генерала не было учтено.

Давая оценку Мюнхенскому соглашению, комиссия, созданная в СССР в 1989 году для рассмотрения пакта Молотова - Риббентропа, заявила, что "Мюнхенское соглашение коренным образом изменило обстановку в Европе...", "открыло путь агрессии" для гитлеровской Германии⁸. Захват Германией значительного количества вооружений и мощного военно-экономического потенциала Чехословакии существенно увеличил военную мощь Германии (40% поставок на мировой рынок по продаже оружия и боеприпасов в то время поступало из Чехословакии).

После захвата Чехословакии Гитлер продолжал движение на восток, в сторону СССР. Однако на его пути лежали Польша и Прибалтийские государства, поэтому встал вопрос о Польше.

Какую же политику проводили руководители Польши в предвоенное время и как они защищали интересы своего государства, народа Польши? Ведь превращение Чехословакии из независимого государства в немецкую провинцию было наглядным уроком.

Как известно, после Первой мировой войны у Германии был отторгнут ряд территорий, часть которых отошла к Польше. Уже после прихода к власти Гитлера, 26 января 1934

года, Германия и Польша заключили (в форме заявления) договор; суть которого - ненападение друг на друга и обязательство разрешать все спорные вопросы только мирными средствами. Польша развивала сотрудничество с гитлеровской Германией, а руководители последней, стремясь успокоить Польшу, постоянно заявляли, что они не имеют территориальных претензий к Польше (заявление Гитлера от 26 сентября 1938 г.⁹, Геринга от 16 февраля 1937 г.¹⁰, Риббентропа от 25 января 1939 г.¹¹). При этом они всячески поощряли антисоветские настроения руководства Польши, заявляя, что северо-западная Россия должна входить в зону влияния Германии, а Украина - в зону влияния Польши. В то же время Польша служила своего рода "прикрытием" для гитлеровской Германии, проводившей агрессивные акции в Центральной Европе. В беседе с министром иностранных дел Польши Ю.Беком 5 января 1939 года Гитлер заявил: "Наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя: дивизии, которые Польша вынуждена держать на русской границе, избавляют Германию от соответствующих дополнительных военных расходов"¹². Польша не хотела пропускать через свою территорию советские войска в Чехословакию для оказания ей помощи в отражении военной угрозы со стороны Гитлера. В конце сентября - начале октября 1938 года вооруженные силы Польши вместе с войсками гитлеровской Германии вторглись на территорию Чехословакии и участвовали в ее разделе. Гитлер в уже упомянутой беседе с Ю.Беком отмечал, что Венгрия в вопросе вторжения в Чехословакию и ее раздела занимала "нерешительную и выжидательную позицию"¹³.

А какова была политика польского правительства в отношении предложений СССР о создании системы коллективной безопасности в Европе?

В середине 1930-х годов СССР стал добиваться заключения между государствами Европы, в частности восточными, регионального соглашения о взаимной защите от агрессии. Однако западные страны на него не шли. Некоторым успехом было заключение франко-советского Договора о взаим-

ной помощи между СССР и Францией от 2 мая 1935 года и Договора о взаимной помощи между СССР и Чехословакией от 16 мая 1935 года. Однако все последующие предложения СССР наталкивались на сопротивление со стороны западных держав, в том числе и Польши.

Обстановка в Европе после мюнхенских событий стала накаляться, причем в первую очередь для Польши. Начиная с января 1939 года Германия стала выдвигать территориальные претензии к Польше (Данциг и "польский коридор" - выход Польши к Балтийскому морю). В связи с отказом Польши Германия стала усиливать давление на нее. В марте 1939 года Гитлер, продолжая движение на восток, добился, угрожая войной, передачи Германии Литвой соседнего с Польшей Клайпедского края. Позиции Великобритании и Франции, по сути дела, способствовали этому. Гитлер и ранее, используя Польшу в своих интересах, готовился к ее захвату. Еще в 1937 году Риббентроп, будучи германским послом в Англии, говорил Черчиллю, что "Германии нужно... жизненное пространство для ее все возрастающего населения. Поэтому она вынуждена поглотить Польшу и Данцигский коридор"¹⁴.

Готовясь к захвату Польши, Гитлер 11 апреля 1939 года утвердил план нападения на Польшу (план "Вайс"). На совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 года Гитлер, говоря о предстоящей войне с Польшей, заявил: "Данциг - отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на востоке и обеспечении продовольствием, а также о решении балтийской проблемы"¹⁵. Планы нападения на Польшу претворялись в жизнь; дипломатические и разведывательные службы всех стран активно работали, и поэтому наивно полагать, будто информация о том, что происходит в Германии, не доходила до правительств других государств, в том числе Польши. Что же оно делало для защиты своей страны?

31 марта 1939 года Чемберлен заявил в Палате общин, что Великобритания и Франция окажут помощь Польше, если "будут предприняты какие-либо действия, которые представили бы собой явную угрозу независимости Польши"¹⁶. Однако на зак-

лучение военного соглашения с Польшей Великобритания не пошла (такое соглашение она подписала с Польшей 25 августа 1939 г., то есть после заключения 23 августа 1939 г. германо-советского договора о ненападении). Ссылаясь на предоставление Англией гарантий Польше, Германия объявила о расторжении заключенного с ней в 1934 году Договора о ненападении. Угроза со стороны Германии возрастала. Было очевидно, что без поддержки СССР Польша не сможет себя защитить, что признавали и руководители Польши. Так, министр Ю.Бек в беседе с В.П.Потемкиным, первым заместителем народного комиссара иностранных дел СССР, обсуждая вопрос об эффективности франко-английских гарантий, признал, что "без поддержки СССР поляки себя не отстоят"¹⁷. При этом В.Потемкин заявил Ю.Беку, что "СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала"¹⁸.

17 апреля 1939 года СССР предложил Великобритании и Франции заключить пакт о взаимопомощи. В процессе обсуждения этого вопроса СССР 2 июня 1939 года представил проект такого соглашения. В нем указывалось, что его участники - Франция, Англия и СССР - обязываются оказывать друг другу помощь в случае нападения на одну из этих держав, а также будут защищать Бельгию, Грецию, Турцию, Румынию, Польшу, Латвию, Эстонию и Финляндию в случае агрессии против них¹⁹.

Правительства Великобритании и Франции уходили от заключения соглашения, используя тактику затягивания переговоров: они длились почти пять месяцев, хотя, как показывает опыт, для заключения подобных договоров достаточно нескольких недель, а порой и дней, если есть желание сторон его заключить. А ведь время не ждало!

Представленный Советским Союзом проект соглашения предусматривал защиту Польши от нападения со стороны Германии. Очевидно, что такое соглашение должно было найти максимальную поддержку правительства Польши. Тем не менее вплоть до 23 августа 1939 года, когда Риббентроп прилетел в Москву заключать договор о ненападении, оно противодействовало заключению англо-франко-советского соглашения.

В день приезда Риббентропа в Москву министр иностранных дел Польши Ю.Бек направил польским дипломатическим представительствам телеграмму, в которой излагалась позиция польского правительства. Сообщив, что поляки по тактическим соображениям выработали для англо-французской делегации на переговорах в Москве обтекаемую формулировку, Ю.Бек указал, что негативная позиция Польши в отношении сотрудничества с СССР остается неизменной²⁰.

Французский посол в Москве П.Наджиар 23 августа 1939 года сообщил в Париж министру иностранных дел Ж.Боннэ, что указанная формулировка - "уступка, которая происходит слишком поздно. Кроме того, она недостаточна, поскольку не позволяет сослаться на решение самого польского правительства"²¹. В конце того же дня французский посол в Варшаве Л.Ноэль, добиваясь согласия Польши на некоторое улучшение упомянутой формулировки, заявил Ю.Беку, что над Польшей "нависла большая, чем над кем-либо другим, угроза, причем речь идет о самом ее существовании"²². Поляки согласились с новой формулировкой, но продолжали говорить о своей антисоветской позиции. В это время в Москве уже согласовывался текст германо-советского договора о ненападении. Слова французского посла оказались пророческими.

После выдвигания Германией территориальных притязаний к Польше и расторжения польско-германского договора о ненападении среди населения Польши возросло беспокойство: оно ждало действенных мер от правительства. Чем же руководствовалось последнее, противодействуя заключению соглашения, предложенного СССР? То ли это была ошибка, как иногда теперь говорят в Польше, то ли недальновидность польских руководителей того периода - неспособность оценить обстановку и ее развитие. Скорее всего, и то и другое, а главное - враждебность в отношении СССР. Таков наглядный пример того, как защита интересов одной, причем небольшой, группы населения приводит к забвению национальных интересов страны.

В середине 1939 года положение СССР осложнилось. Западные страны не шли на создание антигитлеровской коали-

ции. Между Великобританией и Германией действовало соглашение, предусматривающее обязательство сторон "никогда более не воевать друг с другом"²³. Аналогичное соглашение было заключено между Францией и Германией 6 декабря 1938 года²⁴. Несмотря на различные формулировок в этих договорах, их суть состояла в том, чтобы поддерживать с Германией мирные отношения, не прибегать к применению вооруженной силы друг против друга. Эти договоры создавали правовой барьер для защиты западных стран от Германии и в то же время создавали ей прочный тыл при движении на восток.

На Дальнем Востоке над СССР нависала угроза со стороны Японии, участницы "Антикоминтерновского пакта" 1936 года, в секретном протоколе к которому указывалось, что он направлен против СССР. Гитлер готовился начать войну не позднее конца августа 1939 года. В этих условиях СССР, учитывая сложившуюся обстановку, вынужден был именно из-за позиции западных стран и Польши пойти на заключение с Германией договора о ненападении (пакта Молотова - Риббентропа). Его основное обязательство - воздерживаться от агрессивных действий и всякого нападения друг на друга. Подчеркнем, аналогичные обязательства содержались в англо-германском соглашении от 30 сентября 1938 года и франко-германском соглашении от 6 декабря 1938 года. Характерно, что никто не именовал их аморальными, хотя они создавали благоприятные условия для движения Гитлера на восток, против СССР. Заявил же Чемберлен, вернувшийся из Мюнхена после подписания упомянутого соглашения с Гитлером, по которому Чехословакия была отдана ему на растерзание: "Я привез вам мир для целого поколения"²⁵.

Польско-германское соглашение от 28 января 1934 года об отказе от применения вооруженной силы друг против друга не отличалось от пакта Молотова - Риббентропа. Парламент нашей страны - Второй съезд народных депутатов СССР - в своем Постановлении от 24 декабря 1989 года "О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г." заявил: "Съезд считает, что содержание этого договора не расходилось с нормами меж-

дународного права и договорной практикой государств, принятой для подобного рода урегулирований". Съезд отметил, что этот договор в соответствии с нормами международного права "утратил силу в момент нападения Германии на СССР, то есть 22 июня 1941 г."²⁶.

Что касается секретного протокола, подписанного 23 августа 1939 года одновременно с пактом Молотова - Риббентропа, то в нем предусматривалось, что в случае прекращения существования Польши как самостоятельного независимого государства линия разграничения между Германией и СССР пройдет на несколько сот километров западнее советско-польской границы²⁷. Таким образом, протокол определял судьбу территории Польши в будущем, после того как не станет польского государства (что в сложившихся тогда условиях было неизбежно). Разграничительная линия, ограничившая продвижение Германии, ее войск к территории СССР, создавала ему более благоприятные условия для обороны. Главное: пакт отводил нападение Германии на СССР. Циничный акт? Однако у СССР не было иного выбора: западные страны с участием Польши противодействовали созданию антигитлеровской коалиции, угроза со стороны Германии возрастала, было достаточно оснований полагать, что Великобритания в той или иной форме может поддерживать Германию, угроза со стороны Японии была реальной. СССР переиграл западные страны: они копали ему яму, да попали в нее сами.

17 сентября 1939 года СССР ввел свои войска на территорию Польши. В сентябре 2009 года польский Сейм расценил это как акт агрессии, совершенный Советским Союзом вместе с гитлеровской Германией. Отметим, что к середине сентября 1939 года Польша уже фактически прекращала свое существование как независимое государство: польские войска, несмотря на героическое сопротивление, были разгромлены вермахтом, а руководители Польши покидали страну. Франция и Великобритания, предоставив гарантии Польше еще в марте 1939 года, не предприняли военных действий против Германии, чтобы помочь полякам сражаться. Во время ввода в Рейнскую область немецких войск французские

министры говорили, что для мобилизации французской армии и приведения ее в боеготовность необходимо два месяца. Так почему же за пять месяцев - с марта, когда были даны гарантии, до сентября 1939 года - Франция не подготовилась к активному ведению военных действий? Если бы Франция и Великобритания в июле-августе 1939 года сосредоточили мощные вооруженные силы у западных границ Германии, смог бы Гитлер напасть на Польшу? Германии пришлось бы вести войну на два фронта.

Ввод советских войск на территорию, которая ранее входила в состав польского государства, по сути дела, не был военной акцией, военных действий практически не было: польские вооруженные силы не сопротивлялись, а немецкие войска уже пересекли линию разграничения, приближаясь к территории СССР. Ввод советских войск, помимо военно-стратегических преимуществ для СССР, имел большое значение и для защиты населения этих районов - около 200 тыс. евреев было спасено от газовых камер, - а также для белорусов, украинцев, да и поляков, которые, согласно фашистской расовой теории, рассматривались как люди второго сорта, пригодные лишь для обслуживания будущих хозяев этой земли.

Что касается советско-польского Договора о ненападении, заключенного 25 июля 1932 года и продленного до 1945 года, то в статье 2 указывалось: "Если одна из Договаривающихся Сторон предпримет агрессию против другого государства, то другая Сторона будет вправе, без предупреждения, денонсировать настоящий Договор"²⁸. 28 сентября 1938 года советское правительство заявило правительству Польши, что если ее войска перейдут границу Чехословакии и займут ее территорию, то правительство СССР на основании статьи 2 советско-польского Договора о ненападении "ввиду совершенного Польшей акта агрессии против Чехословакии вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный Договор"²⁹. Польские войска вторглись в Чехословакию, и, таким образом, Польша перечеркнула советско-польский Договор о ненападении. Противодействие со стороны Польши линии СССР на создание коалиции с целью предотвратить

германскую агрессию также противоречило духу указанного договора. Советское правительство 27 ноября 1938 года сообщило Польше, что оно сохраняет в силе Договор о ненападении 1932 года³⁰, что было логичным: денонсация этого договора шла бы вразрез со стремлением СССР создать антигитлеровскую коалицию.

Нельзя не отметить, что на следующий день, 28 ноября, отдел печати МИД Польши, разъясняя ее позицию относительно договора, сообщил немецким журналистам, что "Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне. Она и сегодня защищает эту точку зрения"³¹.

Чувства населения Польши в отношении Второй мировой войны понятны: оно первым пережило те ужасы, которые несла эта война, фашизм. Польша, которая до этого претендовала на роль регионального лидера в Восточной Европе, превратилась в германскую провинцию. Погибло 6 млн. человек, то есть шестая часть населения. Таков результат политики руководителей Польши того периода. Франция, потерпевшая поражение в июне 1940 года и значительная часть которой была оккупирована Германией, привлекла к ответственности своих руководителей. А в Польше по-прежнему стремятся найти виновников за рубежом. Кстати, именно СССР освободил Польшу от фашистской оккупации, потеряв при этом 500 тыс. своих воинов, помог восстановить польскую государственность и получить существенное приращение новой экономически развитой территории, и об этом надо помнить. А польское правительство вело линию на то, чтобы польские военнослужащие, оказавшиеся на территории СССР после ввода советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года (а их было около 350 тысяч), выехали из Советского Союза в 1942 году с генералом Андерсом и воевали в Африке, Италии и Франции.

Главный вывод из предвоенных лет - необходимость поиска совместных мер для развития отношений между государствами и устранения причин возникновения конфликтов. Иногда, полшутя-полусерьезно, говорят, что полякам надо извиниться за

то, что они в 1612 году вошли в московский Кремль, а России - за то, что она трижды участвовала в разделе Польши.

Все же то были иные времена. Тогда война была законным средством осуществления внешней политики и разрешения международных споров. Ныне международное право, созданное после Второй мировой войны, запрещает прибегать к войне и обязывает государства разрешать все споры только мирными средствами. Современное международное право является демократическим, создает правовую базу для нормальных, взаимовыгодных отношений между всеми государствами, поэтому и в отношениях между Польшей и Россией необходимо искать пути для их дальнейшего развития. Попытки исказить историю, а особенно увязывать с этим современные отношения, противоречат интересам народов: мир вступил в эпоху глобализации, а она подталкивает государства к более тесному сотрудничеству. Предстоящий в 2010 году 65-й День Победы должен способствовать этому.

¹Цит. по: Накануне. 1931-1939. Как мир был ввергнут в войну. М.: Политиздат, 1991. С. 22.

²Там же. С. 160.

³Нота посланника Чехословакии в Великобритании Я.Масарика премьер-министру Великобритании Н.Чемберлену от 25 сентября 1938. С. 174.

⁴*Свобода Л.* От Бузулука до Праги. Воспоминания. М., 1984. С. 7.

⁵Нота НКВД СССР послу Германии в Советском Союзе от 16 марта 1939.

⁶*Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М., 1982. С. 269.

⁷Накануне. 1931-1939... С. 170.

⁸Там же. С. 263. Чехословацкий историк Вицлав Крал в своей работе "Дни, которые потрясли Чехословакию", подробно исследовавший мюнхенские события, писал: "Мюнхенское соглашение открыло путь ко Второй мировой войне" (там же. С. 17.).

⁹Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1955. Том 1. С. 342.

¹⁰Там же. С. 340.

¹¹Там же. С. 343.

¹²Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939 гг.

//МИД СССР. М., 1981. Т. 2. С. 5-6.

¹³Там же. С. 5-6.

¹⁴Накануне. 1931-1939... С.134.

¹⁵Там же. С. 209.

¹⁶Там же. С. 203-204.

¹⁷Телеграмма В.Потемкина в НКВД СССР от 11 мая 1939 года о его беседе с Беком // Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939 гг. М., 1981. Т. 2. С. 85.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. С. 210.

²⁰В телеграмме указывалось, что польское правительство в связи с демаршем Франции и Великобритании, "заключавшемся в том, чтобы начать вновь военные переговоры для ограничения возможностей и сферы действия германо-советского договора", выработало следующую формулировку: "французский и английский штабы уверены, что в случае совместных действий против агрессора сотрудничество между СССР и Польшей в определенных условиях не исключается". Бек еще раз сделал категорическое заявление, что он не против этой формулировки только в целях облегчения тактики, "наша же принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений"// Год кризиса. 1938-1939. М., 1990. Т. 2. С. 317.

²¹Там же. С. 317.

²²Там же. С. 318.

²³Англо-германская декларация от 30 сентября 1938 г.//Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939 гг. М., 1981. С. 241.

²⁴Там же. С. 257-258.

²⁵Накануне. 1931-1939... С.177.

²⁶Там же. С. 268.

²⁷Текст протокола. Год кризиса. 1938-1939. М., 1996. Т. 2. С. 321, 335.

²⁸Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. XV. С. 438.

²⁹Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939 гг. М., 1981. Т. 1. С. 214-215.

³⁰Там же. С. 256.

³¹Там же. С. 257.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Александр Гасюк

КАЖДАЯ ЗНАКОВАЯ ДАТА и в особенности такой "юбилей", как 70 лет с начала Второй мировой войны, привлекает внимание к базовым сюжетам самой масштабной трагедии ушедшего века. Несмотря на то что события военных и предвоенных лет хорошо изучены в отечественной и западной историографии, историческая практика новейшей истории России выявила и показала самые сложные и драматические сюжеты того времени, в том числе советско-германские отношения накануне войны.

Не секрет, что на формирование и развитие ситуации на фронте в начале войны в немалой степени влияло предшествующее сотрудничество СССР и Германии в политической и экономической сферах в довоенные годы. Значительная часть такого рода проблем, несмотря на широту исследования, до сих пор остается дискуссионной. Особенно обозначились эти сюжеты после публикации секретного соглашения 1939 года. Отрадно, что журнал "Международная жизнь" еще в 1989 году первым среди отечественных научных изданий дал исследователям возможность ознакомиться с этими неоднозначными докумен-

Александр Геннадьевич Гасюк - кандидат исторических наук.

тами. Сегодня участились попытки политизировать и фальсифицировать события, а главное - итоги Великой Отечественной войны СССР против нацистской Германии. Нередко искажается предыстория трагических событий конца 1930-х - начала 1940-х годов, предпринимаются попытки навязать СССР равную ответственность с Германией за развязывание войны. На высоком уровне отмечено, что политизация истории превратилась в государственное дело в целом ряде стран¹.

Сегодня всем известно, что 70 лет тому назад, 23 августа 1939 года, между основными непримиримыми идеологическими и военными противниками во Второй мировой войне - СССР и Германией - было заключено политическое соглашение - пакт Молотова - Риббентропа. О том, как и зачем разделили сферы влияния и обозначили свои "жизненные интересы" в Европе Сталин и Гитлер, издано огромное количество работ. Однако практически во всех исследованиях на тему политического водораздела конца 1930-х годов не упоминается, что всего за четыре дня до заключения пакта в Москве было достигнуто еще одно так называемое кредитное соглашение. Вопрос об экономическом сотрудничестве СССР и Германии накануне войны, совершенно не исследованный в советское время, впервые был поднят в годы перестройки и отказа Компартии СССР на монопольную интерпретацию исторических событий².

В результате экономического договора 22 месяца - от заключения советско-германского пакта и вплоть до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года - отличались установлением противоречивого и парадоксального военно-экономического сотрудничества, проявившегося в обмене товарами между двумя странами, который составил почти 1,2 млрд. немецких марок, а сумма размещенных заказов достигла более 3 млрд. марок. Исторический казус состоит в том, что будущие противники фактически оснащали друг друга для последующей борьбы между собой. Каковы были условия для этого?

Начиная с 1920-х годов СССР и Германия оказались сильно обращены друг к другу. После проигранной обеими странами Первой мировой войны каждая из них, пережив революцию, оказалась во внешнеполитической изоляции и ка-

кое-то время пребывала вне "клуба" великих держав. Кроме этого, объединяло их и наличие общего соседа-врага - Польши. В те времена она располагала мощной армией, сравнимой как с немецким "рейхсвером", так и с РККА. Германия долгое время находилась на грани войны с Польшей, а Советская Россия в 1920 году оказалась в нее втянутой, и после поражения ей пришлось подписать Рижский мирный договор, закрепивший за Польшей часть украинских и белорусских земель. Именно эти территории в сентябре 1939 года были вновь включены в состав СССР.

Союзнические отношения Германии и СССР в эти годы питали идеи реванша, с одной стороны, и идеи мировой революции - с другой, а Версальский договор, подписанный 28 июня 1919 года, по сути, явился катализатором сотрудничества СССР и Германии. Именно так считает известный специалист в области советско-германских отношений С.А.Горлов³.

В целом можно с уверенностью сказать, что так называемая "общность судьбы" 1920-х годов - тайное сотрудничество обеих стран - к концу Веймарской республики сменилась так называемой "общностью интересов" и в основном держалась на крупных торговых заказах СССР в Германии, которые были сделаны с целью развития главным образом тяжелой промышленности, как и было предусмотрено пятилетними планами форсированной индустриализации страны. Немаловажно напомнить, что другие страны упорно отказывали Москве в передаче технологий, а главное - материальной базы для развития советской индустрии.

К концу 1930-х годов политическая ситуация в Европе накалилась до предела - Гитлер при полном попустительстве западных демократий стремительно "набирал обороты". В итоге в 1938 году после Мюнхенского сговора СССР оказался под угрозой политической изоляции, полномасштабной войны с Японией и германского нападения. Советское руководство пошло тогда на резкое улучшение отношений с нацистским Третьим рейхом. Но как можно было сделать резкий политический вираж после долгой и острой идеологической конфронтации? Ведь начиная с 1933 года - времени прихода Гитлера к власти - мощ-

ные и хорошо отлаженные пропагандистские машины двух стран вели бескомпромиссную борьбу. Московское радио, иновещание, пресса (в том числе иностранные газеты, подконтрольные Коминтерну) заявляли, что в Германии бушует "коричневая чума", а в Берлине усиленно разоблачали жидо-большевистский заговор.

В условиях нового курса двух стран на сближение друг с другом руководитель Наркоминдел М.Литвинов подписал с германским послом в Москве фон Шуленбургом договоренность о прекращении нападок по радио и в прессе на руководящих деятелей обеих стран и на политические системы СССР и Германии в целом⁴. Таким образом, сближению способствовал номинальный отказ обоих государств от экспорта своих идеологий, а также формальное прекращение пропагандистской борьбы. Все это сыграло свою роль в заключении кредитного соглашения между СССР и Германией от 19 августа 1939 года, а также советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года.

Уже не секрет, что одним из самых главных моментов в развитии советско-германских экономических связей являлась заинтересованность СССР в новом германском оружии. Политическое руководство Советского Союза полностью осознавало, что оттягивать войну бесконечно невозможно и в то же время Красная армия остро нуждалась в новейших образцах вооружения. Хотя Гитлер и запретил любые поставки оружия в Советский Союз, некоторые представители германского МИД рассматривали вооружение предметом торга. С этим же согласился Геринг и многие другие промышленные магнаты Германии, например концерн Круппа, который за 1938 год продал оружия СССР на 1,3 млн. марок⁵. С другой стороны, и оружие не было самоцелью - Сталину были нужны современные немецкие технологии производства вооружения. Советский Союз действительно нуждался в промышленных технологиях западных стран и рассматривал внешнюю торговлю с ними прежде всего как средство использования материальных, технических резервов и достижений капиталистических стран для строительства своей экономики. Именно так рассматривались принципы внешне-

экономической деятельности в пятилетнем плане развития советского станкостроения в 1933-1937 годах.

Принципиальная же разница в подходах сторон заключалась в следующем: советское руководство хотело в условиях надвигающейся войны и отказа западных демократий от выстраивания системы коллективной безопасности в конечном счете увязать экономические соглашения с политическими. А МИД Германии и имперское Министерство экономики были в первую очередь заинтересованы в соглашениях о торговле: Германия остро нуждалась в советском сырье.

В течение всего лета 1939 года усиливалась политическая напряженность. СССР стал вести бесплодные переговоры с Англией и Францией, но немецкое торговое соглашение с Советским Союзом все еще оставалось на повестке дня. Прорыв был сделан, когда немцы, несмотря на колебания Гитлера по этому вопросу, согласились принять советские заказы на германское вооружение в обмен на поставку нашей страной стратегического сырья. Кардинальное соглашение расценили как первый шаг к политическому пониманию, которое, по мнению Сталина, должно было включить договор о ненападении. Это изменение в тактике привело к интенсивным экономическим переговорам, итог которых - подписание кредитного соглашения в ночь с 19 на 20 августа.

Итак, 19 августа 1939 года Берлин согласился с советскими условиями принятия от Германии 200-миллионного кредита. Кредит давался на пять лет под 4,5% годовых, с правом заказов под него в течение двух лет. В первый договорный год СССР имел право сделать германским фирмам заказы на 120 млн. марок, во второй договорный год - на 80 млн. марок. Расплата за наши заказы по кредиту должна была идти только в начале 1945 года⁶.

В Германии частные фирмы приветствовали экономическое и политическое соглашение с Советским Союзом, хотя это и предвещало некоторые трудности с выполнением советских заказов. Проблема заключалась в том, что фирмы работали в основном на германскую армию ("Вермахт"), военно-морской флот ("Кригсмарине"), а также на военно-воздушные силы

("Люфтваффе") и собственных заказов в условиях стремительно милитаризирующейся страны было предостаточно. Однако в 1939 году экономическая ситуация изменилась: концерну Круппа больше, чем прежде, необходимо было дефицитное сырье. Эта острая проблема вынудила его принять советские заказы, за что фирма хотела бы получить льготы в виде поставок концерну дешевого сырья из советской страны.

К 1940 году СССР в основном предлагал германским промышленным предприятиям два основных перечня заказов. Первый включал вооружение на сумму 30 млн. марок из общей суммы заказа в 120 млн. марок, а второй - вооружение на 20 млн. марок, когда общая сумма достигала 200 млн. марок⁷.

Германия не хотела соглашаться с таким положением в договоре и шла на уступки лишь в том случае, если в советском заказе на вооружение будет потрачено лишь 16% от общей суммы, а также уменьшатся требования на новейшие станки (в основном военного назначения) и турбины для электростанций. Вместо таких важных для СССР изделий промышленных предприятий Германия предлагала советской стороне печатные машинки и электротехническое оборудование. В обмен на эту сделку Германия хотела получить такие товары, как нефть, хлопок, стратегическое сырье, в частности минералы. Несмотря на то что желания сторон были предельно ясны, потребовались значительные усилия и время, чтобы согласовать детали соглашения. Германия в лице концерна Круппа желала узнать, что хочет получить СССР, - оборудование для производства оружия или само оружие. Это показывает, насколько общими и неконкретными были пункты соглашения.

Любопытные характеристики советско-германских торгово-экономических переговоров даны немецкими учеными. Так, Ф.Форстмайер и Х.Фолькман отмечают, что "в торговых отношениях с Германией Советский Союз показал себя упорным, несговорчивым партнером, который последовательно отстаивал собственные экономические и оборонные интересы"⁸.

В мае 1939 года германское правительство согласилось на выполнение чешским заводом "Шкода" (обширные промышленные ресурсы Чехии оказались в руках нацистов в резуль-

тате сговора в Мюнхене за год до этого) советских заказов, а из немецкой прессы исчезла антисоветская пропаганда. Словом, сложилась благоприятная обстановка для советско-германского сближения. Поэтому вскоре в Германию прибыла советская делегация во главе с И.Тевосяном - народным комиссаром черной металлургии.

С 25 октября по 15 ноября 1939 года 48 высококвалифицированных специалистов советской делегации побывали на крупнейших германских предприятиях: заводах, судостроительных, полигонах. Делегаты ознакомились с производством, технологиями, оборудованием, управленческими отношениями. Делегация не представила немцам никаких списков товаров, нужных Советскому Союзу. Как уже было сказано, основной задачей делегации был тщательный осмотр немецких заводов, производящих вооружение, и присутствие при демонстрации немецкого оружия. Правда, сначала фирмы пытались не допускать советских специалистов к технологиям создания боевой техники, машин и оборудования. Но по твердому настоянию И.Тевосяна и торгпреда в Германии Е.Баборина в ходе переговоров в Берлине, а также А.Микояна перед германским послом Шуленбургом в Москве упорство фирм было сломлено.

Необходимо заметить, что немцы, хотя и с явной неохотой, но все-таки действительно показали советской делегации вооружение, которое соответствовало современному уровню развития германской армии. Это были как самые современные самолеты - Me-109, Ju-88, так и танки последних серий - Т-IV. Авиаконструктор А.С.Яковлев, входивший в состав торговой делегации, вспоминает в своей книге "Цель жизни": "Участвовавших в беседе по итогам поездки, естественно, больше всего интересовало, действительно ли немцы показали и продали нам все, что находится у них на вооружении; не обманули ли они нашу комиссию, не подсунили ли нам свою устаревшую технику. Я сказал, что у меня тоже вначале были сомнения, но сейчас разногласий на этот счет нет. Мы уверены, что отобранное нами вооружение соответствует современному уровню развития немецкой армии. Сталин предложил мне предоставить подробный доклад о результатах поездки, что я и сделал"⁹. Надо

заметить, что знакомство с немецким авиапромом весьма результативно отразилось на отечественной авиационной промышленности. На основе испытаний немецких самолетов в специально созданном для этого весной 1940 года научно-исследовательском институте ВВС были предприняты шаги по внедрению ряда немецких технических решений в советскую авиапромышленность. Все эти наработки, конечно, пригодились в ходе начавшихся боевых действий на территории СССР.

Хотя после разгрома Франции и фактической изоляции Великобритании захватнические помыслы Гитлера были устремлены на Восток, торговые отношения с СССР не были немедленно прерваны. Примечательно, что когда планы гитлеровского командования против Советского Союза начали обретать форму, экспорт сырья (в том числе и остродефицитного) из СССР в Германию достиг своего пика.

В подтверждение хороших отношений 10 января 1941 года - новое торговое соглашение. С германской стороны заказ на зерно, а с советской - очередная заявка на оборудование для производства вооружения. Германия даже перевела платежи в золоте, когда в мае 1941 года объем торговли достиг своего пика. Незадолго до начала войны СССР почти полностью выполнил свои контрактные поставки - на 90% от согласованного объема экспорта, в то время как Германия достигла даже большего, поставив 81,5% при согласованной квоте 80%¹⁰.

Впрочем, 22 июня все встало на свои места - отношения с Третьим рейхом прекратились. Началась война, развязанная Гитлером против Советского Союза.

Важно отметить, что сегодня интерпретация самого факта торгово-экономического сотрудничества СССР и Германии накануне войны в ряде случаев выглядит весьма предвзято.

В самом общем виде оценки предвоенного (1939-1941 гг.) сотрудничества СССР и Германии в военной и экономической областях в современной отечественной историографии сводятся к следующему тезису: "Это был своеобразный платеж советского руководства Гитлеру за то, чтобы он не спешил со сроками развязывания войны"¹¹. Именитые западные исследователи мыслят в аналогичном русле: "Перед Второй мировой вой-

ной Сталин не жалел усилий, чтобы задобрить грозного соседа и снабжал военную машину Гитлера сырьем"¹².

Более того, в настоящее время речь идет о якобы умышленной передаче Германии стратегических сырьевых ресурсов. Причем выдвигают подобные обвинения в адрес руководства СССР многие - от историков-экстремистов до литераторов. Так, в работе В.Карпова можно прочесть буквально следующее: "Именно так немцы обманывали нашего "мудрого и гениального вождя народов", и так бездарно он отдавал столь необходимое нам самим стратегическое сырье, созданное великим трудовым перенапряжением народа"¹³.

Впрочем, имеются и более взвешенные мнения. Согласно В.Журавелю, "в результате экономического сотрудничества гитлеровский Третий рейх сам же внес значительный вклад в развитие и усовершенствование оборонной мощи своего главного противника во Второй мировой войне"¹⁴. К такому же заключению пришел В.Сиполс: "Немалую роль в развитии советской промышленности, включая оборонную, сыграли закупки в Германии станков и другого заводского оборудования. Они способствовали укреплению оборонной мощи СССР"¹⁵.

В позитивном свете рассматривает советско-германские договоренности в 1939 году первый замначальника Генерального штаба Вооруженных сил России А.Бурутин: "СССР смог начать приобретать необходимые ему материалы, оборудование и технологии, недоступные в то время на других рынках"¹⁶.

И все же нельзя судить об экономических отношениях СССР и Германии в предвоенные годы вне общего контекста и существовавшего расклада сил в Европе. Так, документы советских учреждений фиксируют ситуацию в Европе в период 1939-1941 годов как крайне неблагоприятную для дипломатической и внешней торгово-экономической деятельности СССР. По оценке Конъюнктурного института Наркомата внешней торговли, для Советского Союза к 1940 году фактически отпали рынки Великобритании, а также Франции, Бельгии, Голландии и других стран, которые были оккупи-

рованы вермахтом и включены в экономическую сферу Германии¹⁷. В принципе "тяжелые времена" для внешней торговли СССР настали еще раньше. После событий 1938 года в Мюнхене СССР оказался в полной политической изоляции со стороны западных стран, усиливалось военно-политическое давление и со стороны Германии.

Таким образом, с одной стороны, необходимость установления тесных экономических контактов с Германией диктовалась отсутствием альтернативы, а с другой - только на почве экономического сотрудничества можно было бы заработать дипломатические "дивиденды" и затем достичь политических соглашений, оттянуть войну и усилить обороноспособность страны.

Огромное значение имеет то обстоятельство, что в ходе экономического сотрудничества решалась задача модернизации промышленности страны (увеличивалась обороноспособность) за счет немецких промышленных технологий, в которых СССР отказывали западные страны. Немецкие технологические решения (в материальном виде представлявшие станки, силовые агрегаты, чертежи и т. д.), которые удалось получить, успешно применялись в области производства вооружений и боеприпасов, машиностроении и оптики, химии и металлургии.

Есть все основания предполагать, что при заключении экономических соглашений определяющим мотивом советского руководства было желание выстроить схему сотрудничества таким образом, чтобы Германия крайне нуждалась в экспорте, а по отдельным статьям и вовсе зависела от поставок стратегического сырья из СССР. Несомненно, в расчет было принято и то обстоятельство, что объективные потребности набирающей силу германской экономики во все возрастающем масштабе сталкивались с нехваткой сырья и продовольствия. Программа перевооружения двигалась вперед, подгребая под себя всю экономику Третьего рейха, но сырья крайне не хватало. Министр пропаганды Геббельс писал в своем дневнике в декабре 1938 года: "Сырьевое и финансовое положение Рейха на данный момент ужасное,

можно сказать, катастрофическое". Такое положение заставляло правительственные круги Германии искать страны, способные стать поставщиками дешевого стратегического сырья. Такой страной на европейском континенте мог стать только СССР.

Принятие на себя роли главного поставщика стратегического сырья (нефтепродуктов, в том числе авто- и авиабензина, газойля, смазочных масел, хромовой руды, марганцевой руды, асбеста, платины, иридия, зерна и др.) давало все шансы СССР укрепить свои позиции на дальнейших переговорах и создать своеобразный "сырьевой рычаг" для перспективного давления на Германию. Таким образом, став главным поставщиком продовольствия и стратегического промышленного сырья для Германии, СССР мог существенно усилить свои позиции. В любом случае, роль монопольного источника сырья была весьма серьезным аргументом в ходе дальнейших переговоров.

Впрочем, важно отметить, что Германские руководящие круги четко это осознавали. В интересах своей экономической безопасности они пытались диверсифицировать каналы поставки стратегических материалов. В этом отношении для Германии чрезвычайно важна была Швеция, с которой был заключен ряд торговых соглашений. Советское руководство придавало большое значение данному вопросу. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что на добывание информации о роли Швеции в оснащении Германии была ориентирована советская разведка. "Потенциал Швеции был полностью поставлен на службу Германии. Только благодаря поставкам железной руды Германия обеспечивала себя боевой техникой. Прекрати Швеция поставки этого сырья, Германия не провела бы и года. По-моему, Гитлер не смог бы начать войну, если бы Швеция отказала ему в поставках железной руды", - пишет в своих мемуарах ветеран советской разведки К.Синицын, работавший в Стокгольме¹⁸.

Итак, на первом месте для Советского Союза стояло укрепление обороноспособности страны и техническое перевооружение с помощью новейших немецких технологий. И эти

цели были во многом достигнуты. СССР удалось получить от Германии новейшие образцы военной техники, машины и оборудование для тяжелой, химической, горнорудной промышленности, некоторые виды остродефицитного сырья (дюралюминий, вольфрам) и то уникальное высокоточное оборудование, в котором СССР отказали Англия, Франция и США.

Благодаря экономическому сотрудничеству, СССР экономил огромные, с трудом поддающиеся подсчету средства на разработку аналогов высокотехнологичного немецкого оборудования. Эти средства представляли собой: время, необходимое для решения поставленных задач, которые уже были решены в Германии; материальные ресурсы, затрачиваемые на содержание научно-технических комплексов, решающих поставленные задачи; интеллектуальный, научно-технический потенциал, людские ресурсы, отвлекаемые на решение проблем, уже решенных в Германии. В результате применения высоких технологий, импортированных из Германии, резко увеличивалась производительность персонала, увеличивался удельный вес продукции на единицу рабочей площади цеха и, следовательно, освобождалось значительное количество людских и временных ресурсов.

Подводя черту, необходимо помнить уроки сложной дипломатической игры, которая включала и экономическую повестку. В конечном счете расчет советского военно-политического руководства на то, что Германия вознамерится получить большую прибыль от монопольного советского экспорта, чем от грабительской войны, не оправдался.

¹Лавров С.В. Трагедия Второй мировой войны: Кто виноват? // Российская газета №4986 от 1.09.2009.

²Иваницкий Г.М. Советско-германские торгово-экономические отношения в 1939 - 1941 гг. // Новая и новейшая история, 1989. №5.

³Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва - Берлин 1920-1933 гг. М., 2000.

⁴Семиряга М.И. Тайны Сталинской дипломатии. М., 1992. С. 17.

⁵Экономическое оснащение плана "Барбаросса" // Мир в войнах. М., 1998. С. 12.

- ⁶РГАЭ, фонд 413, оп. 13 ч. 1, д. 2664, 2665.
- ⁷Орлов А.С. СССР - Германия. Август 1939 - июнь 1941. М.: Знание, 1992. С. 81.
- ⁸Ильин В.В. Реформы и контрреформы в России. М.: МГУ, 1996. С. 171.
- ⁹Яковлев А.С. Цель жизни (записки авиаконструктора). М.: Политиздат, 1970. С. 237.
- ¹⁰Фельтшинский Ю. Оглашению подлежит: СССР - Германия 1939-1941. М., 1991. С. 90.
- ¹¹Шевяков А.А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования, 1995. №5. С. 13-25.
- ¹²Киссинджер Г. Дипломатия, 2001. С. 307.
- ¹³Карпов В. А. Маршал Жуков. М.: Вече, 1994. С. 466.
- ¹⁴Независимое военное обозрение. №10(370). 19 марта 2004.
- ¹⁵Ситолс В.Я. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939 - 1941 гг. в свете новых архивных документов. // Новая и новейшая история. 1997. №2. С. 29-41.
- ¹⁶Бурутин А. Атака на Победу // Российская газета. №4963. 30.07.2009.
- ¹⁷РГАЭ, ф. 413, оп. 13, ч. 2, д. 2564, 2473.
- ¹⁸Синицын К. Резидент свидетельствует. М.: Гея, 1996. С. 143-144.

ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТОВ НА ОККУПИРОВАННОЙ СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Александр Дюков

ВОЙНА на Востоке была для нацистской Германии особой войной. Здесь, на населенных "недочеловеками" просторах, не действовали никакие моральные и юридические законы; лишь жестокостью можно было обеспечить безопасность рейху и всей Европе. На закрытых совещаниях нацистское руководство прямо говорило о необходимости уничтожения миллионов советских граждан. Эти планы не оставались на бумаге - они деятельно и непреклонно воплощались в жизнь.

Войска Красной армии на фронте и партизаны в тылу не дали полностью реализовать нацистские планы обезлюдивания, однако и то, что нацистам удалось сделать, было невероятно в своей чудовищности. Итог нацистского господства на советских землях был поистине ужасающим. Войска Красной армии находили освобожденные районы в буквальном смысле обезлюдевшими. Повсюду были сожженные деревни, полуразрушенные города и могилы. По официальным советским данным, полностью или частично было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, 70 тыс. сел и дере-

Александр Решидеович Дюков - российский историк, публицист, директор фонда "Историческая память".

вень, 30 тыс. промышленных предприятий, около 100 тыс. колхозов, 40 тыс. больниц и лечебных учреждений, 84 тыс. школ. Крова над головой лишилось около 25 млн. человек¹. Экономике освобожденных территорий пришлось восстанавливать в буквальном смысле слова из руин. И хотя нацистская политика "выжженной земли" не смогла спасти Третий рейх от неминуемого поражения, ее результатом стала полуголодная жизнь в СССР первых послевоенных годов.

Людские потери оказались гораздо страшнее материальных. Из 70 млн. советских граждан, оказавшихся под властью нацистов, выжил лишь каждый пятый. Около 7,5 млн. человек было расстреляно и сожжено, 2,1 млн. умерло на принудительных работах в Германии, более 4 млн. - на оккупированных территориях от голода и отсутствия медицинской помощи. Кроме того, нацистами было уничтожено около 3 млн. советских военнопленных².

КАЗАЛОСЬ, что о подобном ужасе забыть невозможно, однако не прошло и 60 лет, как о геноциде советского народа было забыто, причем не где-нибудь на Западе, где об этом не очень-то и знали, а в нашей собственной стране.

Сегодня о хладнокровно проводившейся истребительной политике нацистов на советских землях у нас предпочитают не говорить. Более того - очень многие стараются сделать вид, что никаких преступлений германские оккупационные войска и вовсе не совершали, что место имели лишь неизбежные на войне случайности.

А коли уж и скажет кто сквозь зубы про "подвиги" нацистов, то тут же перескочит к обличению сталинизма, в частности и советского тоталитарного строя в целом. Хотя, казалось бы, при чем тут советский строй?

"Подлинная историческая память намеренно стирается, - замечает в этой связи историк Наталья Нарочницкая, - геополитический проект Гитлера - уничтожение целых государств и наций и лишение их национальной

жизни - забыт. Но если мы никогда не забываем страдания евреев, то почему же мировое сообщество и сами евреи парадоксально взирают с растущей лояльностью на наследников фашистских легионов Прибалтики, Украины, Белоруссии, руки которых обгажены кровью тысяч евреев и тысяч славян? Почему славяне вообще не упоминаются в качестве жертв гитлеровского геноцида? Уж не потому ли, что это дает возможность обвинять в фашизме тех, кто оказал гитлеровской агрессии наибольшее сопротивление и сделал невозможным повторение Освенцима?»³

Пропагандистская вакханалия, устроенная в зарубежных и ряде отечественных СМИ в преддверии 65-летия Победы, полностью подтверждает это предположение⁴.

Впрочем, нельзя не признать, что в значительной мере подобная ситуация стала возможна из-за нашей собственной нераспорядительности.

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ преступлениям нацистов были посвящены тысячи статей и десятки книг. Алексей Толстой и Михаил Шолохов, Илья Эренбург и Константин Симонов со всей силой писательского таланта рассказывали стране и миру об аде, воплощенном гитлеровцами на оккупированной советской земле. Реальность была страшнее любых выдумок, советские писатели и журналисты цитировали приказы командования вермахта и СС, дневники и письма немецких солдат и офицеров - и этого было более чем достаточно. Когда появилась возможность, в свет стали выходить основательные сборники документов, теперь даже самый большой скептик не мог обвинить советскую сторону в пропагандистском искажении фактов⁵.

Сборники документов продолжали публиковать и 15, и 30 лет спустя⁶. В научный оборот были введены крайне важные документы, однако использование их оставляло желать много лучшего. Причин тому было две.

Во-первых, психологический шок, который получило советское общество, был слишком силен. Исследовать его по

свежим следам было все равно, что копаться в незажившей еще ране, должно было пройти время, прежде чем произошедшая трагедия могла стать предметом осмысления⁷.

Во-вторых, послевоенный Советский Союз оказался не заинтересован в подобных исследованиях - потому что в уничтожении мирного населения кроме немецких войск и полиции более чем деятельное участие принимали формирования коллаборационистов из национальных республик.

В свое время советская власть сделала очень многое для того, чтобы не дать прорасти семенам межнациональной розни, посеянным нацистами. После войны Кремль проявил удивительную по любым меркам гуманность, амнистировав служивших на мелких должностях коллаборационистов и полицаяв - если на них не было крови и если они не убежали с немцами. Тем, кто убежал, дали всего лишь по шесть лет ссылки⁸.

Сделано это было по вполне прагматичным причинам: разоренная тяжелейшей войной страна нуждалась в мире, единении, а не расколе. По той же причине через некоторое время на исследования нацистской оккупации был наложен негласный мораторий: тщательные исследования по данной тематике могли нарушить гражданский мир в стране, обострить межнациональные проблемы.

В итоге политическая целесообразность оказалась выше исторической добросовестности. Ужасы нацистской оккупации остались в народной памяти, но не были зафиксированы историками, и лишь в работах, посвященных советскому партизанскому движению, можно было встретить небольшие разделы об оккупационной политике нацистов, разделы, носившие заведомо второстепенный и иллюстративный характер. Значимым исключением стала лишь Белорусская ССР, - одна из наиболее пострадавших от нацистского геноцида республика. Именно в Минске в 1984 году незначительным тиражом вышла монография "Нацистская политика геноцида и "выжженной земли" в Белоруссии". Почти 70% ее объема занимают росписи уничтоженных белорусских деревень, лагерей смерти, организованных на

территории республики, и наиболее крупных "контрпартизанских" операций⁹.

В ГЕРМАНИИ, ПОЛЬШЕ И ИЗРАИЛЕ исследования различных аспектов истребительной войны на Востоке носило гораздо более основательный характер, чем в Советском Союзе и впоследствии России. В одной только Германии (по обе стороны Берлинской стены) за 30 лет было опубликовано несколько десятков монографий по данной тематике. Ханс-Адольф Якобсен исследовал историю появления и реализации зловещего приказа "О комиссарах", Манфред Мессершмидт продемонстрировал, насколько вермахт был пропитан нацистской идеологией, Норман Мюллер и Андреас Хильгрубер рассказали об истребительной войне, Кристиан Штрайт - об уничтожении советских военнопленных, Хельмут Краусник и Ханс-Генрих Вильгельме - о преступлениях айнзатцгрупп¹⁰.

Советская историческая наука высокомерно игнорировала эти исследования, при этом не ведая и собственных. Изредка, впрочем, разрешалось перевести какую-нибудь зарубежную монографию. Русский перевод работы польского исследователя Ш.Датнера "Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных" был опубликован в 1963 году¹¹; следующей монографии - восточногерманского историка Н.Мюллера "Вермахт и оккупация" - пришлось ждать 11 лет¹². Эти две работы надолго остались единственными доступными в Советском Союзе исследованиями по проблеме. Был, правда, еще сокращенный перевод блестящей монографии К.Штрайта "Солдатами их не считать" - однако опубликованный под грифом "Рассылается по специальному списку", он остался недоступным не только для рядовых читателей, но даже для исследователей¹³.

Неудивительно, что к началу перестройки об истребительной войне, которую вели нацисты против всего нашего

народа, забыли. Забыли, конечно, историки и политики. Народная память об ужасе нацистского геноцида еще была жива, и когда писательница Светлана Алексиевич собирала рассказы о минувшей войне, респонденты рассказывали ей такие подробности преступлений оккупантов, от которых можно сойти с ума.

Алексиевич могла стать первым отечественным исследователем истребительной политики нацистов¹⁴. Однако поведавшие ей рассказы она сделала символом не преступлений оккупантов, а абстрактных ужасов войны. Никто не спорит с тем, что любая война страшна; однако важно понять, что миллионы уничтоженных советских граждан - это жертвы хладнокровной политики обезлюживания, а не войны¹⁵.

К сожалению, это не было понято и осознано, и вскоре в уничтожении нацистами советских мирных граждан и военнопленных неожиданно стали обвинять советскую же власть, которая-де провоцировала добропорядочных немцев на жестокие и массовые убийства, а тех, кто выживал под оккупацией, гнала в сибирские лагеря. Все это было не более чем повторением тезисов геббельсовской пропаганды, однако добровольно разоружившаяся официальная историческая наука не смогла адекватно ответить на нападки антисоветских пропагандистов, нападки столь же агрессивные, сколь и лживые.

В Израиле историей холокоста занимаются многие специализированные научные институты, у нас же нельзя назвать ни одного исследователя, который бы систематически занимался разработкой истории нацистской истребительной политики на оккупированных советских землях - этого, по определению германских историков, "другого холокоста".

Множество народу исследует сегодня проблему коллаборационизма, пишет о сражавшихся "под знаменами врага" "русских солдат вермахта". Конечно, знание структуры и принципов комплектования коллаборационистских формирований очень полезно, однако разве не важнее знать, чем, собственно, занимались все эти восточные батальоны, прибалтийские СС и вспомогательная полиция? Но об этом

предпочитают говорить невнятной скороговоркой - иначе вместо благородных борцов со сталинским тоталитаризмом люди увидят безжалостных палачей собственного народа¹⁶.

Существует ряд книг и статей о трагедии советских военнопленных и оstarбайтеров, однако слишком часто вместо исследования нацистской истребительной политики авторы этих работ начинают перепевать банальные и лживые анти-советские мифы. И не приходится удивляться, что вновь, как и в советское время, лучшей работой о судьбе советских пленных стала монография не отечественного, а зарубежного исследователя. Израильские историки по вполне понятным причинам всегда уделяли немецкой истребительной политике на Востоке большое внимание. Естественно, что прежде всего их интересовала история холокоста, однако проводившееся нацистами "окончательное решение еврейского вопроса" настолько плотно вписано в общую концепцию истребительной войны на Востоке, что игнорировать эти связи невозможно. Именно это и продемонстрировал израильский историк Арон Шнеер в своем фундаментальном "Плене", вышедшем на русском языке в 2005 году¹⁷.

Как ни парадоксально, зарубежным историкам обязан своим появлением и единственный отечественный сборник докладов по истребительной политике нацистов. В Германии ученые всегда старались не забывать о преступлениях нацистов на советской земле, после падения Советского Союза естественная научная добросовестность заставила немцев попытаться понять, как их исследования согласуются с работами российских коллег. С этой целью научный центр "Восток - Запад" Университета Касселя организовал заседание "Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта в Советском Союзе глазами российских ученых". Заседание состоялось в июне 1998 года, не то чтобы российские ученые смогли сказать что-то принципиально новое, однако как введение в проблему их доклады выглядели более чем достойно. Поэтому уже в следующем, 1999 году, материалы заседания были опубликованы на немецком языке. Российскую историческую науку исчерпы-

вающим образом характеризует тот факт, что на русском языке это достаточно ценное издание вышло лишь шесть лет спустя - в мае 2005 года¹⁸.

ДЛЯ СРАВНЕНИЯ можно посмотреть, как обстоит дело в Белоруссии, где об устроенном оккупантами аде никто не соби-рался забывать. Там уже в постсоветский период за короткое время были подготовлены и опубликованы сборники докумен-тов: "Немецко-фашистский геноцид в Беларуси в 1941-1944 гг.", "Белорусские оstarбайтеры" (в 4 кн.), "Нацистское золото в Беларуси", "Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского на-селения на временно оккупированной территории Беларуси" (два издания), "Лагерь смерти Озаричи" и другие издания¹⁹.

В России же изучение нацистской истребительной поли-тики долгое время практически не велось, за исключением исследования истории холокоста, основные итоги которого были подведены в вышедшей в 2002 году фундаментальной монографии историка Ильи Альтмана "Жертвы ненависти: холокост в СССР, 1941 - 1945"²⁰.

Интерес к исследованию нацистского геноцида был ини-цирован лишь 60-летним юбилеем Победы, истерическая реакция на который восточноевропейских политиков и запад-ных СМИ сделала очевидной необходимость отказа от совет-ской практики политкорректного забвения жертв нацистс-кой истребительной политики.

Сборник "Истребительная война на Востоке", о котором мы уже упоминали, стал практически первым постсоветским изданием по этой тематике, но им одним дело не ограничи-лось. В 2006 году издательство "Европа" выпустило три сбор-ника документов о преступлениях прибалтийских пособни-ков нацистов²¹, а летом 2007 года в свет вышла научно-публи-цистическая книга историка Александра Дюкова "За что сра-жались советские люди", посвященная нацистской истреби-тельной политике на оккупированных советских землях²².

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ нацистской истребительной политики в России только начинается. Исследователям лишь предстоит проанализировать динамику и масштабы нацистской истребительной политики, ее особенности в различных республиках Советского Союза, степень участия в уничтожении советских граждан подразделениями вермахта, СД, СС и (не в последнюю очередь) коллаборационистскими формированиями.

Все это - дело будущего (хочется верить, что недалекого), пока же следует обозначить основные направления исследований.

Во-первых, это так называемые "контрпартизанские действия", в значительной степени сводившиеся к массовому уничтожению населения умиряемого района. Следует знать, что немецкими войсками был разработан достаточно эффективный способ борьбы с партизанами. Специально сформированные "охотничьи команды" (ягдкоманды) вели незаметную лесную войну, уничтожая целые партизанские отряды; гражданское население при этом практически не страдало²³. Крупномасштабные карательные акции, однако, проводились нацистами уже начиная с июля-августа 1941 года и были лишь косвенным образом связаны с контрпартизанской борьбой. При этом реальная задача подобных операций - уничтожение как можно большего числа советских "недочеловеков" - четко осознавалась нацистским руководством и исполнителями²⁴. Отметим, что в оккупированных западных странах уничтожение мирного населения в рамках "борьбы с партизанами" началось лишь в 1944 году и имело незначительные масштабы.

Вторая проблема - уничтожение нацистами советских граждан еврейской национальности - исследована гораздо лучше, пожалуй лучше, чем любое другое направление нацистской истребительной политики. Однако изучение проблемы уничтожения советских евреев в комплексе с другими истребительными мероприятиями нацистов позволит прийти к новым и весьма важным выводам. Так, например, "окончательное решение еврейского вопроса" стало одним из по-

следствий принятых перед нападением на Советский Союз "преступных приказов", направленных на уничтожение советских военнопленных и обезлюживание оккупированных земель. Необходимо также выявить пропагандистскую составляющую холокоста, судя по некоторым высказываниям нацистского руководства, уничтожение евреев помогало рекрутировать новых союзников в борьбе с жидобольшевизмом, а также заявлять, что неевреям якобы ничего не грозит. В целом же следует согласиться с мыслью, высказанной Кристианом Штрайтом: "Хотя в сознание западногерманской общности в значительной мере внедрилась склонность проводить грань между уничтожением евреев и войной против Советского Союза, - писал он, - на деле "гитлеровская война на Востоке" и "окончательное решение еврейского вопроса" были тесно связаны и по времени, и по существу"²⁵.

Блокада Ленинграда - один из существенных элементов нацистской истребительной политики. Нацистское руководство заранее спланировало уничтожение населения этого города, точно такая же судьба ждала жителей Москвы. Начало исследования этого преступления нацистов было положено еще в советское время, к настоящему времени оно всесторонне исследовано как российскими, так и зарубежными специалистами.

Достаточно хорошо исследована политика нацистов по уничтожению советских военнопленных: из четырех переведенных на русский язык монографий, имеющих отношение к истребительной политике нацистов, три посвящены именно судьбе военнопленных. Тем не менее исследование этой проблематики продолжает оставаться актуальным, поскольку помогает по-иному взглянуть на происхождение так называемого "Русского освободительного движения". Не зря усилия таких историков-ревизионистов, как Иоахим Хоффман, направлены на прямую фальсификацию положения советских военнопленных в нацистском плену.

Совершенно не исследовано так называемое "молекулярное" насилие нацистских оккупантов. Как известно, перед нападением на Советский Союз нацистское командование

рядом приказов освободило германских военнослужащих от ответственности за уголовные преступления против советских граждан. Это привело к массовым убийствам мирных граждан, разнузданному и повсеместному насилию женщин. Безнаказанные преступления приняли такие масштабы, что начали вызывать у германского военного командования серьезные опасения, отражение которых мы можем, в частности, найти в дневнике начальника германского генштаба генерала Гальдера, проявляемая при этих преступлениях жестокость обеспокоила даже Гитлера. Преступления этого рода фиксируются как в воспоминаниях очевидцев, так и многочисленных документах советской разведки, органов госбезопасности и партизанских соединений.

Практически не исследованы мероприятия по угону и уничтожению населения, предпринимавшиеся нацистами в 1943-1944 годах в рамках стратегии "выжженной земли". Подобные операции зачастую получали говорящее о многом кодовое наименование "Гетто". Описания лагерей, в которые сгоняли население, производит поистине жуткое впечатление, кроме того, повсеместно наступавшие войска Красной армии встречали деревни с домами, набитыми трупами расстрелянных детей, женщин, стариков.

Прямое отношение к истребительной политике нацистов имеют предпринятые ими меры по экономическому ограблению оккупированных территорий. Эти меры исследованы совершенно недостаточно, насколько можно понять, они были направлены не только на "выкачивание" из оккупированных территорий необходимых материальных ресурсов, но и целенаправленное разрушение советской социально-экономической структуры, деиндустриализацию захваченных областей и их экономическую фрагментацию. Результатом стал настоящий голод, в результате все население оккупированных областей, по данным немецких документов, находилось "под угрозой голодной смерти", а миллионы от голода умерли.

Использование труда угнанных в Германию оstarбайтеров также в значительной степени носило истребительный характер, этот аспект исследован недостаточно, хотя и затронут в

ряде работ. В первую очередь следует упомянуть капитальную монографию Павла Поляна; однако само ее название "Жертвы двух диктатур" показывает идеологическую предвзятость автора²⁶. И к сожалению, эта предвзятость порою серьезно влияет на адекватность выводов. Добрых слов заслуживает также книга "Архипелаг OST" Виктора Андриянова²⁷. Однако называть эту книгу исследованием нельзя: пересказ судеб угнанных на немецкую каторгу советских граждан - дело нужное, однако не может заменить собой анализа.

А анализ необходим - ведь даже поверхностное ознакомление с проблемой позволяет сделать вывод об исключительности истребительной политики, осуществлявшейся нацистами против наших сограждан.

"Немцы по-разному воевали с англичанами, французами и американцами, с одной стороны, и с русскими - с другой, - пишет директор Института русской истории РГГУ Андрей Фурсов. - Это бросалось в глаза. Как заметил известный немецкий философ и политический мыслитель Карл Шмитт, во Второй мировой войне Германия вела две войны: обычную - на Западном фронте и совсем другую, тотальную - на Восточном. Первая война имела обычные военные цели, целью второй было физическое истребление представителей другой этнической группы, уничтожение противника как Враждебного Иного"²⁸.

В самом деле, пока вермахт воевал в Европе, нацисты обходились без массового уничтожения мирных граждан. В Польше командование вермахта по мере сил пыталось воспрепятствовать развертыванию масштабного оккупационного террора. Вступая на территорию Франции, Бельгии и Нидерландов, каждый солдат имел памятку с "10 заповедями о ведении войны германскими солдатами", в которой предписывалось вести себя лояльно по отношению к мирному населению и не нарушать международных правил ведения войны. Обращение же с военнопленными, французами и англичанами, вообще заслуживает отдельного разговора. 26 апреля 1940 года Гальдер записывает:

"Я предупредил [Кейтеля] о нежелательности мероп-

*риятий по отношению к английским военнопленным. Это может отразиться на пленных немецких офицерах*²⁹.

Как вы думаете, о каких нежелательных мероприятиях идет речь? Быть может, англичан хотят произвольно расстреливать или давать миску баланды в день и заставлять работать с рассвета до заката?

Ничего подобного.

"Нежелательные мероприятия" - это допрос в присутствии журналистов.

Исключением, подтверждающим правило, оказывается лишь Югославия, против населения которой нацистами и их пособниками была применена та же истребительная политика, что и на оккупированных советских территориях.

БЕЗ ПОНИМАНИЯ того, что происходило на оккупированной территории, мы никогда не сможем понять событий самой страшной и самой важной в нашей истории войны, не поймем, что ожидало наших предков в случае поражения.

Только помня о воплощавшейся на оккупированной территории жестокой истребительной политике, мы сможем адекватно понять явления партизанского движения и коллаборационизма, историческую роль партизан, препятствовавших нацистским преступлениям и принимавшим в этих преступлениях деятельное участие нацистским пособникам.

Только зная о масштабах проводившегося нацистами уничтожения советских граждан, мы сможем восхититься нравственным подвигом Красной армии, которая, вступив на немецкую землю, в общем и целом удержалась от мести.

В исследовании истребительной политики нацистов против нашего многонационального народа лежит ключ к пониманию всей Великой Отечественной войны. А история Великой Отечественной, в свою очередь, является "точкой сборки" и отечественной истории XX века, и современного российского общества³⁰. Именно в этом прагматическая актуальность подобных исследований.

Но наряду с прагматикой есть еще и моральный долг.

Уничтоженные на оккупированных территориях люди были разных национальностей, разной веры и разного возраста. Они были не похожи друг на друга ни характером, ни цветом глаз. Все они были гражданами нашей страны.

Оторвитесь от книги и подойдите к окну.

Там, за стеклом, - люди.

Кто-то озабоченно спешит по своим делам. Смеются дети и целуются влюбленные. Неспешно прогуливаются старики.

Если бы 60 лет назад наши деды и прадеды не победили, то никого из этих людей не было бы на свете.

Сегодня нельзя допустить, чтобы исчезла память о миллионах людей, хладнокровно уничтоженных только потому, что они были советскими гражданами.

Мы должны помнить обо всех - русских и украинцах, белорусах и евреях, мужчинах и женщинах, стариках и малолетних детях.

Мы помним, пока мы живы.

Или, вернее, - мы будем жить, покуда помним все это.

¹Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 429.

²Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 231-234, 454-463; Население России в XX веке: Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. С. 50.

³*Нарочницкая Н. А.* За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С. 66.

⁴См., напр.: *Крестовский В.* Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ//60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: Победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти: Материалы к международному форуму (Москва, сентябрь 2005). М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2005. С. 147-161.

⁵См., напр.: *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945: Статьи. М.: АСТ; Астрель, Олимп, 2005. С. 304-310; *Павлов В.В.* Дневники гестаповца//Лубянка: Историко-публицистический альманах. М., 2005. Вып. 2. С. 91-112.

⁶Документы обвиняют. М., 1945. Вып. 1-2; Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946; Немецко-фашистский оккупационный режим,

1941-1944. М., 1965; Мы обвиняем. Рига, 1967; Преступные цели - преступные средства. М., 1968.

⁷См.: *Вельтцер Х.* История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы//Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 34.

⁸*Дюков А.Р.* Милость к павшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М.: Фонд "Историческая память", 2009.

⁹Нацистская политика геноцида и "выжженной земли" в Белоруссии, 1941-1944. Минск: Беларусь, 1984.

¹⁰*Борозняк А.* ФРГ: волны исторической памяти//Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 61-63; *Кёнинг Х.* Память о национал-социализме, холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании Федеративной Республики Германия//Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 96-103; *Штанг К.* Вина и признание вины: Продолжающиеся трудности при осмыслении старой проблемы //Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941-1944. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 70-88.

¹¹*Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.

¹²*Мюллер Н.* Вермахт и оккупация, 1941-1944: О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М.: Воениздат, 1974.

¹³*Штрайт К.* Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг. М.: Прогресс, 1979.

¹⁴*Адамович А., Брыль Я., Колесник В.* Я из огненной деревни... Минск, 1977.

¹⁵То, что не сделала Алексиевич, сделал германский исследователь Пауль Коль, собиравший рассказы переживших оккупацию в то же самое время. Его итоговая книга была посвящена именно нацистским преступлениям: *Kohl P.* Ich wundere mich, daß ich noch lebe: Sowjetische Augenzeugen berichten. Glitersloh, 1990. Поистине, нет пророка в своем Отечестве!

¹⁶*Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001. Переиздание. М., 2004.

¹⁷*Шнеер А.* Плен: Советские военнопленные в Германии, 1941-1945. М.: Мосты культуры; Иерусалим:Гешарим, 2005.

¹⁸Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941-1944. М.: АИРО-XXI, 2005.

¹⁹Белорусские оstarбайтеры: Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941-1944): Документы и материалы. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 1996-1997. Кн. 1-2; Озари-чи - лагерь смерти: Документы и материалы. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 1997. Белорусские оstarбайтеры: Репатриация (1944-1951): Документы и материалы. Минск: Национальный ар-

- хив Республики Беларусь, 1998. Ч. 1-2; "Нацистское золото" из Беларуси: Документы и материалы. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 1998. Заложники вермахта (Озаричи - лагерь смерти): Документы и материалы. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 1999.
- ²⁰ *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941-1945 гг. М.: Фонд "Ковчег"; Коллекция "Совершенно секретно", 2002.
- ²¹ Латвия под игом нацизма: Сборник архивных документов. М.: Европа, 2006; Трагедия Литвы: Сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М.: Европа, 2006; Эстония. Кровавый след нацизма, 1941-1944: Сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М.: Европа, 2006.
- ²² *Дюков А.Р.* За что сражались советские люди. М.: Эксмо; Яуза, 2007.
- ²³ *Миддельдорф Э.* Русская кампания: тактика и вооружение. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. С. 432-433; *Диксон Ч.О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 170-172.
- ²⁴ *Heer H.* Die Logik des Vernichtungskrieges: Wehrmacht und Partisanenkampf // Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht, 1941-1944. Hamburg, 1995. S. 104-156.
- ²⁵ *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 24.
- ²⁶ *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002.
- ²⁷ *Андрянов В.И.* Архипелаг OST: Судьба рабов Третьего рейха в свидетельствах, письмах и документах. М.: Молодая гвардия, 2005.
- ²⁸ *Фурсов А.И.* Третий Рим и Третий рейх: третья схватка (Советско-германский покер в американском преферансе) // Политический класс. 2006. № 7. С. 89.
- ²⁹ *Гальдер Ф.* Военный дневник. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1. С. 449.
- ³⁰ *Кургиян С.* Точка сборки: Победа как главный нервный узел всей российской духовной, культурной и политической проблематики // Россия XXI. 2005. № 3. С. 4-47.

"РУССКИЙ ТОВАР" ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Ирина Оганесян

*Чем чудовищнее ложь,
тем быстрее в нее верит публика.
Гebbельс*

НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ нацистский режим был осужден в "преступлении против человечности". В частности, обвинение было выдвинуто против осуществления принудительного труда граждан с оккупированных западных областей Советского Союза, массового вывоза наших сограждан в Германию для работ по усилению Третьего рейха.

Германский министр земледелия, главный организатор мобилизации иностранной рабочей силы Вальтер Даре говорил, что *новый немецкий народ будет иметь своих рабов. Не относитесь к слову "раб" как к притче. Мы действительно создадим новую форму рабства и проведем ее в жизнь.*

Возрастал недостаток рабочих рук в нацистской Германии. Дешевая рабочая сила из СССР в годы войны была необходима хладнокровному "хищнику" для наращивания производственной мощности. Труд наших сограждан оказался востребован рейхом практически во всех отраслях хозяйства, включая больницы и работу в качестве домашней прислуги.

Ирина Арменовна Оганесян - журналист, автор и режиссер документального фильма "OST".

С оккупированных территорий СССР на рабский труд было обречено, по приблизительным оценкам, около 4 млн. мирных граждан. Под "остарбайтерами" понимались русские, в то время как в эту группу входили представители всех национальностей Советского Союза.

С приходом к власти Гитлера расовая теория стала играть главенствующую роль в переосмыслении всемирной истории. Воображаемый мир, созданный нацистскими учеными, вывернул наизнанку и саму антропологию человека, особенно тех, кто не принадлежал к арийской расе.

Ложные концепции геббельсовской пропаганды о представлении людей с Востока должны были стать частью массового сознания немецкого народа: "остарбайтеров" представляли "свинским народом", "людьми второго разряда".

Однако такие документы, как секретные доклады Службы госбезопасности от 1942 и 1943 годов, адресованные высшему руководству Германии, свидетельствуют о возникновении ряда непримиримых противоречий между навязанным образом "остарбайтера" и мнением о них рядовых немцев¹.

По данным докладов, установка заключалась в следующем: убедить немецкое население в том, что во всех сферах жизни советские люди проявляют себя как "скотоподобные" существа, жестокие "недочеловеки".

*"С озабоченностью спрашивали, как мы поступим в будущем с этими "зверьми". Многие немцы полагали, что их нужно будет полностью уничтожить"*².

Однако спустя некоторое время у властей появляются все больше поводов для беспокойства:

*"Уже сегодня поднимается для многих немцев вопрос о духовном отношении к тысячам остарбайтеров. Именно среди наших рабочих было отмечено, что эти русские часто проявляют смекалку, ловкость, быстроту в понимании даже сложных процессов в работе машин"*³.

В националистическом угаре "восточных" людей рассматривали как неполноценных в расовом отношении, как безбожников, неграмотных, умственно отсталых, безнравственных, невежущих, что такое семейные узы.

Каково же было недоумение, беспокойство руководителей Службы национальной безопасности, когда со всей империи были собраны следующие отзывы об "остарбайтерах".

Из города Дортмунда поступило сообщение от руководителя одного государственного органа здравоохранения. После осмотра "остарбайтеров" он заявил:

*"Меня фактически изумил хороший внешний вид работниц с востока. Наибольшее удивление вызвали зубы работниц, так как до сих пор я еще не обнаружил ни одного случая, чтобы у русской женщины были плохие зубы. В отличие от нас, немцев, они, должно быть, уделяют много внимания поддержанию зубов в порядке. Во многих отношениях мы, пожалуй, были информированы не совсем точно или же не были оповещены об обстановке со стороны высших инстанций"*⁴.

Одна работница из района, прилегавшего к Лигницу, сказала: *"Я думала, что у русских нет религии, однако они даже молятся"*⁵.

Из Бреслау начальник отдела учета доложил:

*"Остарбайтеры должны у меня регистрироваться для заведения на них карточек. При этом они почти всегда заявляют о своей принадлежности к православной церкви"*⁶.

В докладе из Райхенберга приводятся высказывания немцев по этому поводу: *"Все возможное делается для проведения этих праздников [рождественских]. Их не могли бы устроить лучше даже немецкие рабочие"*⁷.

Из Галле также сообщается:

"Религиозные воззрения остарбайтеров лучше всего проявлялись в то время, когда разбирались дела об их виновности в совершении мелких преступлений и проступков, таких как кража картофеля и т.п. Глубокие религиозные чувства прорывались в страхе перед соответствующим строгим наказанием, когда почти все без исключения наказанные остарбайтеры обращались с заверениями к Богу, давали от его имени обещание никогда больше не допускать чего-нибудь подобного. И действительно, можно утверждать, что остарбайтеры, которые давали заверения со ссылкой

ми на Бога, во всех случаях соблюдали свои обещания и не совершали больше наказуемых поступков"⁸.

Относительно технической осведомленности "остовцев", характерно высказывание одного рабочего из Бейреута:

"Наша пропаганда всегда преподносит русских как тупых и глупых. Но я здесь установил противоположное. Во время работы русские думают и совсем не выглядят такими глупыми. Для меня лучше иметь на работе 2 русских, чем 5 итальянцев"⁹.

Директор льнопрядильни в городе Глагау по поводу "остарбайтеров" заявил следующее: *"Направленные сюда остарбайтеры сразу же демонстрируют техническую осведомленность и не нуждаются в более длительном обучении, чем немцы*"¹⁰.

Часто немцев приводил в замешательство уровень образования "остовцев".

*"Я чуть совсем не опозорился, - сказал один подмастерье, - когда задал русскому небольшую арифметическую задачу. Мне пришлось напрячь все свои знания, чтобы не отстать от него..."*¹¹ (г. Бремен).

"В первую очередь молодые русские хорошо знакомы с печатной продукцией, говорят даже по-немецки и просят дать им брошюры и книги, по которым они могли бы дальше изучать немецкий язык. Свои фамилии они четко пишут не только кириллицей, но и латинским шрифтом. Они стремятся добыть любой клочок бумаги и используют любую возможность получить информацию. Я установил, что русские в своих местах проживания изготавливают из картона и других материалов для развлечения различные игры, в том числе даже шахматы"¹² (г. Франкфурт-на-Одере).

Мифотворчество относительно безнравственности людей из Советского Союза, отсутствия у них семейных ценностей также не находило подтверждения в реальности.

В докладе из Лигница говорится:

"Остарбайтеры очень много пишут и получают много писем. Они проявляют много заботы о своих родных, особенно в периоды германского отступления. Они покупают много писчей бумаги и различных предметов для подар-

ков. Торговый представитель одной фабрики сказал: "Я думал, у русских нет семьи, но одна девушка все время спрашивает, не может ли ее брат работать у нас. Сейчас он работает по соседству". Один отец постоянно спрашивается о своей дочери, которая тоже должна находиться в Германии. Одна женщина хочет установить памятник своему умершему мужу. Русские часто фотографируются, чтобы послать снимки своим родным. Один русский сильно плакал из-за того, как он рассказывал, что его с женой направили сюда, а четверо их детей вынуждены были остаться дома..."¹³.

Интересно и данное высказывание: "Представления нашего населения о семейных чувствах большевиков прямо противоположны тому, что об этом говорила наша пропаганда. Русские проявляют большую заботу о своих родных, и у них там существуют упорядоченные семейные отношения. При любом удобном случае они общаются между собою. Существуют тесные связи между родителями, детьми, их бабушками и дедушками"¹⁴.

Сообщалось и о случаях проявления товарищества среди "остовцев":

"Начальник лагеря при заводе "Дойчен асбест-цемент А.Г.", выступая перед остарбайтерами, сказал, что они должны трудиться с еще большим прилежанием. Один из остарбайтеров выкрикнул: "Тогда мы должны получать больше еды". Начальник лагеря потребовал, чтобы выкрикнувший встал. Сначала никто на это не отреагировал, но затем поднялось около 80 мужчин и 50 женщин"¹⁵.

С тревогой в документе сообщается: "Изменений, которые уже произошли в связи с прибывшими в империю людьми, недостаточно для того, чтобы ликвидировать все возникшие сомнения в прежних представлениях о России, не говоря уже о том, что очень часто подобные размышления не имеют места"¹⁶.

Как видим из вышеперечисленных наблюдений, изложенных в докладах с различных уголков нацистской империи, представления о людях из СССР перестали соответствовать

пропагандистскому шаблону. Немецкий народ более не доверял навязанному образу "советского человека".

ПРИСКОРБНО, что на сегодняшний день история принудительного угона людей из Советского Союза остается неведомой для многих граждан нашей страны, не говоря уже о зарубежье.

Осенью 2008 года я приступила к созданию документального фильма под названием "OST". Работа посвящена изучению судеб людей, угнанных в рабство Третьего рейха. Было проинтервьюировано 15 бывших "остовцев" из разных уголков России.

Существует мнение, что "остарбайтеры" массово добровольно уезжали на работу в Третий рейх. Данное предположение ложное. В целом с населением не церемонились. Там, где оказывалось сопротивление, деревни сжигали дотла, а жителей вывозили на грузовиках или гнали пешком на вокзалы. Не редкостью был и шантаж: если ты сам отказываешься ехать, тогда мы отправим твою мать или младшую сестру. Глава Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг писал губернатору Франку: *"Дикая и безжалостная охота за людьми, которая ведется в городах и деревнях, на улицах, площадях, даже в церквях, ночью в жилищах, резко подорвала ощущение безопасности жителей. Каждый опасается быть схваченным полицией в любом месте днем и ночью, причем совсем неожиданно. Каждый опасается, что может быть отправлен на сборный пункт и никто из близких не узнает о случившемся с ним"*¹⁷.

Не могу не процитировать воспоминания героя фильма, бывшего "остарбайтера" Николая Николаевича Карпова об установлении немцами нового порядка на оккупированных территориях:

"Началось все с жестокости, кого оставили для подпольной работы, кого нашли [немцы], их повесили на площади и показывали всем для устрашения. И, конечно, ко-

мендантский час, никто не выходил, когда смеркалось, - это было опасно, могли запросто застрелить. <...> На счет нашего пропитания. В Рославле, в оккупации, одно время нам помогала наша собака Мурка. Немцы на скотобойне забивали скот, отобранный у крестьян, а внутриности, в том числе печень, выбрасывали в ров. Мурка стала приносить оттуда сначала себе, сидела и ела, потом, когда бабушка стала у нее отбирать, она стала приносить на нашу долю. И некоторое время она нам регулярно приносила печенку и легкие с этой бойни, а потом однажды пришла с огнестрельной раной, ее застрелили немцы, видимо, сочли, что не имеет права собака забирать что-то отсюда, и она умерла у нас на руках" (из интервью с бывшим "остарбайтером" Н.Н.Карповым).

Едим замерзшего грача
 В уюте тесного жилища.
 Она красна и горяча
 Морозом даренная пища.
 Она удача из удач.
 Благодарим убийцу вьюгу,
 Но жалок нам погибший грач,
 И сами жалки мы друг другу.
 От обревенчатости ной.
 В многострадальной нашей хате
 Там на гармонике губной
 Играет наш завоеватель.
 За все получит он сполна
 От наших, что вернуться вскоре,
 За то, что пища солона
 От слез и подлинного горя.

Автор - бывший "остарбайтер" Н.Н.Карпов.

Николая Николаевича Карпова угнали в Германию, когда ему было 11 лет.

"Причем, как угоняли: угоняли тех, кто не смог уйти от них. Потому что те, кто смог уйти, - не старые да малые, как мы с бабушкой, а среднего возраста, - уходили в леса, к партизанам, или в деревню, к знакомым, прятались там. Все деревни они [немцы] не обшаривали, а по городу проводили облавы и грузили, и увозили на принудительные работы в Германию. Вот так мы попали в Германию в 1943 году".

Транспортировка советских людей в Германию сравнима разве что с перевозкой скота. Товарные вагоны заполнялись так, что сидеть приходилось по очереди. Путь был долгий: от 6 до 14 дней. По дороге могли и не кормить, люди мучались жаждой. Не все смогли пережить такие мытарства.

Доныне в памяти тот год.
 Военной гари стойкий запах.
 Когда в неволю, словно скот,
 Враги везли детей на запад.
 При скудном мизерном пайке
 Едва держались души в теле.
 Из них в далеком далеке
 Людское вытравить хотели.
 А следом в ужас лагерей
 Ночным осенним небосклоном
 Летели души матерей
 Над каждым страшным эшелонном.
 Кругом военная страна
 Светилась заревом багряным.
 Вот лишь такие поезда
 И не взрывали партизаны.

Карпов Н.Н.

Далее наших сограждан ожидал пересыльный лагерь, где проводилась первая дезинфекция. Следующий этап - распределительный лагерь. По сути, это был "невольничий рынок". Сюда съезжались покупатели "русского товара" с различных заводов, ферм и других предприятий. *"Помню, в детстве я*

читала повесть "Хижина дяди Тома", в которой рассказывалось, как людей продавали и покупали, словно скот. Никогда я не думала, что такие позорные вещи могут повториться в наши дни"¹⁸ - из воспоминаний бывшей "остовки".

После прохождения дезинфекции в Бресте Н.Н.Карпову выдали личный номер и отправили дальше в закрытом вагоне.

"На рассвете мы оказались в незнакомом городе, на холодном асфальте. Нас посадили в машины и отвезли в лагерь. Этот лагерь мне запомнился тем, что там был комендант, совершенный изувер. Он лишился руки на Восточном фронте и поэтому зверствовал и вымещал свое зло на русских людях. В этом лагере уже в первые месяцы от побоев и от голодной и тяжелой жизни скончалось несколько женщин" (из интервью с бывшим "остарбайтером" Н.Н.Карповым).

Участь наших соотечественников на принудительных работах в семьях, малых частных хозяйствах была нелегка. Отношение к ним было как к рабам: они подвергались побоям, трудились до изнеможения.

Получив живое представление о том, что в действительности происходило с "остарбайтерами" на принудительных работах, недоумение постепенно перерастает в ужас. Вопреки тяжелым воспоминаниям о покалеченной жизни в немецком плену, бывшие "остовцы" с откровенностью рассказывали о своих мытарствах.

Из лагеря, в котором оказался Н.Н.Карпов, "восточных" рабочих разбирали на различные работы. Так, однажды мальчика (Н.Н.Карпову тогда было 11 лет) забрали на работу в ресторан.

"Хозяин был суший зверь. С ним связано много тяжелых историй. Вот такая, например. Однажды я пришел кормить собак - большого дога и маленького. Я принес им еду. В руках у меня была миска с их пойлом, и я не притворил дверь. Щенок выбежал, а тут же гуляли цыплята. Он схватил одного цыпленка и откусил у него заднюю часть. Цыпленок так стал бегать на двух ногах, а половина откушена. И как на беду - хозяин. Увидев это дело, он схватил цыпленка и отлупил меня им. Внутренности залепили мне лицо, потом

Катя, украинка, которая там работала горничной, отмывала и утешала как могла" (из интервью с бывшим "остарбайтером" Н.Н.Карповым).

Фабрично-заводских рабочих из Советского Союза не баловали. Питание было крайне скудным и недостаточным. Кормили, как правило, супом из брюквы - "баланды из воды и гнилых бураков". В рационе "восточного" рабочего иногда попадались: вареная картошка, каша, сахар, колбаса. Рабочих из европейских стран кормили значительно лучше - обильней и разнообразней. Жили рабочие из Советского Союза, как правило, в бараках рабочих лагерей. Режим был казарменный. Жилищные условия были далеки от санитарных норм. Работали "остовцы" по 12-16 часов в день.

Положение работниц из СССР было самым тяжелым. Изнасилованную "остовку" отправляли в концлагерь. 11 марта 1943 года Леонардо Конти - руководитель Имперской службы здоровья - издал циркуляр, согласно которому разрешалось добровольное прерывание беременности у женщин, прибывших на принудительные работы из Советского Союза. Данный документ фактически стал руководством к осуществлению насильственных абортов, стерилизации женщин.

В целом "остарбайтеры" были сильно измождены, смертность среди них была высокая. Общая медицинская помощь на работников с востока не распространялась.

"Кормили нас один раз в день, вечером. Паек я досконально буду помнить до конца своих дней: литр брюквенно-морковного супа, два ломтика серого хлеба с опилками. Полкружочка вареной колбасы, кусочек мармелада и кипяток хоть залейся. Все. Это мы должны были растянуть на сутки. Многие не выдерживали и вечером все съедали, а потом с завистью глядели на тех, кто не съел все и может еще утром поест немножко. Поэтому, когда мы разбирали развалины, если среди этой пыли битого стекла и кирпичей находили какой-то продукт, мы, конечно, этот продукт отряхивали, прятали за пазуху и везли в лагерь" (из интервью с бывшим "остарбайтером" Н.Н.Карповым).

"Остовцы" радовались любой возможности найти хоть что-нибудь съестное.

"Однажды я попала в кондитерский цех. Здание без крыши, разбито все, уничтожено. При бомбежке горел сахар. Я его соскребала и клала в карманы. Несколько дней нас гоняли на расчистку развалин этого цеха. С теми, кто оставался на фабрике, мы делились кусками подгорелого сахара. А они такие вкусные! Мы так ели! Мы так ели! <...> Я старалась несколько листочков капусты согнуть, положить в карман, а потом, когда вечером освобождались, уже перед сном, порезать ее мелко, посолить круто. Так делала засолку на ночь, а утром каждому по 2-3 ложечки. Вот так я делала, когда можно было что-то взять со свалки"(из интервью с бывшей "остарбайтером" И.З.Бондаревой).

Ираида Захаровна Бондарева была угнана в Германию в возрасте 21 года вместе с матерью и двумя младшими сестрами. Три года она проработала на фабрике по изготовлению ниток для парашютов.

"У нас там были такие цеха на этой фабрике, где работали здоровые женщины. Одежду им выдавали ежесдельно, потому что кислота сжигала на них эту спецовку (из толстого сукна, такого как раньше у наших солдат шинели были)" (из интервью с бывшей "остарбайтером" И.З.Бондаревой).

Свое пребывание в Германии Ираида Захаровна оценивает так:

"Тяжелое время было с первого дня и до последнего. Каждый день хотелось кушать, хотелось и спать, и отдохнуть... <...> С первого дня полный рабочий день. По военным меркам рабочий: по 12-16 часов. <...>Кормили очень плохо. Суп. Это даже представить трудно. Он горьковатый и страшно-страшно невкусный" (из интервью с бывшей "остарбайтером" И.З.Бондаревой).

В одно время Н.Н.Карпов был взят на работы по расчистке развалин.

"Заставляли, чтобы мы работали, не сидели сложа руки. А нам было трудно работать, мы были голодные, сла-

босильные. <...> Когда мы обращались к нашим работодателям, что, вот, нам нечего есть, большинство отвечали нам так: "Вам на день в лагере выдали паек, вы обязаны были распределить его на все время" (из интервью с бывшим "остарбайтером" Н.Н.Карповым).

Однажды Николаю Николаевичу повезло: нашел опасную бритву, с помощью которой вырезал из дерева самолетики, которые потом "продавал" немцам.

"А нам, что дадут... Дадут два ломтя хлеба, дадут пять картошки, тоже хорошо!" (из интервью с бывшим "остарбайтером" Н.Н.Карповым).

Отношение немецкого населения к "остарбайтерам" не отличалось сочувствием. Они верили в то, что "остовцы" - варвары, удостоившиеся побывать в "культурном раю". Как правило, немцы, встречая рабочих из СССР, смеялись над ними, дети плевали в их сторону. Применялись различные методы унижения, как морального, так и физического характера.

Слова Альфреда Розенберга: "Для миллионов остарбайтеров Германия стала второй Сибирью..."¹⁹ - могут быть дополнены разве что высказыванием Генриха Гимmlера: "Погибнет ли 10 тыс. русских баб от изнурения во время рытья противотанковых рвов, меня не интересует. Для меня важно только одно - когда этот ров будет закончен для Германии!"²⁰

Несмотря на столь откровенно бесчеловечное отношение к узникам из Советского Союза, встречались, хоть и редко, примеры милосердного отношения со стороны немецкого населения.

"Вспоминаю я монашек. Когда нас привезли несколько человек в монастырь, в котором была разрушена стена, нужно было убрать разбитый кирпич. Работы было немного, но монашки нас покормили, спрашивали, верим ли мы в Бога. Мы, естественно, сказали, что верим, мы тогда действительно верили в Бога. Паролем к взаимопониманию служило просто: "Иисус Христос". Все. Больше можно было ничего не говорить. <...> Так что, видите, люди всегда остаются людьми, а нелюди тоже нелюдьми остаются. Из любой

ситуации можно вынести и хорошее, и плохое" (из интервью с бывшим "остарбайтером" Н.Н.Карповым).

Напоследок мне бы хотелось дать слово человеку, который так долго молчал о своей участи в немецком плену.

"Нужно иметь в виду, что немцы были оболванены гebbельсовской пропагандой. Они, обыватели немецкие, возмнили себя высшей расой и считали, что так и должно быть: что мы должны быть рабами. То, что к нам было такое жестокое, нечеловеческое отношение, это еще и потому, что немцам запрещалось к нам хорошо относиться. И поэтому вдвойне ценно то, что находились люди, настоящие люди, которые и не поддались пропаганде и угрозам. <...> Важно противостоять. Важно хранить в себе божественное, человеческое. Понимаете?"

ИЗ ВСЕГО ВЫШЕСКАЗАННОГО становится очевидным тягостное положение наших соотечественников в Третьем рейхе. Эти люди побывали в положении раба в XX веке, испытали на себе презрение, отсутствие жалости, пассивное согласие обывателей на их страдания (во многом "остовец" зависел от конкретного человека на предприятии, в семье, на фабрике). Удивительно, что в сердце Европы, Германии, считавшейся цитаделью континентального законотворчества, люди столь беспрепятственно поддались постулатам идейной жестокости. В просвещенной Европе, в совсем недалеком прошлом рабство проявило себя с невыносимым размахом.

¹ Доклады Третьего управления Службы государственной безопасности.

² Источник, 1995. №3.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸Там же.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Там же.

¹³Там же.

¹⁴Там же.

¹⁵Там же.

¹⁶Там же.

¹⁷*Ширер У.* Крах нацистской империи. М., 1999. С. 478-479.

¹⁸Немецкая каторга. М.: Молодая гвардия, 1943. С. 15-16.

¹⁹*Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. М.: "РОССПЭН", 2002.С. 39.

²⁰*Гиммлер Г.* Из речи в Позене (4 октября 1943 г.)

НОРВЕГИЯ: ВОЕННОПЛЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

Игорь Бухаркин

О ПЕЧАЛЬНОЙ СУДЬБЕ советских военнопленных, томившихся в гитлеровских тюрьмах и концлагерях как в Германии, так и в оккупированных гитлеровцами странах, написаны километры страниц художественной и документальной литературы. Однако мне доводилось до известного времени лишь невзначай слышать о советских военных, вывезенных немцами в Норвегию.

Во время работы в Норвегии генеральным консулом в городе Киркенесе я изъездил свой консульский округ, весьма немаленький - вся Северная Норвегия, вдоль и поперек. Тем, кто не был в Северной Норвегии, сложно представить себе непостижимую красоту зимнего ландшафта, которую лирики уже давно успели назвать не только алмазно-ледяной, но и суровой, грозной, что все равно не соответствует тому состоянию, которое тебя охватывает при виде огромных черных скал, нависающих над узкой автострадой вдоль побережья норвежского Заполярья, которую пробивали сквозь прибрежные скалы еще в первой половине прошлого века.

Вдоль автострады встречаются дорожные указатели с надписью на норвежском языке: "Russisk krigsminnesmerke" и значком памятника культуры или музея. Владелец придо-

*Игорь Васильевич Бухаркин - Чрезвычайный и Полномочный
Посланник.*

рожного кафе пояснил, что указатель обозначает "Российский военный памятник". На мои расспросы он буркнул, что на самом деле это не памятник, а место, где раньше находился лагерь советских военнопленных, и их немало. В справочной литературе даже упоминания о каких-либо достаточно значительных контингентах наших пленных в Норвегии не содержалось, тем более о концлагерях, да еще во множественном числе. В нашем посольстве тоже знали очень мало: после войны прошло много лет, в двусторонних отношениях проблема военнопленных давно урегулирована, вопрос захоронений уже считается решенным, а что касается районов, где были лагеря, то они довольно удалены.

Мое исследование отложилось. Не то было время, чтобы задавать не очень приятные вопросы норвежцам, от которых мы в годы лихолетья, 1990-х, начали получать существенную поддержку по выходу из тяжелейшего положения, в котором оказалась экономика России.

Этой же дорогой я специально проехал еще раз, и мне удалось найти и осмотреть развалины жалких лачуг без окон, оставшиеся от нескольких лагерей. Они стояли на высоких сваях, как оказалось, для защиты от больших сугробов, на четко размеченных площадках с видимыми следами аппельплацев. Потом мне пояснили: то были еще сносные условия - в других лагерях не было и этих лачуг (люди жили под открытым небом). Однако в каждом таком месте обязательно стояли столбики и таблички с пояснениями. Аккуратные норвежцы старались сохранить следы многострадального существования людей и старательно приводили данные о пленных. В подавляющем большинстве это были советские солдаты и немало югославских братьев по оружию и по несчастью.

От норвежцев на неофициальной основе я слышал о лагерях главным образом скупые пересказы, которые шли от отцов и матерей. Зато они с огромным воодушевлением рассказывали об освобождении Киркенеса и других городов от фашистов и особенно о том, как первые советские разведчики регулярной Красной армии, откликнувшись на просьбу посланцев норвежского подполья, ворвались в

Киркенес, перебили охрану заминированной штольни шахты, куда гитлеровцы загнали 3500 жителей, и освободили их буквально в последние минуты до взрыва.

Я понемногу собирал материалы о советских военнопленных, которых использовали на самых тяжелых работах по строительству транспортных коммуникаций и объектов вдоль побережья и которые, по признанию самих норвежцев, "внеесли большой вклад в строительство норвежской инфраструктуры и способствовали тем самым модернизации Норвегии в послевоенный период"*.

К сожалению, исследователи мало касались чисто международного аспекта этой темы, позиций заинтересованных государств, хода принятия ими решений по выявлению и урегулированию различных аспектов трагедии советских военнопленных в Норвегии, по сути каторжников-смертников.

Оккупировав Норвегию в 1940 году, гитлеровцы сразу стали разрабатывать далеко идущие проекты создания мощного плацдарма на ее территории для подготовки к войне с Советским Союзом. Генштаб выпустил фундаментальный документ "Соображения о политических и административных мероприятиях при оккупации Норвегии, Дании и Швеции". В нем обстоятельно освещался план создания, в первую очередь в Норвегии, германских военных баз в Осло, Арендале, Кристиансанне, Ставангере, Бергене, Тронхейме, Нарвике, Ондалснесе и северных пунктах от Тромсё и Алты до Киркенеса.

Практически речь шла о создании мощного оборонительного вала вдоль норвежского побережья, который в то же время служил бы отправной точкой действий германского военно-морского флота и морской авиации дальнего и ближнего действия на севере Европы. Были разработаны и проекты системы транспортных артерий: строительство автомо-

**История советских военнопленных в Норвегии практически мало изучена, хотя получила освещение благодаря усилиям российских и норвежских ученых, ряду воспоминаний бывших военачальников и самих военнопленных. Крупным шагом вперед стала международная конференция историков в Архангельске в 2000 году. Тогда же выступили со своими трудами норвежские исследователи У.Ларстувольд и М.Солейм, защитившая в 2005 г. докторскую диссертацию по этой теме.*

бильной и железной дорог (прежде всего, на реляциях: Осло - Лиллехаммер - Тронхейм и Нарвик - Риксгрэнзен - Лулео, а затем вплоть до Киркенеса) и, конечно, электросетей между ними. Естественно, встал вопрос о рабочей силе и размещении трудовых ресурсов в специально отведенных пунктах. Речь шла пока о контингенте для принудительных работ из стран Европы, однако уже тогда прицел делался на пленных из Советского Союза.

После огромных потерь германских войск на Восточном фронте, нацистское руководство вынуждено было несколько видоизменить первоначальные планы массового уничтожения узников концлагерей. Главными методами стали не расстрел и ликвидация трудоспособных людей в газовых камерах, а принуждение их к каторжной работе - умерщвление изнурительным непосильным трудом при минимальном расходовании продуктов питания. Соответствующее решение было принято на совещании у Гитлера в марте 1942 года. Уже 30 апреля того же года начальник главного административно-хозяйственного управления СС обергруппенфюрер Поль сообщал в докладе рейхсфюреру СС Гиммлеру, что содержание заключенных в лагерях только из соображений безопасности, в воспитательных или профилактических целях больше не стоит на первом плане. Центр тяжести переместился на экономическую сторону. На первый план все более выдвигается мобилизация всей рабочей силы заключенных в первую очередь на выполнение военных задач (увеличение военного производства). Гиммлер был более откровенен, заявив на одном из совещаний высшего германского руководства, что немедленное и еще более массовое, чем в 1941 году, уничтожение советских людей откладывается только из-за нехватки в рейхе рабочей силы.

Первые партии советских военнопленных были доставлены в Норвегию в августе 1941 года из Германии. По прибытии они распределялись по трем шталагам (лагерям, сборным пунктам): шталаг №303 в Лиллехаммер отправлял пленных в подчиненные ему 84 лагеря, располагавшиеся в южной и центральной частях Норвегии, шталаг №308 в городе Оп-

дал - в 65 базовых лагерей в центральной части страны, и шта-лаг №330 в городе Алта - в самые страшные 122 лагеря на севере. Складывается невообразимая итоговая цифра: в Норвегии было более 270 концлагерей!

Помимо шталагов, в Норвегии использовались "рабочие" и "строительные" батальоны из военнопленных. 11 подразделений общей численностью около 18 500 человек подчинялись непосредственно коменданту по военнопленным в Норвегии генерал-майору Клемму. Надо сказать, что их численность поддерживалась постоянно: человеческие потери регулярно восполнялись новыми смертниками. Кроме того, в подчинении начальника специального штаба "О" в городе Му-и-Рана полковника Бушвайзера находились 12 отдельных строительных и рабочих батальонов (около 28 850 военнопленных), занятых на строительстве железной дороги "Нордландсбанен" и сопутствующих работах в Северной Норвегии. Четыре специальных "авиационно-строительных батальона" (около 6200 военнопленных) находились в распоряжении германских ВВС.

"Сопутствующие работы" означали не что иное, как работу в каменоломнях по добыче важнейшего стратегического сырья для нужд военной промышленности рейха, которым придавалось особое значение.

Труд пленных использовали при строительстве дорог, которые зачастую прокладывали не в обход скал и горных вершин, а насквозь, пробивая многокилометровые туннели как для автотранспорта, так и для железной дороги. Их и сейчас насчитывается несколько десятков, причем некоторые из них настолько длинны, что используется система выведения выхлопных газов, кроме старого способа - пробитых выходных отверстий или разделения особо длинных туннелей на отдельные отрезки с короткими, метров 50, открытыми участками дороги. Если принять во внимание не только низкий уровень дорожной техники тех лет, но и официальную задачу германских лагерных властей минимизировать любые затраты за счет рабского ручного труда, то страшно себе представить ежедневные муки, которым подвергались военнопленные-каторжане на этих дорогах смерти.

Одним из наиболее важных целевых объектов была железная дорога "Нордландсбанен", которая должна была связать Киркенес с Му-и-Рана. Помимо транспортировки стратегических ресурсов и боеприпасов, железная дорога планировалась и для переброски живой силы и техники в северные районы для борьбы с советскими войсками на стыке границ северных стран. Условно она подразделялась на северный и южный участки в провинции Нурланн. На северном участке строительства от города Фауске до города Драг на протяжении 130 км располагались 23 лагеря, где содержались до 10 тыс. советских военнопленных. На южном участке находились 21 или 22 лагеря с более 11 тыс. военных каторжников. К маю 1945 года только на строительстве железной дороги было занято более 20 тыс. человек. Параллельно пробивались автомобильные трассы тоже на костях наших соотечественников.

Колоссальных усилий потребовало строительство военноморской базы в Тронхейме - важнейшего укрепрайона для сдерживания морских сил союзников по антигитлеровской коалиции. Военнопленные строили там судоремонтные заводы, верфи, подземные ангары для подводных лодок германского флота, целые подземные гавани с поселками для обслуживающего персонала, огромные складские помещения, то есть мощные объекты, которые существуют до сих пор и функционируют в тех же военных целях. Корабли НАТО чувствуют себя там вполне комфортно, как и натовская авиация.

Норвегия знаменита еще и тем, что почти в каждом более или менее заметном населенном пункте обязательно есть свой аэродром. Для страны с горным ландшафтом - это палочка-выручалочка, хотя достаточно широкую и длинную площадку для аэродрома найти сложно. Площадки и не искали - их строили военнопленные. Рвали скалы, на себе ворочали огромные камни, расчищая нужной площади территории, и умирали под этими камнями. Многие аэродромы страны, большие и малые, имеют эту мрачную предысторию, особенно крупнейшая авиабаза в городе Будё. Перед началом Второй мировой войны на небольшом аэродроме в Будё

находился малочисленный отряд норвежских и британских истребителей, принимавших участие в попытках отражения нападения на Британию в апреле-мае 1940 года. В отместку немецкая авиация основательно разрушила сам город, но не аэродром. Некоторые норвежские политики попросту лукавят, говоря о том, что только во времена холодной войны местный аэродром превратился в крупную авиабазу НАТО, с которой вылетали самолеты-разведчики U-2 в разведывательные полеты над СССР.

Не норвежцы и не американцы превратили маленький аэродром в крупнейшую авиабазу с огромным подземным ангаром-укрытием на целую эскадрилью. Они его лишь модернизировали, но основное сделали наши советские военнопленные под дулами эсэсовских надсмотрщиков, вырубая в горе огромные пещеры для нужд Люфтваффе во время "горячей войны" 1941-1945 годов.

Сколько их было? Вопрос до сих пор не имеет точного ответа. Наряду с советскими военнопленными в Норвегии были пленные югославы, поляки и представители других государств, однако установлено, что узники нацистских лагерей из Советского Союза составляли более 90%.

Проанализировав зачастую противоречивые данные из материалов "Смешанной советско-норвежской комиссии по исследованию условий жизни и работы бывших советских военнопленных в немецко-фашистском плену в Норвегии в период 1941-1945 гг." (Смешанная комиссия), а также информацию из архивов, получаем до сих пор спорную картину, согласно которой, по самым скромным подсчетам, в период с 1941 по 1945 год через норвежские лагеря прошло более 103 тыс. советских граждан, из которых примерно 9 тысяч не были пленными (гражданские остарбайтеры, насильно угнанные в Германию из СССР). Погибло около 16 тысяч!

Разработанные германским Верховным командованием сухопутных сил в Норвегии инструкции, обеспечивающие военнопленным сносное существование, были рассчитаны только на узников европейских государств. Советских военнопленных они не касались вполне официально.

Предыстория такова. Российская империя ратифицировала конвенции Красного Креста - Женевскую конвенцию 1864 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и принятую в дополнение к ней Женевскую конвенцию 1906 года. Более того, Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов (распространили правовую защиту на все категории военнопленных) были разработаны при активном участии России и выдающегося российского юриста-международника Федора Мартенса. Значение Гаагских конвенций состояло в том, что они устанавливали принцип, согласно которому удержание в плену - не месть или наказание, а предназначено воспрепятствовать военному служащему участвовать в боевых действиях; ответственность за содержание, эвакуацию и трудовое использование военнопленных возлагалась на правительства воюющих стран, что требовало разработки соответствующего внутреннего законодательства.

После заключения Брестского мира в 1918 году Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР принял постановление "О признании Женевской и других международных конвенций, касающихся Общества Красного Креста" и обязался соблюдать соглашения, ратифицированные царской Россией, однако Гаагские конвенции признаны не были.

Женевские конвенции 1929 года СССР также не подписал, особенно потому, что Конвенция об обращении с военнопленными налагала запрет на репрессивные меры в отношении военнопленных и придавала привилегированный статус офицерам, а также проводила разделение военнопленных по расовому и национальному признаку (требование раздельного содержания).

Отметим, что требование гуманного обращения конвенция распространяла на всех пленных - как военных, так и гражданских лиц, следующих за войсками, независимо от гражданства. Более того, требование касалось всех стран, которые подписали документ, причем не только в отношении военнопленных стран - участниц конвенции, но и других стран (ст. 82); содержала запрет на меры принуждения для получения сведений военного характера, указывала на не-

правомерность тюрем и концлагерей, обеспечивала доступ Международного комитета Красного Креста (МККК) в лагерь. 25 августа 1931 года наркоминдел М.М.Литвинов выпустил декларацию о присоединении СССР к Конвенции 1929 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. 19 марта 1931 года в Советском Союзе постановлением ЦИК и СНК СССР было утверждено внутригосударственное "Положение о военнопленных", практически совпадавшее с Женевской конвенцией о содержании военнопленных от 27 июля 1929 года.

Таким образом, внутригосударственные документы были приняты. Тем не менее отказ СССР присоединиться к Женевской конвенции дал Гитлеру основание не применять нормы международного права в отношении советских военнопленных. Кстати, на Нюрнбергском процессе этот довод был отклонен, поскольку всегда и во всех случаях общие принципы международного права должны быть применены к военнопленным, ведь удержание в плену имеет целью воспрепятствовать военнотружущему принимать участие в боевых действиях.

Зверства гитлеровцев на территории СССР в отношении пленных и гражданского населения изменили отношение руководства страны к конвенциям. 27 июня 1941 года нарком иностранных дел В.М.Молотов направил телеграмму председателю МККК о готовности СССР обменяться списками военнопленных и пересмотреть отношение к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Не присоединяясь к Женевской конвенции 1929 года, СНК СССР принял 1 июля 1941 года акт внутреннего законодательства - "Положение о военнопленных" на основе конвенции и заявление о соблюдении международно-правовых норм ведения войны. "Положение" было подкреплено приказами НКВД "О порядке содержания и учета военнопленных в лагерях НКВД" от 7 августа 1941 года и "О состоянии лагерей военнопленных" от 15 августа 1941 года. 17 июля 1941 года В.М.Молотов специальной нотой через посольство и Красный Крест Швеции довел до сведения Германии и ее союзников согласие СССР выполнять требования Гаагской конвенции 1907 года о зако-

нах и обычаях сухопутной войны в отношении Германии на основе взаимности, но от Германии ответа не только не последовало, а были введены новые, более жесткие инструкции по обращению с советскими военнопленными.

Позднее Советский Союз дважды (в ноте НКВД СССР от 25 ноября 1941 г. "О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных" и в ноте НКВД от 27 апреля 1942 г. "О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков...") заявлял о выполнении принципов Гаагской конвенции по отношению к германским военнопленным, в то же время обвиняя германскую сторону в ее несоблюдении; причем, в ноте от 27 апреля 1942 года говорилось, что СССР присоединился к Гаагской конвенции де-факто.

Видимо, надо напомнить о содержании и значимости подписания Женевской конвенции 1929 года. Конвенция обязывала власти всех воюющих государств гуманно обращаться с военнопленными, ограждать их от насилия и оскорблений. Воюющие страны через нейтральные страны были обязаны извещать друг друга о численности и состоянии военнопленных, а также сообщать их официальные адреса, на которые родственники военнопленных могут отправлять письма. В каждой стране создавалось Центральное справочное бюро, которое собирало сведения о военнопленных для сообщения их родным. Норма питания военнопленных должна была быть такой же, какая устанавливалась для войск в тылу.

Германия не признавала норм международного права в отношении советских военнопленных. С этих позиций и создавались лагеря для советских военнопленных в Норвегии, причем некоторые просто обносили несколькими рядами колючей проволоки. Строились только жилища для охраны и помещения для собак, для военнопленных крышей было небо.

Первая информация по данным авиаразведки о том, что немцы оборудовали большой лагерь для советских военнопленных под городом Тромсё, появилась в штабе Северного флота еще в самом начале войны. Подтвердились данные неожиданным образом.

Историю о мужестве и стойкости в условиях вражеского плена командира торпедного катера ТКА-239 В.Д.Юрченко, получившую широкую известность и описанную в мемуаристике, стоит напомнить и сейчас. В середине 1943 года он, которого уже давно считали погибшим, вернулся на Северный флот. Его катер был потоплен в бою с немецким конвоем. Контуженного, его подобрала немцы в воде и отправили в лагерь. Он совершил почти сказочный побег с помощью норвежских участников Сопротивления и рассказал о лагере. Сохранилась фотография лагеря, снятая членом впоследствии созданной Смешанной советско-норвежской комиссии флагманским фотографом Северного флота Робертом Львовичем Диамантом. Его сын, Л.Р.Диамент, описал бесчеловечные условия жизни в лагере: собственно построек под жильем не было, и под арктическими ветрами узники рыли норы в каменистой почве или сооружали шалашики из карликовых берез. Обогрева не было, а место умерших от мороза занимали новые пленные. У провинившихся отбирали лохмотья, служившие верхней одеждой и обувью, что означало верную гибель. Пленных кормили фактически отбросами и не каждый день.

Возле лагеря установлен памятный указатель с надписью: "200 метров до русского лагеря. Ты увидишь там вещи, которые не забудешь никогда - как тяжело пришлось Норвегии в 1940-1945 годах, когда господствовала немецкая варварская система". Печальная, но довольно двусмысленная эпитафия. В лагере от нечеловеческих мук погибли наши солдаты, а тяжело пришлось Норвегии! Двойственность характерна и для экспонатов краеведческих музеев, где под фотографиями норвежских городов военных лет стоят надписи о том, что город разрушен в результате налетов советской авиации или артолетов советской артиллерии. О том, что советские войска вели бои с оккупантами Норвегии, "деликатно" умалчивают. В Киркенесе на прекрасно выбранном месте стоит памятник нашему солдату-освободителю, которого мы называли Алешей, воздвигнутый по проекту норвежского скульптора на местные

средства. Он стоит с автоматом чуть вполоборота, наступив ногой на большой булыжник. Служительница местного краеведческого музея показала мне небольшую копию с оригинала памятника. Оказалось, солдат попирает ногой не булыжник, а изображение фашистского орла со свастикой, впоследствии явно по политическим мотивам замененное булыжником.

Были лагеря со сносными условиями, где военнопленные, хотя и задавленные непосильным трудом, выживали и даже участвовали в движении Сопротивления после побегов, которые им устраивали норвежцы.

Местные жители как могли, с немалым риском для себя помогали военнопленным, переправляя им разными способами пакеты с едой, вплоть до того, что оставляли пакеты вдоль дороги, по которой пленных гнали на работу; ухищрялись отправлять им посылки через Красный Крест, зная, что гитлеровцы запрещают передавать посылки советским военнопленным, а также помогали беглецам.

Когда удавались побеги, наши военнопленные включались в подпольные группы, целью которых была и военная разведка в интересах союзников. Группы занимались разведкой в море с целью сбора разведанных о транспортировке и перемещениях военных сил, особенно в связи с боями на Кольском полуострове. Норвежская разведка сыграла видную роль в потоплении огромного боевого корабля-крепости "Тирпиц" в фьорде недалеко от Тромсё в ноябре 1944 года. Смешанные группы Сопротивления при участии советских пленных, под эгидой организации "Милорг", совершали налеты на гарнизоны, диверсии на железнодорожных путях, которые сами же до этого и строили.

Нельзя не сказать о трех группах, действовавших против немцев в Норвегии, к которым активно примыкали наши военнопленные. Речь идет о "Роте Линге", группе "Шетланд" (Shetland) и партизанах северного норвежского региона Финнмарк. "Рота Линге" и группа "Шетланд" были сформированы на начальном этапе войны британскими властями в рамках Управления специальных опера-

ций (Special Operations Executive - SOE) - британской разведывательно-диверсионной службы, созданной в 1940 году по личному указанию Черчилля "для саботажа и подрывной деятельности на оккупированной врагом территории и создания ячеек обученных людей для оказания помощи группам Сопротивления". Позднее командование обеими группами было передано норвежскому правительству в изгнании в Лондоне, однако их роль и задачи не менялись на протяжении всей войны. Первоначально "Рота Линге" была обучена по образцу британских командос - для рейдовых операций. Потом она была перенацелена на ведение военных действий иррегулярными методами с упором на взаимодействие с местными группами Сопротивления, чтобы объединить движение Сопротивления. Оно должно было оказать поддержку во время вторжения союзников в Норвегию, атаковать коммуникации врага, защитить важнейшие объекты в случае ухода немцев и обеспечить стабильность в стране после немецкой капитуляции. Наибольшим успехом "Роты Линге" считается диверсия по уничтожению завода тяжелой воды в Рюкане. Полагают, что уничтожение завода стало одной из причин, помешавших гитлеровским ученым создать атомную бомбу.

Группа "Шетланд" имела задачей собирать и организовывать в группы беженцев и беглых пленных со всего Северного моря. Местные рыбаки эвакуировали беглых и переправляли агентов и из местных жителей также организовывали различные диверсионные группы.

Третью группу, самую боевую и результативную, куда входили партизаны и подпольщики Финнмарка, организовали и обучили советские специалисты НКВД. В нее входили норвежцы из местных рыбаков и промысловиков, бывшие советские военнопленные и заброшенные из СССР военные специалисты. Они оперировали не только в провинции Финнмарк, но и в районе Тромсё, а также в других северных районах страны. Обнаружив у себя в тылу немалую угрозу, немцы не раз предпринимали широкие карательные операции по уничтожению партизанских групп.

Однако до самого конца войны, вплоть до проведения Петсамской операции по освобождению Северной Норвегии, партизанские группы, в составе которых бились и советские военнопленные, вели активные разведывательно-оперативные действия.

Советские войска освободили часть Северной Норвегии, провинцию Финнмарк, к 24 октября 1944 года, потеряв в боях 20 тыс. воинов. Войска союзников не торопились высаживаться в Норвегии. Лишь после капитуляции Германии 11 мая 1945 года на юге страны высадилась английская парашютная дивизия "Красные дьяволы", весьма незначительная по составу. Только 26 мая в Тромсё стала высаживаться немногочисленная норвежская бригада.

Однако до их высадки в лагерях оставались вооруженные гитлеровцы, которым союзники предложили... разоружить самих себя и самим арестовать сотрудников гестапо и передать их в руки союзников! Кстати, именно в это время из фьордов Норвегии, контролируемых немецкими войсками даже после капитуляции Германии (по халатности или с ведома союзников), одна за другой уходили в океан подводные лодки германского флота.

Именно в это время вооруженные гитлеровцы не преминули воспользоваться попустительством англичан. И в самом городе Тромсё, и в его окрестностях они вылавливали своих бывших пленников и расстреливали на месте. Именно такая позиция англичан сделала возможным массовый расстрел советских военнопленных на одном из островов под Тромсё, где гитлеровцы расстреляли до 2 тыс. уже свободных советских военнопленных.

За некоторое время до этих трагических событий Народный комиссариат иностранных дел СССР пытался внести необходимые коррективы в создавшуюся ситуацию, и прежде всего в вопрос о дальнейшем продвижении наших войск из Финнмарка и положении наших пленных. Об этом свидетельствует записка заместителя наркома иностранных дел СССР С.А.Лозовского наркому иностранных дел В.М.Молотову от 11 июня 1945 года, в которой он информировал,

что англичане попустительствуют тому, что в районе Тромсё значительная часть немцев сохраняет оружие и свободу действий. Немецкие корабли, продолжая базироваться в Тромсё, бесконтрольно плавают с немецкими командами и офицерами без союзных представителей на борту. Указав, что именно в Тромсё находится около 45 тыс. советских военнопленных, Лозовский предложил предпринять следующие радикальные меры:

1. Принять предложение т.Кучерова С.Г. об отправке в Норвегию для разрешения назревших там вопросов специальную комиссию в составе НКВД, НКО и НК ВМФ. Комиссия т.Голикова в г.Осло уже приступила к работе.

2. Дать указание генштабу о немедленном продвижении частей стоящей на севере Норвегии 14-ой Отдельной Армии в северо-западную часть Норвегии по Нарвик включительно.

3. Осуществлению продвижения в северо-западную Норвегию одновременно должно сопутствовать уведомление об этом Норвежского Правительства и Союзного Командования в Норвегии.

Прошу Вашего согласия.

С.Лозовский".

Но... согласия не последовало, и немцам удалось совершить ужасное злодеяние над нашими пленными, не говоря уже о том, что и кого они успели вывезти на своих кораблях.

Воздавая должное памяти о С.Лозовском за гражданское мужество, хочется добавить, что он не мог не знать о том, что Норвегия относится к британской сфере послевоенных интересов. Знал, и все же решился!

11 мая 1945 года вышла Директива Ставки Верховного Главнокомандующего о порядке приема и содержания советских военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной армией, за № 11086, где в пункте 6 указывалось: "Проверку в формируемых лагерях бывших советских военнопленных и освобожденных граждан возложить:

1) бывших военнослужащих Красной Армии - на органы контрразведки СМЕРШ;

2) гражданских лиц - на проверочные комиссии предста-

вителей НКВД, НКГБ и СМЕРШ под председательством представителя НКВД.

Срок проверки установить не более 1-2 месяцев...

И.Сталин
Антонов"

Через 10 дней, 22 мая 1945 года, был издан совершенно секретный приказ №00549 народного комиссара внутренних дел СССР Лаврентия Берия "Об организации отдела "Ф" НКВД СССР":

"Для повседневного наблюдения за выполнением директив и указаний НКВД СССР аппаратами Уполномоченных НКВД по фронтам, а также обеспечения оперативной реализации материалов агентурно-оперативной работы органов НКВД-НКГБ контрразведки СМЕРШ на территории других стран, освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Организовать в НКВД СССР Отдел "Ф".
2. Начальником Отдела "Ф" назначить комиссара государственной безопасности 3 ранга Судоплатова П.А. Заместителем... назначить комиссара государственной безопасности Запевалина М.А.
3. Возложить на Отдел "Ф" следующие задачи:
 - д) контроль и наблюдение за работой по проверке и фильтрации освобожденных нашими и союзными войсками советских граждан;
 - е) контроль и наблюдение за тюрьмами и лагерями, организованными при Уполномоченных НКВД СССР по фронтам, учет содержащихся в этих тюрьмах и лагерях;
4. тов. Судоплатову немедленно приступить к исполнению своих обязанностей и организации работы отдела в соответствии с данными ему указаниями.

Лаврентий Берия".

В Англию незамедлительно выехала специальная комиссия по репатриации во главе с генералами Голиковым и Ратовым с полномочиями, распространявшимися на все страны Европы, в том числе и Норвегию.

Это были секретные документы, сейчас уже рассекреченные. До этого, 6 октября 1944 года, было издано служебное постановление СНК СССР №1344.402 "О деятельности Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР":

"СНК СССР постановляет:

Поручить Уполномоченному СНК СССР по делам репатриации граждан СССР тов. Голикову провести следующие мероприятия:

1. Опубликовать обращение Советского Правительства к советским гражданам и военнопленным, уведенным насильственно немцами в Германию и другие страны, с предложением им немедленно после освобождения вернуться в СССР, где им будет предоставлена полная возможность вместе со всеми гражданами СССР защищать свою страну и восстанавливать промышленность, сельское хозяйство, транспорт и т.д., разрушенные немцами и их союзниками во время войны.

2. Опубликовать и издать отдельной брошюрой, для распространения среди уведенных советских граждан, ряд агитационных статей, рисующих зверское обращение немцев с советскими военнопленными и гражданами. В статьях подчеркнуть, что не презрение и недоверие, а внимание и забота встретят их на родине, когда они вернутся домой после освобождения.

3. Подобрать небольшие библиотечки советской литературы и срочно выслать их в Лондон, Париж, Рим и Каир для распространения среди советских граждан.

4. Изготовить тематические плакаты и выставки, посвященные теме возвращения на родину.

Председатель СНК СССР И.Сталин
Управляющий делами СНК СССР Я.Чадаев".

По сообщению Объединенного комитета начальников штабов союзников, репатриация примерно 81 тыс. советских военнопленных была завершена к 22 июля 1945 года. 65 тысяч из них были вывезены из Норвегии в Швецию по желез-

ной дороге, которую они и строили, а затем морем из Швеции на советских и финских судах. Остальные 16 тысяч были вывезены из Норвегии по морю. Последние 3 тыс. военнопленных, сплошь больные, были высажены в Мурманске 29 июля. Так закончилась эта глава собственно репатриационных операций, сопровождавшихся ожесточенной переговорной борьбой между союзниками и советскими представителями. Судьбы советских военнопленных, вернувшихся из Норвегии, складывались по-разному, но это тема отдельного исследования. Тот же В.Д.Юрченко, пройдя через контрольно-проверочный лагерь, вернулся на Северный флот. Российские исследователи еще не пришли к сколь-нибудь единому мнению относительно численности или доли репрессированных репатриантов (см. работы В.Н.Земскова).

Проблема военнопленных сразу после окончания войны и до 1990-х годов оставалась очень болезненной и для норвежской, и для советской сторон. Примечательна тревога, выраженная в донесении советника МИД Норвегии П.П.Пребенсена о беседе с послом СССР в Норвегии Н.Д.Кузнецовым от 4 декабря 1945 года. Он докладывал, что "посол Кузнецов вернулся к вопросу о получении более детальных сведений о советских гражданах, убитых немцами во время оккупации. Он упомянул также вопрос, который он поднимал в свое время, о том, на каких работах русские военнопленные были в первую очередь заняты. Он получил мое письмо по этим вопросам, из которого явствует, что получить достойных упоминания сведений не удалось. Сейчас Кузнецов поднял вопрос о том, как отнесется норвежская сторона к созданию смешанной норвежско-русской комиссии, которой было бы поручено посетить важнейшие лагеря русских военнопленных в Норвегии, побывать на местах, где они работали, с тем чтобы по возможности собрать более подробные данные как о погибших, так и о том, какие работы выполняли пленные..."

Норвежская часть комиссии была назначена королевской резолюцией от 15 февраля 1946 года. Смешанная комиссия провела работу и выполнила поставленные задачи и, кстати,

обнаружила "достойные упоминания сведения" о том, какие работы выполняли советские пленные. Эти сведения вызвали у членов комиссии шок. Вместе с тем у советской части комиссии сложилось четкое убеждение в том, что норвежская сторона опасалась того, что эти сведения нужны советской стороне, "чтобы потребовать компенсацию за ту работу, которую советские военнопленные выполняли в Норвегии во время войны". Совместное коммюнике было опубликовано в апреле 1948 года.

Холодная война стала причиной печальной памяти операции "Асфальт", когда в конце 1940-х - начале 1950-х годов, принижая роль Советского Союза в победе над фашизмом, норвежские власти решили создать общие захоронения советских граждан в двух-трех отдаленных местах и свозили останки погибших советских пленных и солдат к местам захоронений в мешках из-под асфальта.

Трудным вопрос был и для советской стороны: в небольшой стране большое количество пленных рабским подневольным трудом создали плацдарм для противника.

В материалах Центрального архива Министерства обороны сохранилась любопытная справка о злополучной истории с награждением норвежских граждан Арне Хельме и Маргариты Бергессен за помощь русским военнопленным на территории Норвегии орденами Красной Звезды. Представление на награждение написал маршал Ф.Я.Фалалеев на имя начальника Главного управления кадров НКО СССР Ф.И.Голикова. Из немалой переписки следует, что Ф.И.Голиков и заместитель наркома иностранных дел С.А.Лозовский поддержали ходатайство маршала. Был составлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении норвежских граждан.

В июле 1945 года Ф.И.Голиков обратился к заместителю наркома обороны СССР генералу армии Н.А.Булганину с поддержкой ходатайства маршала и просьбой доложить этот вопрос И.В.Сталину на утверждение. К декабрю 1945 года вопрос не был решен, и Ф.И.Голиков попросил доложить о нем В.М.Молотову для принятия положительного решения. Заместитель наркома иностранных дел В.Г.Деканозов указал

на необходимость ходатайства перед "инстанцией", то есть ЦК ВКП(б). В переписке нет сведений, докладывали ли вопрос И.В.Сталину. Наконец Н.А.Булганин принял решение: к награждению норвежских граждан не представлять. Ясно, что наградить их - значило напомнить о советских военнопленных. Трагедия советских военнопленных в Норвегии сама стала военнопленной вплоть до 1990-х годов.

Норвегия в настоящее время не уходит от темы советских военнопленных. Норвежцам надо отдать должное: они ухаживают за памятниками нашим солдатам, за памятниками нашим павшим воинам. До сих пор нет в Норвегии ни одной придорожной, хотя бы небольшой стелы, установленной нами в память об этих лагерях и мучениках, по костям которых проходят современные норвежские пути-дороги.

На норвежском острове Магерё, на скалистом мысу Нордкап я обнаружил прекрасную стелу с надписью:

"Жертвам фашистского террора, бойцам партизанских отрядов и политическим военнопленным Югославии в Норвегии.

Ваши друзья".

Дороги в этом районе советские и югославские пленные строили вместе.

"НЕИЗВЕСТНЫЙ" СОЛДАТ ВЕРМАХТА (Документальные черты к портрету)

Сергей Дрожжин

В 2006 ГОДУ известный немецкий кинорежиссер Микаэль Верхевен вновь напомнил своим соотечественникам об их тяжелом историческом наследии, сняв документальный фильм о преступлениях солдат вермахта на оккупированной территории Советского Союза во время Второй мировой войны. В своем фильме под названием "Неизвестный солдат" продолжительностью в 100 минут, который был недавно показан по нескольким немецким телеканалам, Верхевен органично совместил иллюстративный материал получившей широкую известность выставки о преступлениях вермахта с современными маршами в Нюрнберге неонацистской Национал-демократической партии Германии (НДПГ).

Первая выставка, подготовленная Гамбургским институтом социальных исследований, называлась "Война на уничтожение. Преступления вермахта 1941-1944 гг.". Она была показана в 33 городах Германии, и ее посетили около миллиона человек. В ноябре 1999 года эту выставку закрыли, так как были обнаружены некоторые незначительные неточности в описании представленных на ней фотографий, чем, конечно же, не преминули воспользоваться ее критики. Новый вариант выставки, получившей название "Преступления вермахта. Измерения войны на уничтожение 1941-1944 гг.", экспонировался с ноября 2001-го

по март 2004 года. Впрочем, кураторы выставки настаивают на том, что это было не повторение старого варианта, а заново концепированная выставка. Тем не менее главная тема осталась прежней - преступления вермахта на оккупированной территории Советского Союза.

Главный вывод, к которому пришли многие в Германии после просмотра выставки, можно сформулировать так: "Вермахт на оккупированной территории Восточной Европы, в первую очередь на территории Советского Союза, принимал самое активное участие в военных преступлениях, то есть в физическом уничтожении гражданского населения этих стран".

Можно сказать, что в этом выводе нет ничего особенно нового. Однако это не так. В Германии до сих пор значительная часть граждан считает, что война против Советского Союза была "справедливой", а солдаты вермахта вели себя на оккупированных территориях "достойно", они "честно" выполняли свой долг и ими можно только "гордиться".

Выставка вызвала бурные дебаты в Германии, и причины такой реакции, а также развернувшейся вокруг этой темы полемики были не совсем понятны. И действительно, никаких новых данных, никаких "открытий" на этой выставке не было. Главная ее часть - это фотографии, которые были сделаны простыми солдатами вермахта на восточном фронте и на оккупированных нацистами территориях. Документов такого рода очень много - немцы, опьяненные относительно легкими победами в Западной Европе и Польше, направлялись на завоевание Советского Союза как на пикник - почти у каждого солдата был фотоаппарат, у многих офицеров были с собой даже кинокамеры.

Следует напомнить, что в современной Германии легально существует неонацистская партия - НДПГ, представители которой получили места в нескольких земельных парламентах. Партия имеет широкую поддержку в массах, и не только - как любят утверждать некоторые западные аналитики - в так называемых восточных землях, то есть на территории бывшей ГДР. Многих сторонников НДПГ объединяет одно - они хотят защитить "поруганное и оклеветанное" наследие своих отцов и дедов, которые, даже убивая невинных людей,

продолжали, по их мнению, "честно выполнять свой долг".

Кстати, очень тонкое замечание в ходе всей этой полемики сделал бывший президент Центрального совета евреев в Германии Игнац Бубис. В 1997 году он сказал, что жертвам нацистской агрессии было в общем-то все равно, какую форму носили их угнетатели и убийцы. Это означает, что даже сторонники НДПГ вряд ли смогут отрицать факт совершения массовых преступлений против человечности, в первую очередь на территории бывшего Советского Союза. Но, как считают многие в Германии, это сотрудники СС и службы безопасности СД убивали и бесчинствовали. Даже если власти в Германии и пытаются что-то делать, изменить они ничего не могут. Получается так, что есть официальная точка зрения на исторические события, есть даже мрачноватый и достаточно спорный в эстетическом отношении монумент в центре Берлина в память о жертвах холокоста, а есть, так сказать, "домашняя история", в которой и взрослые, и дети готовы до последнего защищать "честь" солдат вермахта. Именно об этом говорил в интервью один из организаторов первой выставки Ханнес Хеер: "У нас существуют две параллельно развивающиеся историографии - устная в рамках семьи, которая представляет собой героизацию или перевод в форму устного предания прошедшего (...), и, с другой стороны, официальная историография, которая пытается добраться до фактов, признавая вину и ответственность".

Для "домашней" и "героической" истории прошлого немало сделал Нюрнбергский военный трибунал, признавший преступными организациями только СС и руководство вермахта. Это означает, что офицеры и солдаты вермахта, участвовавшие в массовых расстрелах, не были признаны в Нюрнберге преступниками. Не были объявлены преступниками и члены нацистской партии НСДАП, численность которой к моменту начала войны против Советского Союза составляла около 7 млн. человек. А что касается "денацификации", которую проводили американцы, то серьезно говорить об этом просто нельзя. Были наказаны только руководители Третьего рейха. Другие военные преступники, если они вообще были наказаны, быстро получили амнистию.

Моральный апостол с провалами в памяти

МНОГИЕ В ГЕРМАНИИ утверждают, что даже среди эсэсовцев могли быть достойные и честные люди. Может быть. Может быть, известный немецкий писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе Гюнтер Грасс - вполне достойный и честный человек, но почему же он так долго (на протяжении 60 лет!) скрывал свое нацистское прошлое? Впрочем, в России каждый легко может составить собственное представление относительно того, насколько порядочным в его отношении к преступному прошлому своей страны является этот осененный лавровым венцом писатель. Для этого достаточно прочитать книгу, переведенную на русский язык и изданную на деньги Министерства иностранных дел Германии, (sic!) - если быть точным, то на деньги Института имени Гёте, - в которой автор представляет свой взгляд на события, связанные с потоплением советской подводной лодкой под командованием капитана Маринеску германского суперлайнера "Вильгельм Густлофф".

Грасс признался в том, что он был солдатом в Ваффен-СС, только в 2006 году, перед выходом в свет своей новой книги "Луковица памяти", что многие расценили не как покаянное признание, а скорее как циничную рекламу своего нового произведения. Лауреат Нобелевской премии постоянно подчеркивает, что у него нет никакого чувства вины и он не участвовал ни в каких преступлениях. Хочется в это верить, однако войска СС - это не филантропическая организация, и тем более она была признана преступной Нюрнбергским трибуналом. Кроме того, сам писатель недвусмысленно говорит о том, что о всех "причинах", по которым он так долго скрывал свое нацистское прошлое, он сказать еще не может. Но это значит, что есть еще какие-то причины, о которых он предпочитает умалчивать.

В 1967 году во время своего публичного выступления, когда Грасс читал главы из своей книги "Частичный наркоз", на сцену неожиданно выбежал человек средних лет. Он восклик-

нул: "Я хочу провоцировать. Я приветствую всех товарищей по СС". После этого он прямо на сцене раскусил ампулу с ядом и вследствие этого погиб на месте. Конечно, это - трагическое событие, которое лишней раз свидетельствует о том, сколько драматизма скрыто в упоминавшейся уже немецкой "семейной историографии". Непонятно, однако, почему этот человек выбрал публичные чтения Грасса и считал ли он немецкого писателя также своим "товарищем" по СС? Грасс на следующий день посетил дом этого человека, принес свои соболезнования его вдове. Однако немецкий писатель и тогда промолчал о своем нацистском прошлом, хотя это странное "приветствие", скорее всего, относилось к нему непосредственно.

Стоит напомнить о том, что Грасс резко критиковал бывшего Президента США Рональда Рейгана за то, что тот в 1985 году посетил вместе с тогдашним канцлером ФРГ Гельмутом Коелем военное кладбище в Битбурге, где также были похоронены солдаты Ваффен-СС. Что бы ни говорил в свою защиту сам Грасс, после своего запоздалого признания он перестал быть для многих своих соотечественников определенной "моральной инстанцией". В августе 2006 года представители нескольких польских политических партий обратились к Грассу с требованием отказаться от титула почетного гражданина города Гданьска.

Члены партии ХДС Вольфганг Бернсен и Филипп Мисфельдер потребовали, чтобы Грасс отказался от Нобелевской премии по литературе, которая была присуждена ему в 1999 году. Сам Нобелевский комитет, кстати, рассматривал этот вопрос и никаких действий в этом направлении не предпринял. Конечно, это нельзя рассматривать как одобрение действий Грасса. Скорее всего, члены комитета просто не захотели создавать прецедент.

Кроме того, Грасс даже пригрозил судебным иском американскому издательству "Random House", в котором была издана биография немецкого писателя, в которой утверждалось, что он добровольно вступил в дивизию Ваффен-СС "Фрундсберг".

В любом случае Грасс после всего этого потерял статус "мо-

ральной инстанции", хотя это, конечно же, не умаляет достоинств его произведений. Однако их политическая тенденциозность все же вызывает большие вопросы.

Неслучайно российская переводчица Евгения Александровна Кацева, служившая в годы Второй мировой войны на флоте, разорвала с Грассом дружеские отношения после прочтения его книги "Траектория краба".

"Грасс себя морально дискредитировал", - заявил немецкий драматург Рольф Хоххут. Замечательно отреагировал на запоздалое признание автора "Жестяного барабана" известный историк и бывший издатель влиятельной газеты "Frankfurter Allgemeine" Иоахим Фест. Он не поверил рассказам Грасса о том, что тот якобы хотел попасть добровольцем на флот, а в итоге получил повестку в Ваффен СС. "У этого человека я даже подержанный автомобиль не куплю", - пренебрежительно заметил историк. А литературный критик Хельмут Карасек назвал Грасса "моральным апостолом с провалами в памяти".

В определенной мере Грасс действовал в русле политики, провозглашенной еще канцлером Аденауэром. Примерный смысл его слов, обращенных к гражданам ФРГ в послевоенные годы, таков: "подавить и восстанавливать", то есть подавить в себе воспоминания о недавнем прошлом Германии и заниматься восстановлением экономики.

Война на истребление против Советского Союза

МНОГИЕ НЕМЦЫ успешно справились с "подавлением" внутри себя своей собственной истории, связанной с тяжелыми преступлениями во время Второй мировой войны. Но даже если и согласиться с теми немцами, кто утверждает, что не существует коллективной ответственности, то все равно - груз национальной вины огромен, и с ним так просто не разделаешься. "Семейный" вариант германской историографии связан с большим количеством конфликтов внутри семьи, когда родители не хотели делиться со своими детьми воспоминаниями об их участии в войне против Советского Союза.

Дело в том, что война на востоке против Советского Союза коренным образом отличалась от той войны, которую нацистская Германия вела на западе. Эта война изначально планировалась как "Vernichtungskrieg" - война на уничтожение, война на истребление. Истреблению подлежало почти все население нашей страны - по крайней мере ее европейской части.

Как справедливо заметила философ Ханна Аренд, немцы превратили во время Второй мировой войны физическое уничтожение людей в элемент своей извращенной "демографической политики".

Германским руководством война против Советского Союза планировалась как война идеологическая, как война против "иудейского большевизма". Предполагалось, что, победив этот "иудейский большевизм" и физически уничтожив все население СССР, немцы как представители "господствующей расы" и "правящего народа" заселят бескрайние пространства нашей страны и восстановят тем самым "историческую справедливость". "Моя Индия", - так с упоением говорил о завоевании Советской России Гитлер, для которого захватническая политика Великобритании всегда была своего рода путеводной звездой.

Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдер пишет в своем дневнике 30 марта 1941 года, занося впечатления от только что прослушанной установочной речи Гитлера: "Борьба между собой двух мировоззрений. Мы должны отказаться от солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и не будет нашим товарищем. Речь идет о войне на истребление... Борьба против России: физическое уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции".

Пресловутый "Приказ о комиссарах", освобождавший солдат и офицеров вермахта от ответственности за совершаемые на оккупированной территории Советского Союза преступления и позволивший "разбираться" с советскими работниками, а также вообще со всеми членами партии на месте "при помощи оружия", а также другие подобного рода распоряжения самого Гитлера как верховного главно-

командующего выводили войну против СССР из сферы закона и международного права. Это означает, что изначально эта война планировалась, а затем и осуществлялась как преступная. Немецкая военная машина вела преступную войну против гражданского населения нашей страны. Именно в этом причина огромных потерь среди гражданского населения Советского Союза.

Ответственность за совершенные преступления должна быть возложена не только на зондеркоманды и войска СС, но и на все вооруженные силы, а также на значительную часть гражданского населения Германии. Это трудно отрицать, если принимать во внимание масштабы совершенных преступлений.

В планы немецкого командования с самого начала военных действий входило переведение продовольственного содержания вермахта на территории СССР полностью на местные ресурсы и в кратчайшие сроки. Это обрекало на голодную смерть в плановом порядке десятки миллионов советских людей.

Уже к началу 1942 года в немецких концентрационных лагерях были умерщвлены 2 млн. советских военнопленных. Причем часто делалось это самым изощренным образом. Советских военнопленных размещали в чистом поле, почти не кормили, а местное население водили смотреть, как от голода погибают "недочеловеки". Общее количество уничтоженных немцами советских военнопленных составляет, по самым скромным подсчетам, 3,3 миллиона. Потери среди гражданского населения СССР превышают 7 миллионов. Только эти цифры уже намного превосходят масштабы еврейского холокоста. Однако "русский холокост" ни в современной политической системе Германии, ни в сознании граждан этой страны не занимает никакого места.

Когда скрыть масштабы преступлений вермахта стало уже невозможно, в стране "поэтов и философов" заговорили о том, что такого рода жертв было якобы немного, "всего только" (!) несколько сотен человек. Нашлись даже ученые мужи, которые, ничтоже сумняшеся, утверждали, что многие офицеры вермахта якобы замалчивали существование этого приказа и

саботировали его исполнение. Таковой была и точка зрения, утвердившаяся в официальной историографии.

Остались многочисленные свидетельства того, как выполнялся "Приказ о комиссарах". Так, например, Йозеф Шлеманн, один из сотрудников Министерства иностранных дел Германии, прикомандированный в первые дни войны к штабу 9-й армии, сообщает: "Вопрос о политических комиссарах выполняется основательно. Все взятые в плен пол. комиссары сразу расстреливаются". Расстреливали вообще всех без разбора при появлении малейшего подозрения.

Офицер разведки 3-й танковой группы майор Линдер записывает в свой дневник впечатления об исполнении закона о комиссарах в августе 1941 года: "С реализацией закона о комиссарах нет никаких проблем".

Такого рода подтверждения масштабной реализации "Приказа о комиссарах" можно найти в архивах почти всех частей вермахта, которые принимали участие в нападении на Советский Союз. То есть доказательства этих преступлений содержатся в действиях всех 13 армий, 44 армейских корпусов и 80% из почти 150 дивизий, участвовавших в боевых действиях на Восточном фронте.

В общей сложности документально подтверждено 4 тыс. расстрелов по "Приказу о комиссарах". Но это абсолютно минимальная цифра, и это признают даже сами немецкие историки. Она лишь говорит о количественном порядке расстрелов, проведенных "простыми" солдатами вермахта. Конечно, немцы являются в данном деле заинтересованной стороной, но даже они вынуждены признать, что на самом деле число жертв "Приказа о комиссарах" составляет "десятки тысяч человек". Напомним, что в Катыне были найдены останки 4,5 тыс. польских офицеров. Причем доказательная база там далеко не такая убедительная. Возникает вопрос, а почему жертвы этого преступного приказа не занесены отдельной строкой в списки военных преступлений Германии, совершенных этой страной во время Второй мировой войны? Еще раз хотелось бы подчеркнуть - выполняли эти приказы и расстреливали советских людей "простые" солдаты вермахта.

Ни о каком выполнении положений Женевской конвенции по обращению с военнопленными не могло быть и речи. "Любой немецкий солдат, нарушивший международное право, будет прощен", - настоятельно подчеркивал сам Гитлер, разъясняя смысл своего "Приказа о комиссарах". Офицеры вели среди солдат разъяснительную работу. В качестве причины массовых убийств на месте без суда и следствия приводились, как правило, следующего рода аргументы: комиссары - это "палачи", "преступники", а русские вообще применяют "коварные" формы и методы ведения военных действий, от чего немецкие войска несут неслыханные потери.

"Приказ о комиссарах" был отменен в июне 1942 года. Это было сделано не потому, что немцы вдруг вспомнили о том, что Германия - это "страна поэтов и философов" с высоким правовым сознанием населения. Нет, основания были достаточно прозаичными. Просто командование рейха и вермахта пришли к выводу о том, что этот приказ в конечном счете наносит больше вреда самим немцам. Однако это вовсе не означает, что преступления вермахта на оккупированных территориях на этом прекратились.

Нужно обратить внимание и еще на один вывод, к которому пришли организаторы выставки "Война на уничтожение". Отношение солдат вермахта к совершаемым на Восточном фронте преступлениям в 1942 году уже ничем не отличалось от отношения и поведения подразделений СС. Произошло не только "привыкание" к преступлениям, но была также попытка найти виновников провала планов молниеносной войны.

Хотелось бы еще раз отметить, что большинство данных об исполнении "Приказа о комиссарах" стали достоянием общественности только после публикации в 2008 году книги "Приказ о комиссарах» - вермахт и нацистские преступления на восточном фронте 1941/1942" историка из Майнца Феликса Ремера, хотя большая часть военных архивов была открыта уже в конце 1970-х годов.

Легко себе представить, что было бы с Германией, если бы Советский Союз руководствовался на оккупированной тер-

ритории этой страны принципом "око за око, зуб за зуб", и это было бы в исторической перспективе справедливым возмездием. Но этого не произошло. Можно сказать, что немцы избежали ответственности за свои чудовищные злодеяния.

Американские юристы, занимавшиеся в апреле 1948 года в Нюрнберге разбирательством преступлений, совершенных войсками СС, пришли к выводу, что зверства эсэсовцев, дикость и жестокость этих "лучших из немцев" превосходят все мыслимые границы и находятся "за пределами опыта нормального человека". Не на много отличались в этом отношении и простые солдаты вермахта.

В августе 1941 года генерал-фельдмаршал Вальтер фон Райхенау был вынужден издать свой собственный приказ, в котором он запрещал солдатам вермахта принимать участие в непосредственном проведении массовых расстрелов, если об этом не было специальной просьбы со стороны руководства СС. Этим приказом было также запрещено простым солдатам присутствовать при проведении массовых казней и делать фотографии. Многие солдаты, даже если они стояли в оцеплении, просто не выдерживали в психологическом плане всего того, что происходило при массовых расстрелах, которые иногда продолжались несколько дней подряд.

Однако уже 10 октября 1941 года генерал-фельдмаршал фон Райхенау, командовавший в то время 6-й армией, издал еще один приказ, в котором он потребовал искоренить евреев и русских как "недочеловеков". Фон Райхенау жаловался на то, что простые солдаты вермахта настроены не так "кровавадно", как ему бы того хотелось. А 11 ноября 1941 года он потребовал применять более жесткие санкции против партизан и всех подозрительных лиц. Методы борьбы были хорошо известны - расстрелы на месте, казни заложников, карательные акции против отдельных населенных пунктов. На пол жертв, подчеркивал фон Райхенау, не обращать никакого внимания. Он особо отметил, что даже солдаты частей тылового обеспечения и строительных подразделений должны самым активным образом участвовать в борьбе против местного гражданского населения, в первую очередь против партизан.

Руководством вермахта было выпущено немало приказов, которые по сути своей являлись преступными. Так, 28 апреля 1941 года был издан приказ главнокомандующего сухопутными войсками вермахта Вернером фон Браухичем, в котором открыто говорилось о проведении карательными отрядами специальных мероприятий на оккупированной территории противника. Все это свидетельствует о том, что руководство вермахта еще до начала военной операции против Советского Союза хорошо знало о том, какие именно задачи возложены на карательные отряды СС, на ведомство Гиммлера и в целом на все подразделения вермахта.

Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер уже летом 1941 года издал свой приказ, в котором он обязал все подразделения вермахта оказывать любую помощь в проведении специальных мероприятий карательными отрядами СС.

Следует отметить, что в своем приказе он говорит о проведении карательных акций против "преступных большевистских, по большей части еврейских элементов". Тем самым круг потенциальных жертв подобного рода расправ толковался расширительно, и любое гражданское лицо или простой солдат могли стать и становились жертвами подобных мероприятий. Нельзя не отметить, что при всем иногда даже патологическом отношении большей части немцев к "порядку" и бюрократии списки расстрелянных часто не составлялись.

Беспощадная германизация России

"ЕСЛИ БЫ УРАЛ с его неизмеримыми природными богатствами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее неизмеримыми пашнями - если бы все это было частью территории Германии, то под руководством национал-социалистов было бы достигнуто изобилие и каждый немец имел бы больше, чем ему достаточно для жизни", - так заявил А. Гитлер в 1936 году, выступая на съезде Немецкого рабочего фронта (НРФ). В том же году в своей речи на съезде НСДАП он

недвусмысленно говорил о необходимости завоевать "жизненное пространство" на Востоке.

Существует мнение, что, если бы Гитлер по каким-то причинам умер в 1938 году, то он бы вошел в историю как величайший политический деятель. В это, конечно же, очень трудно поверить. Очевидно, что цели политики захвата территории СССР и физического уничтожения всего населения были сформулированы и уже имели множество сторонников на разных уровнях еще задолго до осуществления плана "Барбаросса".

Эти цели были обозначены еще в 1933 году. 3 февраля 1933 года в доверительной беседе с генералами бундесвера имперский канцлер А.Гитлер заявил о том, что главным направлением его внешней политики является завоевание "жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация".

Следует иметь в виду, что нацисты были действительно нацистами, то есть для них первостепенную роль играл вопрос крови. Ни знание немецкой культуры, ни языка, ни вера не спасли бы людей от физического уничтожения.

Немецкое командование рассчитывало на то, что блокада Ленинграда приведет к гибели от голодной смерти всего населения этого города. Следует признать, что частично эта цель была достигнута. Такая же участь ожидала и Москву. На месте этих двух городов немцы планировали создать огромные водохранилища.

Об этом свидетельствуют не только высказывания Гитлера, но и некоторые директивные документы. Так, например, начальник штаба военно-морских сил Курт Фрике в приказе от 19 сентября 1941 года подробно объясняет, как нужно организовать осаду Ленинграда. Город следовало окружить и вести по нему огонь из всех орудий до его полного разрушения. "Исходящие от населения этого города просьбы о сдаче должны быть отвергнуты, - подчеркивал К.Фрике, - так как проблема оставшегося населения и его снабжения продуктами питания не может и не должна быть решена".

Гитлер был прекрасно осведомлен о том, что происходит

на Восточном фронте. С видимым удовольствием рассказывал он испанскому послу Еспинозе о том, что в России происходит "настоящая человеческая бойня".

"Вероятно, некоторые люди, - пояснял Гитлер свою позицию в узком кругу приближенных в самом начале осуществления плана "Барбаросса", - схватятся за голову и скажут: как же может фюрер уничтожить такой город, как Санкт-Петербург? По своей натуре я принадлежу к совершенно другому типу. Я бы сам предпочел не делать людям ничего плохого. Но если мой род находится в опасности, то тогда чувства во мне уступают место холодной как лед решимости".

Гитлер был, судя по всему, последовательным сторонником расовой теории. Когда ему стало ясно, что Германия не сможет победить Советский Союз, он уже по-иному стал оценивать самих немцев. "Если немецкий народ не достаточно силен и не способен принести жертвы, необходимые для сохранения существования своей собственной крови, то тогда он должен исчезнуть и его должна уничтожить более мощная сила". В беседе с хорватским министром иностранных дел Лорковичем Гитлер добавил, что "он не будет в таком случае проливать слезы по поводу немецкого народа".

Вообще можно говорить о том, что ненависть к России (это усиливалось также ненавистью к "иудо-большевизму") была одним из фундаментальных элементов идеологии национал-социализма и главным содержанием того, что в Германии принято называть "Weltanschauung" или "мировоззрение".

А был ли у Гитлера Кодекс Наполеона?

ВОПРОС ЭТОТ, конечно же, риторический. Никакого Кодекса Наполеона у Гитлера во время его нападения на Советский Союз не было и быть не могло. Вместо этого предлагалась "беспощадная германизация", то есть почти полное поэтапное физическое уничтожения населения европейской части Советского Союза. Слово "беспощадная" совершенно отчетливо свидетельствует о том, что Гитлер не собирался "ос-

вобождают" Советский Союз или способствовать утверждению Кодекса Наполеона - кодекса гражданского права.

23 ноября 1939 года Гитлер пригласил к себе руководство вермахта и еще раз изложил свои взгляды относительно войны и мира. "Меня упрекают в том, - отметил Гитлер, - что все время борьба и борьба. Но я вижу в борьбе воплощение судьбы всех существ. Никто не может избежать борьбы, если он не хочет погибнуть. Растущая численность народа требует большего жизненного пространства. Моя задача состояла в том, чтобы привести в разумное соотношение численность населения и жизненное пространство для народа. Это решается только путем борьбы. Решение этой задачи стоит перед каждым народом, в противном случае он должен отказаться от борьбы и постепенно погибнуть. Так учит история".

Ровно 18 дней потребовалось Гитлеру для покорения Польши, и уже 19 сентября он торжественно заявил в Данциге: "Польша больше никогда не возродится. В конечном счете это гарантирует не только Германия, но это гарантирует и Россия".

Выступая перед представителями прессы 5 апреля 1940 года, Геббельс, в частности, сказал: "Если у нас сегодня спросят, как мы представляем себе будущее Европы, то мы должны будем ответить, что мы не знаем. Но, конечно же, у нас есть об этом свое представление. Но если мы это выразим в словах, то мы получим сразу врагов, и это увеличит сопротивление. Давайте сначала получим власть, а там уже посмотрим, и там мы уже увидим, что мы будем с этим делать... Сегодня мы говорим "жизненное пространство". И каждый может себе представить все то, что он хочет. А то, что мы хотим, мы в свое время узнаем... Пока нам удавалось скрывать от врагов истинные намерения Германии [то есть национал-социализма], и наши внутренние враги до 1932 года не могли сообразить, куда мы движемся и что наши клятвы относительно законности были лишь уловкой.

Гитлер уже в своей книге "Майн кампф" подробно разбирает термин "германизация". По его мнению, германизировать можно только "землю", то есть территорию, а не людей. Это

означает, что уже в начале 1920-х годов он совершенно четко представлял себе, как будет проходить "германизация" завоеванных в будущем территорий для "великой Германии". Гитлер откровенно высмеивает предпринятые ранее в Австрии попытки германизации славянского населения этой страны. Он называет подобные попытки "бастардизацией" и "дегерманизацией", настаивая при этом, что китаец не станет немцем, если он вдруг начнет говорить по-немецки и будет голосовать за одну из партий в Германии. Он также напоминает, что в истории часто бывало так, что один народ захватывал территорию другого народа и заставлял его население говорить на своем языке, но через тысячу лет это приводило к тому, что побежденный народ продолжал говорить на языке победителей, от которых не оставалось и следа.

"То, что в истории было с пользой германизировано, - подчеркивает Гитлер, - это были земли, которые наши предки завоевали при помощи меча и которые затем были заселены немецкими крестьянами".

Главной задачей для Германии Гитлер считает укрепление ее как континентальной державы "за счет приобретения новых территорий в Европе". Эти новые земли, по мнению Гитлера, "приобретаются" за счет использования меча, а его ковка и есть самая главная задача Германии как государства. При этом он допускает, что и расширение колониальных владений в разумных пределах также может быть целесообразным. Однако бездумное расширение колониальных владений Гитлер считает ошибочным.

Будущий фюрер прозрачно намекает на то, что такого рода планы можно было бы реализовать в союзе с Великобританией, что позволило бы Германии сделать территориальные приобретения в Европе. Конечно же, такого рода новые земли находятся не в Голландии, а на востоке.

Кроме всего прочего, Гитлера очень сильно задевало за живое, что германцев времен Римской империи все именовали "варварами". "Нет, - заявляет Гитлер, - они таковыми не были!" Они уже тогда, по его мнению, не были "бескультурными", так как германцы изначально были "культуртре-

герами", то есть носителями и создателями "культуры". По мысли будущего фюрера, германцы просто выбрали себе не ту землю для поселения. А если бы они поселились в теплом климате, то они бы составили конкуренцию и древним грекам, и самим римлянам.

Вообще Гитлер считал, что границы между государствами не вечны, эти границы создаются людьми и людьми же изменяются. Современные границы, по его мнению, лишь свидетельствуют о силе завоевателя и слабости его жертвы. "И только в этой силе и содержится право", - подчеркивает автор книги "Майн кампф". "Право на землю, - продолжает он, - может превратиться в обязанность, если без расширения территории существование великого народа может быть поставлено под вопрос".

Главный вывод, к которому приходит Гитлер, он формулирует следующим образом: Германия должна быть великой державой или она вообще не будет существовать. Следовательно, великая держава должна иметь соответствующую территорию. Это должны быть не колонии, заселенные неграми. Нет, от этой политики Гитлер призывает отказаться. "Когда мы сегодня в Европе думаем о новых землях, то мы можем в первую очередь думать о России и соседних с ней государствах". Гитлер при мыслях о России видит указующий перст судьбы. Россия для него была прекрасным примером строительства государства носителями "германского элемента", а вовсе не славянства, этой "неполноценной расы". Вот это противопоставление "германского элемента" и "неполноценной расы" есть уже элемент самостоятельного "научного" творчества Гитлера.

Напомним, что свято почитаемый Гитлером Чемберлен считал славян также "германцами". Здесь уместно напомнить еще о том, что Гитлер в 1942 году посетил оккупированную Украину и обратил внимание на большое количество местных белокурых девушек с голубыми глазами. Вообще удивительно, что Гитлер обратил внимание на девушек - это так на него не похоже. Вернувшись в свое логово "Вольфшанце", фюрер серьезно стал размышлять над увиденным и внес некоторые коррек-

тивы в свое видение расовой проблемы. Однако на реально проводимую политику уничтожения в том числе и белокурых и голубоглазых человеческих особей на оккупированных территории Советской России это никак не повлияло.

Эта скрытность вообще характерна для этапа подготовки со стороны нацистской Германии войны против Советского Союза. Ни о какой "превентивной войне" не могло быть и речи. Однако истинные цели политики расширения жизненного пространства правящая верхушка Третьего рейха держала в строжайшей тайне. Даже в 1940 году Гитлер предпочитает говорить только о том, что надо, нанеся Москве военное поражение, разделить это государство на несколько территорий. Фюрер добавляет, правда, что это будет "война идеологий". Для посвященных этого было достаточно, и было ясно, о какой именно части нацистской идеологии идет здесь речь. Но в 1940 году Гитлер уже открыто говорил о том, что в первую очередь в России надо будет физически уничтожить "еврейско-большевистскую интеллигенцию", а также государственные структуры Советской России. Однако, по мнению Гитлера, это вовсе не означает, что может идти речь о каком бы то ни было национальном возрождении России, которая, как показывает история, всегда враждебно настроена в отношении Германии.

Вместе с тем Гитлер, не скрывая, говорит о том, что на территории собственно России должно применяться "грубое насилие". Фюрер информировал в этот момент командование вермахта, что сразу после нанесения военного поражения Советскому Союзу должна начаться "мировоззренческая война".

Глава СС рейхсфюрер Гиммлер также подключился накануне начала войны к объяснению особенностей войны против Советского Союза. "Меня совершенно не интересует, как будут чувствовать себя русские или чехи; меня совершенно не трогает, хорошо ли они живут или подышают с голода; меня интересует это постольку, поскольку они нужны нам как рабы для нашей культуры, ничего больше меня не интересует". Гиммлер не имеет в виду, что он планирует использовать русских рабов в области культуры. Просто он считает, что все, что имеет отношение к Германии и немцам, и есть собственно культура.

Гиммлер считал, что 75% славянского населения после оккупации Советского Союза будет отправлено в Сибирь. Здесь, однако, не следует обольщаться. На нацистском жаргоне "эвакуация" - это также синоним физического уничтожения. Речь идет в данном случае о судьбе 50 или 70 млн. русских, а также представителей других народов. В соответствии с "Планом Барбаросса" все они должны были быть уничтожены. В других источниках фигурирует цифра 31 млн. славян, которые должны быть "отбракованы". Скорее всего, это были "прикидочные цифры", и руководство Третьего рейха намеревалось решать эти вопросы в рабочем порядке.

Для остальных 15% была предусмотрена судьба рабов на время переселения и обустройства немцев на оккупированной территории Советского Союза. Именно по Уралу должна была проходить граница нового Германского рейха.

Здесь можно заметить некоторое несоответствие. Сначала руководители Третьего рейха говорят об образовании нескольких независимых государств (Украина, Белоруссия и т.д.), а затем речь уже идет о германской территории. Однако никакого противоречия здесь нет. Просто истинные намерения фюрера до поры до времени держались в секрете. Излишне говорить о том, что уже на первом этапе оккупации предусматривалось "окончательное решение" еврейского вопроса - то есть полное физическое уничтожение проживавших на территории Советского Союза евреев.

Складывается такое впечатление, что Гиммлер был уверен в том, что русские и другие народы, населявшие Советский Союз, будут вести себя так же, как цыплята, разведением которых в своей родной Баварии занимался будущий рейхсфюрер СС.

Бабий Яр и немецкий гуманизм

29 И 30 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА в местечке Бабий Яр под Киевом были убиты 33 771 человек. Преимущественно это были евреи, проживавшие в Киеве. Они были не просто рас-

стреляны. Немцы разработали для таких случаев специальные патологические по своей сути ритуалы. Перед оврагом немцы устроили своеобразный "коридор", по которому группами по 40-50 человек обреченных на смерть гнали к оврагу. Перед этим у них отобрали все сумки и ценные вещи. Немцы стояли в шеренгах, вооружившись палками и резиновыми дубинками. Обреченных советских граждан били немилосердно и гнали к концу "коридора". Там стояли полицейские, которые раздевали людей догола. Снимали все, включая белье. Многие не смогли дойти до конца "коридора" и были забиты палками насмерть. У матерей отбирали детей и бросали их в яму. Выживших заставляли спускаться в яму и ложиться там на трупы. Только после этого их расстреливали. Сделано это было для того, чтобы оставшиеся в живых умирали под тяжестью других тел.

При этом, как подчеркивают даже немецкие авторы, принимавшие участие в расстреле солдаты и офицеры жалели только самих себя. "Наши люди, - вспоминает один из участников расстрела Пауль Блобель, - в большей степени были на взводе в плане нервов, чем те, кого надо было расстреливать". "Смерть, которую мы для них подготовили, - подчеркнул сотрудник венской полиции Вальтер Маттнер, - была короткой и красивой". Так он описывает в письме домой массовые расстрелы в белорусском Могилеве. "Грудных детей бросали в яму со всего размаха, и мы палили по ним и убивали их еще в воздухе до того, как они падали в яму или в воду".

Конечно, большую часть всех этих совершенно невысказанных, с точки зрения нормального человека, массовых расстрелов выполняли так называемые карательные отряды СС. Однако СС постоянно координировали свои действия с вермахтом, и его солдаты чаще всего либо сами принимали участие в такого рода преступлениях, либо обеспечивали охрану и стояли в оцеплении.

Генералы вермахта просили только, чтобы массовые экзекуции проводились за пределами расположения армейских подразделений. Но это была только просьба, и совершенно очевид-

но, что принципиального значения эта просьба не имела. Расстрелы были массовыми и поэтому могли проводиться только при определенной подготовке на местности. Зверства нацистов были настолько ужасны, что даже некоторые представители руководства не поддерживали применявшиеся методы, этого не выдерживали сами палачи.

Заместитель Гимmlера Гейдрих ни разу не присутствовал при проведении массовых расстрелов на оккупированных территориях. Один раз ему продемонстрировали пленку, на которой был запечатлен один из эпизодов работы карательных отрядов в Советском Союзе. Просмотрев пленку, он в сильном возбуждении вскочил с места и потребовал, чтобы были найдены другие методы массовых уничтожений людей. После этого начались эксперименты по использованию для этих целей динамита и монооксида углерода.

Кстати, Гейдрих в то время, помимо координации работ по массовому умерщвлению людей, пытался получить нормальный боевой опыт. Его в свое время с позором изгнали из флота после одной весьма сомнительной истории, и тогда он выбрал авиацию. У него даже был собственный истребитель-бомбардировщик "мессершмит - 109". На этом самолете он сделал несколько боевых вылетов, однако больше прославился своими неудачами. Тем не менее за свои "боевые вылеты" на Восточном фронте получил "Железный крест" первой степени. После очередного вылета он совершил вынужденную посадку, едва не попал в плен. Летать ему после этого запретили, и он рассказывал теперь другим пилотам о том, какой замечательный "немецкий рай" они сделают на российских землях.

Штурмбаннфюрер СС Фридрих Прадель в своих показаниях отметил, что многие члены карательных отрядов переживали нервные срывы, что было вызвано характером выполняемых ими работ. В том числе и поэтому велись поиски "более гуманных способов умерщвления".

В то время были созданы и передвижные газовые камеры, где в качестве средства умерщвления использовался выхлоп автомобиля. Такого рода эксперименты проводились в концентрационном лагере "Заксенхаузен" в ноябре 1941 года. Не-

мецкий химик Теодор Лайдиг в 1959 году признал, что такого рода эксперименты проводились на русских узниках этого концентрационного лагеря. Даже из канцелярии Гитлера по телефону были даны практические рекомендации по поводу оснащения подобного рода передвижных газовых камер. В сентябре 1941 года немцы приступили к активному строительству стационарных газовых камер, первая из которых была сдана в эксплуатацию в концентрационном лагере для физического уничтожения людей Аушвиц. Ее возможности были испытаны на русских военнопленных. Помимо монооксида углерода в камерах использовался также и газ "Циклон Б".

Немецкий историк Эберхард Йекель так говорит о Гейдрихе: "Главным архитектором геноцида был не Гиммлер, а Гейдрих. Он даже самого Гитлера подгонял". Наверное, правильнее было бы сказать, что Гейдрих был своего рода прорабом массового геноцида. Он непосредственно руководил этими масштабными работами по расчистке территорий для заселения их этническими немцами. Неслучайно именно его Гитлер выбрал в качестве своего преемника.

В самом начале войны против Советского Союза Гитлер собственноручно составил директиву, определявшую поведение немцев на оккупированной территории. "Славяне должны на нас работать, - указывалось в директиве. - Если они нам не нужны, то пусть они умирают. Обязательные прививки и медицинское обслуживание для них не нужно. Продолжение рода среди славян нежелательно. Пусть они используют презервативы или делают аборт, и чем больше, тем лучше. Образование опасно. Достаточно, если они научатся считать до ста. Допускается только то образование, которое необходимо для того, чтобы они нас обслуживали. Любой образованный - это будущий враг. Религию мы допускаем для них только как средство отвлечения внимания. Они должны получать только самое необходимое. Мы здесь господа, речь идет в первую очередь о нас".

Весьма характерное признание относительно истинной сущности планов переселения людей на оккупированной немцами территории сделал руководитель особого отдела по расовой политике в Восточном министерстве Эрхард Ветцель.

Он открыто заявил о том, что на первом этапе 31 млн. человек из "чуждого" населения, в том числе и 5-6 млн. евреев, должны быть "уничтожены посредством переселения".

Ветцель также предлагал уничтожить все население Прибалтики, так как, согласно одному из возможных планов, предлагалась индустриализация этих территорий. Однако это предложение не понравилось Розенбергу - рейхслайтеру и рейхсминистру по делам оккупированных территорий. Но это, скорее всего, говорит о том, что сам руководитель ведомства по делам восточных территорий не совсем явно представлял себе, что будет происходить в процессе "германизации". Кстати, Ветцель и после войны успешно продолжил свою карьеру в Министерстве внутренних дел земли Нижняя Саксония.

В самом начале Второй мировой войны в Прибалтику имперским Министерством по труду была направлена специальная делегация по "расовому изучению". В состав этой комиссии входили антропологи и специалисты по "расовой и наследственной биологии". В общей сложности было обследовано 2 тыс. человек. Всех их, надо сказать, раздевали догола, и затем проводились соответствующие антропометрические измерения. Комиссия должна была дать ответ на вопрос - могут ли народы Прибалтики рассчитывать на "германизацию". Рекомендации комиссии были однозначны - латыши, литовцы и эстонцы не были рекомендованы для "онемечивания". В ноябре 1942 года, правда, тот же Ветцель пришел к выводу о том, что эстонцы и латыши все-таки могут быть германизированы. Литовцев же он предлагал "переселить".

Набоков против Сталина

БЕЗЖАЛОСТНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ Советской России не состоялась, и это уже стало ясно после Сталинградской битвы, хотя до победы было еще далеко, а Гитлер, провозгласив "тотальную войну", направил свой разрушительный гнев против своего собственного народа, в котором он так жестоко разочаровался.

Так сложилось, что после войны немцы ушли от ответа за свои страшные преступления. Они, по сути, безнаказанно убивали, насиловали, издевались и грабили на оккупированной территории Советского Союза, и все это сошло им с рук. Казнены были лишь некоторые представители руководства Третьего рейха, и на них свалили всю вину.

После войны потомок балтийских баронов и германских музыкантов русский писатель Владимир Набоков, проживший в Германии 17 лет вплоть до 1937 года, уже после окончания Второй мировой войны долго отказывался поехать в Берлин. Его пугало то обстоятельство, что он мог ненароком пожать руку какому-то палачу, на совести которого могли быть десятки невинных жертв. "Пока я жив, - объяснял он, - могут оказаться живы и те негодяи, которые убивали и мучили невинных и беззащитных".

Более того, Набоков полушутя-полусерьезно говорил о том, что можно было бы вообще сжечь Германию, чтобы от нее не осталось никакого следа, сжечь ее вместе "со всеми ее пивными кружками и незабудками". Еще один вариант "окончательного решения" немецкой проблемы, по мнению Набокова, это массовое применение хлороформа. Потери для человечества были бы в таком случае, как он считал, не очень велики - немного бы не хватало чувства некоторой приятности, а также кое-какой музыки.

Надо иметь в виду, что Набоков говорит об этом в частном письме и его, конечно же, не следует понимать буквально. Вместе с тем можно понять Набокова - его отец был убит в Берлине, его брат Сергей умер от голода в лагере для уничтожения Нейенгамме, а его жена Вера - еврейка по национальности - также могла стать жертвой нацистского режима. Не надо верить тому, что Набоков якобы не знал немецкого языка - он сам говорит о том, что еще ребенком мог прочитать любую немецкую книгу, если речь там шла о бабочках. Он прекрасно изучил Германию и хорошо понимал, что происходит в этой стране. Его отношение к Германии основано на очень глубоком и близком знакомстве со страной "поэтов и философов". Германии, можно сказать, в этом отношении не повезло, она

получила в лице русского писателя такого тонкого, ироничного и безжалостного наблюдателя.

Писатель не питал особой симпатии к большевикам, но после нападения Германии на Советский Союз он однозначно встал на сторону своей родины, хотя ему, как и многим другим нашим соотечественникам, лишенным Отечества, какое-то время хотелось, чтобы началась "кровавая война" против большевиков. Но когда эта война действительно началась, то большинство из них, и не в последнюю очередь сам Набоков, стали желать победы Советской России и поражения Германии.

Дед Набокова, прусский генерал Фердинанд фон Корфф, добросовестно служил русской короне, и ему никогда бы не пришло в голову, что меньше чем через 100 лет родственные ему по крови немцы захотят физически уничтожить почти все население России.

В своей книге о Гоголе писатель справедливо заметил, что добродушные российские интеллектуалы слишком легкомысленно поверили в легенду о якобы великой немецкой литературе и философии. Резко негативно против немцев был настроен Илья Эренбург, однако такое отношение противоречило линии партии и точке зрения самого Сталина, который в начале 1942 года, когда судьба страны висела на волоске, осуждал тех, кто призывал убивать немцев.

В.Набоков приветствовал открытие Второго фронта 6 июня 1944 года, и в тот вечер, находясь в Америке, он почему-то направился отмечать это событие в немецкий ресторан "Вурстхаус". Закончилось все это плохо - мясо оказалось некачественным, и Набоков получил тяжелое пищевое отравление.

После войны Набоков не изменил своего мнения и, более того, считал, что затеянное американцами перевоспитание немцев вряд ли принесет желаемые результаты, хотя и решил использовать для этих целей некоторые свои книги. Но мы теперь знаем, что попытка американцев провести сначала в западных оккупационных зонах, а затем и ФРГ так называемую денацификацию окончилась полным провалом.

Немцы не раскаялись и не попросили прощения, если во-

общее можно простить все то, что они сделали, а еще меньше - то, что они только собирались сделать. Благородную ярость и праведный гнев, о которых говорит Набоков, советские солдаты вынуждены были оставить при себе. Они были мудры и, наверное, сказали себе, что так лучше - они сделали главное, они победили, а судить будут другие.

Однако в последнее время стало совершенно очевидно, что необходима институционализация "русского холокоста", иначе скоро все в Европе, да и за ее пределами будут говорить только о "преступлениях" сталинского режима, а не о победе Советского Союза над гитлеровской Германией, в то время как современные немцы, как и их предки - простые солдаты вермахта, - будут продолжать считать войну против Советского Союза "справедливой".

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В ФИНЛЯНДИИ В 1941-1944 ГОДАХ

Сергей Веригин, Герман Чумаков

СОСТАВНОЙ ЧАСТЬЮ Великой Отечественной войны стала вооруженная борьба советских людей с захватчиками на временно оккупированной территории СССР. Она сыграла важную роль в достижении Победы над врагом.

Партизанское движение в период Великой Отечественной войны не было явлением исключительным как в истории нашего Отечества, так и в мировой военной истории. В нашей стране представление о партизанах ассоциируется, как правило, с Отечественной войной 1812 года, с именами Давыдова, Фигнера, Сеславина и других.

Первоначально термин применялся только по отношению к армейским отрядам, направляемым в тыл к противнику. Со временем слово "партизан" получило несколько иную смысловую окраску, утратив обязательную привязку к кадровым армейским формированиям. В XX веке феномен партизанства стал рассматриваться в более широком контексте, и для его обозначения стали употреблять такие термины, как "партизанское движение", "партизанская борьба", "парти-

Сергей Геннадьевич Веригин - декан исторического факультета Петрозаводского государственного университета, кандидат исторических наук.

Герман Владимирович Чумаков - заведующий кафедрой истории Карельской государственной педагогической академии, кандидат исторических наук.

занская война", "всемирная борьба в тылу врага", не совпадающие по своему содержанию. До настоящего времени определения терминов не устоялись. Дискуссионным остается вопрос о том, кто такие партизаны - военнослужащие или гражданские лица, участвующие в вооруженной борьбе. Воюющие стороны не всегда склонны относить вражеских партизан к категории военнослужащих со всеми вытекающими отсюда последствиями. Противник всегда считает партизан террористами и разбойниками.

Современная военная наука считает, что партизанскую войну в наше время будут вести специально созданные подразделения, опирающиеся на поддержку населения своей страны. При этом армейские и иррегулярные (партизанские) формирования должны тесно координировать свои действия. Значение партизанской войны, по мнению специалистов, многократно возрастает для ослабленных в военном отношении государств или терпящих военное поражение.

Отечественная историография партизанского движения занимает один из наиболее обширных разделов литературы о Великой Отечественной войне: только библиографический перечень занимает десятки страниц. И все же, несмотря на кажущуюся изученность данной темы, многие аспекты партизанской войны в годы Великой Отечественной войны продолжают вызывать острые споры и дискуссии. На рубеже 1980-1990-х годов, в период "перестройки", в нашей стране начинают складываться условия для качественно нового подхода к изучению истории Великой Отечественной войны в целом и партизанского движения в частности по мере ослабления, а затем и снятия жесткой государственной цензуры и идеологических ограничений, появления у исследователей возможностей ознакомиться с ранее засекреченными архивными документами, расширения источниковой базы. Для работ последнего времени характерно критическое отношение к достижениям предшествующей историографии, пересмотр многих сложившихся трактовок и оценок событий Великой Отечественной войны, признание мнения зарубежных историков по тем или иным вопросам.

Вместе с тем количество исследований по партизанской проблематике за последние полтора десятилетия значительно сократилось. Вероятно, это объясняется непростым и даже болезненным процессом переосмысления утвердившихся в сознании отечественных историков стереотипов. И все же на рубеже XX-XXI веков увидел свет ряд изданий, обогативших историографию партизанского движения*.

Опубликован ряд работ как мемуарного, так и исследовательского характера непосредственных участников событий. В предыдущие десятилетия в силу различных причин они не имели возможности высказать свои точки зрения¹. Различным аспектам партизанской войны посвящены исследования А.Ю.Попова, В.И.Боярского, А.К.Белова и других². Они стремились, не перечеркивая сделанного исследователями в предшествующие периоды, по-новому взглянуть на проблемы возникновения и развития партизанского движения в СССР.

Вместе с тем в целом ряде исследований имеет место тенденция к категорическому отрицанию оценок советской историографии. Такие авторы, как Б.В.Соколов, М.Солонин, В.Суворов (Резун) предпринимают попытки полностью пересмотреть всю концепцию истории Великой Отечественной войны, в том числе и партизанской борьбы³. Наличие столь противоположных подходов к рассмотрению данной темы еще раз подчеркивает ее актуальность.

Для историографии партизанского движения на Карельском фронте характерны те же черты, что и для общероссийской. Большую часть изданий составляют воспоминания участников партизанской войны в Карелии и Советском Запо-

*Следует отметить сборник документов и материалов "Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг." Института военной истории Министерства обороны РФ, Военно-исторического центра Вооруженных сил РФ и Центрального архива Министерства обороны РФ и вышедший в серии "Русский архив: Великая Отечественная". См.: Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. Т. 20 (9). М.: ТЕРРА, 1999. Большинство материалов этого сборника впервые публикуются в открытой печати.

лярье о событиях тех дней⁴. Будучи важным источником для исследования данной темы, им, как всем мемуарам, присущ субъективный подход и наличие неточностей, так как авторы их писали по памяти через десятилетия после войны.

Лишь отдельные научные статьи и разделы монографий по истории войны на территории Карелии и Заполярья носят строго исследовательский характер⁵. К неисследованным вопросам можно отнести роль органов государственной безопасности в создании партизанского движения, организацию управления партизанской борьбой, подготовку партизанских кадров, материально-техническое обеспечение, анализ особенностей партизанской войны на европейском Севере, действия советских партизан на территории Финляндии и другие.

С первых дней войны партизанское движение в Карелии и Заполярье формировалось как централизованная и организованная сила, призванная решать конкретные задачи, прежде всего в интересах действующей Красной армии. Вместе с тем условия деятельности партизанских отрядов в Карелии и Заполярье во многом отличались от условий других временно оккупированных регионов страны.

Во-первых, нашим главным военным противником на Карельском фронте была Финляндия, поэтому национальный фактор играл важную роль в развертывании и ведении партизанской борьбы на оккупированной финнами территории Карелии.

Во-вторых, подавляющая часть населения временно оккупированных районов Карелии была своевременно эвакуирована на восток. В этих районах в годы оккупации проживало около 86 тыс. человек, из которых около 50 тыс. составляли русские, украинцы, белорусы, то есть не финно-угорское население⁶. Именно эту часть населения финские оккупационные власти почти полностью заключили в концентрационные лагеря или перевели в места принудительного содержания.

Материалы военного архива Финляндии свидетельствуют о том, что на 9 января 1942 года на оккупированной территории Карелии проживало 86 119 человек, из них национальное (финно-угорское) население составляло 35 919, не-

национальное (русские и другие не финно-угорские народы) население - 50 200 человек. На 8 февраля 1942 года в концлагерях находилось 22 275 человек⁷.

В редких деревнях и селах оставались в основном старики, женщины и дети, поэтому пополнение партизанских отрядов за счет местного населения, как это происходило в других регионах страны, было невозможным (в 1942-1944 гг. большую часть пополнения составили жители других республик и областей страны - Архангельской, Мурманской, Вологодской, Ленинградской, Ярославской, Свердловской, Иркутской областей, Красноярского края, Коми АССР).

В-третьих, в первые недели войны не удалось заложить необходимое количество баз снабжения, поэтому партизанские отряды, начавшие действовать в тылу наступающих финских войск, быстро израсходовали запасы продовольствия и боеприпасов и вынуждены были возвращаться в советский тыл. Пополнение продовольствия за счет противника было крайне ограниченным, а за счет местного населения - совершенно невозможным.

В-четвертых, из-за отсутствия у партизан в начале войны радиостанций в период отступления Красной армии было почти полностью потеряно руководство многими отрядами, что тоже толкало партизан к отходу на восток в наш тыл.

В-пятых, походы во вражеский тыл каждый раз были сопряжены с необходимостью преодолевать от 300 до 600 км по сильно пересеченной, лесисто-болотистой местности. При этом партизаны должны были нести на себе оружие, боеприпасы, продовольствие на весь период похода, что составляло до 45 кг на человека. Большинство партизанских отрядов за годы войны прошли по тылам противника от 5000 до 9000 км. Особые трудности в период боевых рейдов возникали у партизанских отрядов при появлении раненых и больных. Для их транспортировки или эвакуации в наш тыл отвлекалось большое число здоровых бойцов, что значительно замедляло движение, снижало маневренность и ослабляло боеспособность отрядов.

В-шестых, затрудняли деятельность партизан также и

сложные природно-климатические условия Северо-Западного региона нашей страны. Продолжительные зимы, когда сильные морозы сменялись резкими потеплениями, дожди и повышенная влажность летом при невозможности согреться и обсушиться в условиях постоянного движения приводили к большому количеству различных заболеваний.

В-седьмых, после стабилизации линии Карельского фронта в декабре 1941 года противник стал систематически использовать для борьбы с советскими партизанами свои фронтовые резервы. Кроме того, финское командование создавало специальные части, назвав их "партизанскими ротами и батальонами".

В-восьмых, партизанские отряды Карельского фронта гораздо раньше, чем партизаны других регионов страны, уже в 1942 году, начинают проводить боевые операции на территории других государств - Финляндии и Норвегии.

Именно этой последней особенности партизанского движения в полосе Карельского фронта мы уделим основное внимание. Актуальность данного вопроса усиливается тем, что с начала 90-х годов XX века в Финляндии в средствах массовой информации, в научных и общественных кругах стали широко обсуждаться действия советских партизан на финляндской территории в период Великой Отечественной войны. Во многих публичных выступлениях советские партизаны характеризуются как террористы, воевавшие с мирным гражданским населением, совершавшие преступления против человечности и нарушавшие международные законы ведения войны. Даже высказывались предложения потребовать от России признания ветеранов партизанского движения военными преступниками со всеми вытекающими последствиями. Ряд финских организаций и политических деятелей обратились в МИД и прокуратуру Финляндии с требованием расследовать деятельность советских партизан на территории Финляндии в 1941-1944 годах. Своей кульминации антипартизанская кампания в Финляндии достигла к началу 2000-х годов.

В 1999 году в Финляндии даже создали общественную организацию "Гражданское население - ветераны войны-про-

должения" (Jatkosodan siviiliveteraanit ry), которую возглавила финская писательница Тюоне Мартикайнен. Организация представляет интересы финского мирного гражданского населения, пострадавшего от советских партизан, в результате чего, по ее оценкам, погибло 176 мирных граждан⁸.

Большой общественный резонанс в Финляндии и Карелии получила книга Вейкко Эрркиля "Замалчиваемая война. Нападения советских партизан на финские деревни", вышедшая в Хельсинки в 1999 году⁹. Данная работа - результат исследования, проведенного автором в 1995-1998 годах. В.Эрркиля совершил 34 поездки в Россию, встретился с 19 бывшими партизанами, участвовавшими в рейдах на территорию Финляндии, из которых наиболее важными свидетелями считал бойца отряда "Большевик" Валентина Смирнова, командира группы Николая Дмитриенко, руководителя разведки отряда "Большевик Заполярья" Анатолия Голубева и медсестер Валентину Дерябину и Хельгу Лобух, а также оставшихся в живых командиров карельских партизанских отрядов "Большевик Заполярья" и "Большевик" Александра Смирнова и Георгия Калашникова.

В.Эрркиля утверждает в книге, что партизаны убили 147 мирных финляндских жителей. Основной причиной нападения партизан на гражданские объекты, по его мнению, был страх не выполнить задание¹⁰. Он цитирует командира отряда "Полярник" Д.Подоплекина: "Если бы мы вернулись, не выполнив задания, то пошли бы под трибунал" - и Александра Смирнова: "Наше правительство с утра до вечера требовало смерти врагу"¹¹.

Вторая возможная причина, по мнению В.Эрркиля, заключалась в том, что с помощью террора партизан против мирных финляндских жителей советское правительство стремилось запугать Финляндию и таким образом заставить ее выйти из войны¹².

Вместе с тем представители финляндской и российской общественности, ученые двух стран предпринимали попытки в спокойной обстановке совместно обсудить данную проблему. Так, в сентябре 2002 года в городе Соданкюля (Финляндия) прошел международный семинар-примирение по пробле-

мам партизанской войны, в котором приняли участие историки, юристы, эксперты и общественные деятели Финляндии, России, Швеции, Польши. Эта же проблема была в центре внимания на прошедшей в Петрозаводске в октябре 2009 года международной научной конференции "Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809-2009 гг.". На сегодняшний день данная проблема продолжает оставаться объектом повышенного не только исторического, но и политического внимания как в России, так и Финляндии.

Сама возможность проведения разведывательно-диверсионных рейдов на территорию Финляндии вытекала из приграничного расположения Карелии, а также из того, что в северной части республики и Мурманской области линия фронта в конце 1941 года стабилизировалась не столь уж и далеко от госграницы. Уже в первые дни войны начинается создание специальных разведывательно-диверсионных групп для действий в Финляндии, хотя это не были еще собственно партизанские формирования. Летом-осенью 1941 года такие подразделения создавали армейские разведорганы и органы НКГБ - НКВД.

Одним из первых, по решению командования 7-й армии, был сформирован особый отряд во главе с Урхо Антикайненым численностью до 30 человек. Уже в начале июля 1941 года отряд начал активно действовать на финской территории в тылу 3-й финской пехотной дивизии. Военные диверсанты взорвали несколько мостов, пустили под откос воинский эшелон, устроили налеты на ряд приграничных населенных пунктов в Финляндии¹³.

Одновременно с армейскими структурами широкой подготовкой разведывательно-диверсионных групп занялись органы НКГБ - НКВД. Для подготовки диверсионных кадров к действиям в тылу противника в первых числах июля 1941 года при НКГБ КФССР были организованы кратковременные курсы по 57-часовой программе. Выпускников курсов объединяли в боевые группы от 7 до 15 человек, а в отдельных случаях - в более крупные диверсионные отряды. За период с июля по октябрь 1941 года на курсах были

подготовлены 196 человек, из которых созданы 15 диверсионных групп. Курсы стали основой для специальной (особой) школы НКВД республики. Так, 12 июля 1941 года по приказу наркома госбезопасности республики М.И.Баскакова спецгруппа НКГБ из 25 человек была направлена с диверсионным заданием в район финляндских городов Лиекса - Йоэнсуу. Во время рейда группа взорвала мост и склад боеприпасов в деревне Лубосалми, уничтожила две грузовые автомашины, заминировала 3 км дороги, повредила в нескольких местах телефонную связь, подожгла лес. В ходе операции группа потеряла трех бойцов¹⁴. Всего за июль-сентябрь 1941 года органы НКВД подготовили и направили во вражеский тыл 73 диверсионные группы в количестве 565 человек¹⁵, но лишь отдельные из них проникали на территорию Финляндии.

В июле 1941 года на кандалакшском направлении из пограничников был создан спецотряд под командованием капитана А.Н.Калашникова. Боевые группы его отряда активно действовали на территории северной Финляндии¹⁶.

Созданные под руководством ЦК Компартии КФССР партизанские отряды до лета 1942 года на финляндскую территорию не заходили, поскольку с августа по декабрь 1941 года большинство партизанских отрядов в Карелии по требованию армейского командования воевало на передовой как обычные воинские подразделения. Кроме того, тяжелая для нас оперативная обстановка на фронте требовала в тот период проведения диверсионных операций в ближайшем тылу вражеских войск.

Зимой 1941-1942 годов рейды на финляндскую территорию были временно прекращены из-за резко выросшей опасности обнаружения наших разведывательно-диверсионных групп и трудностей передвижения в зимних условиях на дальние расстояния.

Однако в конце весны 1942 года 4-й отдел НКВД КФССР, осуществлявший до июня оперативное руководство диверсионной и партизанской борьбой в тылу врага, разработал план мероприятий по усилению партизанского движения в Каре-

лии на летний период 1942 года. План предусматривал привлечение партизанских отрядов к действиям на финляндской территории¹⁷. Партизаны должны были стать главной боевой силой при проведении таких операций. Смена акцентов в применении партизанских формирований для рейдов в глубокий тыл противника объяснялась возросшей за первый год войны боевой силой и опытом партизанских отрядов. Помимо этого, центральное и региональное руководство партизанским движением стремилось максимально использовать любые средства для дезорганизации вражеского тыла, чего требовала тяжелая военная обстановка на южном фланге советско-германского фронта.

В июне 1942 года партизанский отряд "Полярник", сформированный в феврале месяце в Архангельске и входивший в состав 1-й партизанской бригады Карельского фронта, срочно перебросили из южной Карелии на Кольский полуостров в Мурманскую область. В начале июля этот отряд под командованием Д.А.Подоплекина вышел в рейд в район Корья - Кангасниemi - Савукоски. Цель похода - диверсии на коммуникациях 36-го армейского корпуса немецкой армии "Норвегия", воевавшей в Заполярье. 22 июля группа партизан под руководством комиссара отряда Д.Г.Майзера атаковала разъезд № 11 на железной дороге Кемиярви - Алакурти, охранявшийся ротой финнов. В коротком бою было уничтожено до 40 вражеских солдат, два склада с боеприпасами, две казармы и 27 железнодорожных вагонов.

В начале октября диверсионная группа того же отряда под командованием Пискова снова была направлена в тот же район для подрыва железной дороги. Заминировав железнодорожное полотно, партизаны дождались приближения воинского эшелона и на глазах у вражеских патрулей, охранявших пути, подорвали установленный заряд. Поезд упал под откос. По докладу командира группы в крушении погибло до 300 вражеских солдат. А группа вернулась на базу без потерь. В этом же районе 12 сентября диверсионная группа в количестве девяти человек под командованием Конышева взорвала железнодорожный мост вместе с воинским

эшелоном, шедшим к фронту. После крушения партизаны еще 30 минут обстреливали место диверсии. Затем группа без потерь благополучно отошла в свой тыл, устраивая по пути засады на дорогах¹⁸.

Южнее Кестеньгского района на ухтинском направлении в июле 1942 года на финляндскую территорию проникали диверсионные группы партизанского отряда "Боевой клич" под командованием Е.М.Кокоры. Так, 5 июля группа партизан во главе с Ф.И.Канторовым организовала засаду на автодороге Куусамо - Ухта. В засаду попали и были уничтожены две легковые машины и грузовик с солдатами. Среди убитых оказались три женщины: Тойни Яннес - председатель солдатских домов Финляндии, доктор философии; Грета Палоярви - жена командира 3-й пехотной дивизии финнов; Файни Афлект - директор пятого центра солдатских домов. Партизаны потерь не имели¹⁹. На этом же направлении в сентябре на финляндской территории активно действовали партизанские отряды "Вперед" (командир - К.В.Бондюк), "Красный Онежец" (командир - И.Я.Кравченко), "Красный партизан" (командир - Ф.Ф.Журих)²⁰. Всего же на территории финляндской Лапландии (северная Финляндия) летом-осенью 1942 года проводили боевые операции восемь партизанских отрядов Карельского фронта. Помимо партизан продолжалась заброска на вражескую территорию диверсионно-разведывательных групп по линии 4-го отдела НКВД КФССР и разведывательного управления Карельского фронта.

В зимний период 1942-1943 годов партизанские операции на финляндской территории, как и в предыдущую зиму, были приостановлены. Весной 1943 года по указанию Военного совета Карельского фронта штаб партизанского движения принял решение расширить боевые действия партизан в северной Финляндии. Летом 1943 года 14 из 18 партизанских отрядов (по другим источникам - 11 отрядов) совершили несколько глубоких рейдов в северной части Финляндии (Финская Лапландия) в районе городов Нурмес, Куусамо, Рованиemi. Перед партизанами ставились две взаимосвязанные стратегические задачи: разрушение военных

коммуникаций в прифронтовой полосе и дезорганизация хозяйственной жизни финского населения.

Например, партизаны отрядов "Полярник" и "Боевые друзья" (командир - Л.И.Жарков) летом 1943 года вели упорную рельсовую войну в полосе от Кайрала до Кемиярви. Партизанский отряд "Советский Мурман" (командир - С.Д.Куроедов) в течение лета совершил три успешных операции в глубоком тылу врага. Отряд "Красный партизан" в ходе 95-суточного рейда разгромил два вражеских гарнизона в районе Юнтусранта - Суомуссалми, уничтожив более 100 солдат и офицеров. Отряд "Большевик Заполярья" (командир - А.С.Смирнов) в июне разгромил дом отдыха немецких офицеров в районе Ивало, а также провел ряд диверсий на автодороге Петсамо - Рованиеми²¹. В рейдах на территорию Финляндии летом-осенью 1943 года отличились отряды "Красный Онежец", "Советский Мурман", "Комсомолец Карелии" и др.

Активные действия советских партизан вызывали чувство неуверенности у противника. Об этом свидетельствуют официальные документы и письма финских солдат, попавшие в руки нашего командования. Например, капрал Лейнонен писал своему другу в июле 1943 года: "Последние две недели мы все время были в тревоге. Узнали, что Иваны находятся в движении. Пришлось за ними гоняться. Финская армия ни к черту не годна. Она не способна защищать даже мирное население. Русские хозяйничают на нашей территории, как им заблагорассудится"²².

Партизаны стремились нанести как можно больший ущерб экономике Финляндии, посеять панику среди гражданского населения. Финляндские власти даже издали приказ о срочной эвакуации населения из пограничной полосы в Среднюю Финляндию. Эвакуация проводилась настолько поспешно, что местные жители нередко бросали скот, сельскохозяйственный инвентарь, имущество. Сенокос и уборка урожая в этих районах в 1943 году фактически были сорваны. Для охраны населенных пунктов власти вынуждены были выделять воинские подразделения.

В летней кампании 1944 года перед партизанскими отрядами Карельского фронта были поставлены новые задачи. В условиях наступления советских войск в Карелии партизаны должны были своими действиями в тылу финских и немецких частей срывать переброску вражеских резервов, затруднять их отход на новые рубежи обороны, обеспечивать наше командование своевременной разведывательной информацией. В июне 1944 года 18 из 19 партизанских отрядов приступили к активным действиям на коммуникациях противника. Из них девять отрядов должны были действовать в южной и центральной Карелии в полосе наступления 32-й и 7-й армий. Остальные отряды - на Кольском полуострове и в северной Карелии²³.

В первую очередь партизаны, воевавшие на мурманском, кандалакшском, лоухском, ухтинском и ребольском направлениях, как и в 1943 году, углублялись на территорию Финляндии. Это партизанские отряды "Большевик", "Сталинец", "Полярник", "Большевик Заполярья", "Советский Мурман", "Вперед", им. Тойво Антикайнена и др. В июне-июле 1944 года отряд "Сталинец" (командир - В.А.Гонтаренко) численностью 76 человек, пройдя по сильно пересеченной лесисто-болотистой местности более 150 км, разгромил крупный гарнизон финнов в поселке Локка, прикрывавший подступы к дороге Петсамо - Рованиemi. Было уничтожено более 100 солдат и офицеров противника. Отряды "Полярник" и "Большевик" под общим командованием Д.А.Подоплека организовали ряд диверсий на железной и шоссейной дорогах Савукоски - Кемиярви - Куолярви. Только за период с 7 августа по 15 сентября отряды "Большевик Заполярья" и "Советский Мурман" пустили под откос шесть воинских эшелонов²⁴. Партизанский отряд им. Тойво Антикайнена еще в конце мая был перебросен тремя группами на самолетах в глубокий тыл противника, где активно действовал мелкими диверсионными группами на протяжении почти всего лета²⁵.

По мере отступления вражеских войск в южной Карелии на территорию Финляндии стали заходить партизанские от-

ряды, действовавшие в данном районе республики. Это отряды "Боевой клич", "Красный партизан", "Боевые друзья", им. Чапаева и др. Так, в августе 1944 года группа из трех партизанских отрядов ("Комсомолец Карелии", "Боевые друзья" и им. Чапаева) общей численностью 212 человек успешно оперировала в течение месяца в пограничной полосе близ городов Лиэкса и Йоэнсу. Партизаны этой группы отрядов пустили под откос несколько эшелонов, разгромили три вражеских гарнизона, организовали ряд диверсий на дорогах. За три летних месяца 1944 года партизанские отряды Карельского фронта разгромили девять гарнизонов противника, пустили под откос 17 воинских эшелонов, уничтожили 306 вагонов и много вооружения и боеприпасов.

5 сентября 1944 года по приказу Ставки ВГК Карельский фронт прекратил боевые действия против Финляндии. В связи с этим партизанские отряды получили распоряжение Штаба партизанского движения (ШПД) вернуться в свой тыл. К 12 сентября большинство отрядов сосредоточились на своих базах в Кеми, Сегеже и Кандалакше. 8 октября в Петрозаводске состоялся митинг и парад партизанских отрядов. А 15 октября 1944 года в соответствии с директивой Генерального штаба Красной армии и указанием Военного совета Карельского фронта партизанские отряды и Штаб партизанского движения были расформированы как выполнившие свои задачи. Большая часть партизан (1224 человека из 1504) была направлена в действующую армию и продолжала сражаться на фронтах Великой Отечественной войны до полной Победы. Оценивая вклад партизанского движения в Карелии и Заполярье в достижении Победы, можно сделать вывод о том, что, несмотря на тяжелейшие условия нашего северного региона, партизанские отряды были важным военным фактором в развитии боевых действий на Карельском фронте на протяжении всей войны.

Вместе с тем в истории партизанского движения на Карельском фронте имеются вопросы, которые за прошедшие после окончания войны десятилетия по политическим и иде-

ологическим причинам не получили должного и объективного освещения в отечественной историографии. К ним относится проблема взаимоотношений советских партизан и гражданского населения Финляндии. Да и в финляндской военно-исторической литературе нападения советских партизан на мирные населенные пункты не стали объектом специальных исследований, а давались фрагментарно в контексте других вопросов.

В ходе проведения советскими партизанскими отрядами и разведывательно-диверсионными группами боевых операций на финляндской территории пострадали гражданские лица. По последним данным финляндской стороны, численность погибших гражданских финнов превышает 180 человек и 75 человек получили тяжелые ранения. В число погибших входят также более десяти человек, захваченных партизанами в плен и не вернувшихся домой²⁶. Лишь в 1990-х годах, в первую очередь и в большей мере в Финляндии, а затем и в России, достоянием широкой гласности стала информация об этих трагических событиях²⁷. Интерес к данной проблеме усилился, с одной стороны, в результате политических изменений в нашей стране после 1991 года, с другой стороны, прошедшие после окончания войны десятилетия несколько сгладили остроту вопроса.

Одним из первых случаев нападения на мирных жителей финляндские историки называют события 3 сентября 1941 года в деревне Куоску, в восточной Лапландии. Однако в этом случае допущена ошибка, так как это были не партизаны, а диверсионная группа пограничников. Вместе с тем жертвами атаки стали семь гражданских лиц, а часть деревни была сожжена. Позже, в 1943-1944 годах, на эту деревню совершили еще несколько нападений уже партизанские группы²⁸.

В первый год войны партизанские отряды не проводили целенаправленных операций против гражданского населения Финляндии. Однако уже летом-осенью 1942 года имели место случаи применения оружия против гражданского населения. Так, например, 24 сентября 1942 года отряд "Вперед" напал на финский хутор Вииксимо. По нашим архи-

вным документам военных лет, в отряде закончилось продовольствие и командир принял решение выйти на финский хутор Вииксимо, чтобы реквизировать продукты у местных жителей. Заодно было решено уничтожить "шюцкоровскую" организацию в этом поселении, отобрать оружие, которым в пограничной полосе Финляндии были вооружены фактически все взрослые мужчины. На операцию был выделен один взвод. На подходе к хутору партизаны задержали старосту поселения. От него узнали, что на хуторе проживает 29 человек, часть жителей вооружена. Оцепив хутор, партизаны собрали всех жителей. Среди собранных 12 мужчин были призывного возраста. Как докладывал после похода командир отряда К.В.Бондюк, финны вели себя дерзко и независимо. Тогда он решил всех взрослых мужчин расстрелять, а женщин и детей запереть в хозяйственной постройке. Во время расстрела женщины вырвались из сарая, и тогда были убиты все жители хутора. В это время к поселению подъехали легковая и грузовая машины с солдатами. Завязался бой с партизанским охранением. Основная часть партизан забрала продовольствие, скот и скрылась в лесу. Сами партизаны потерь не имели²⁹. Из доклада видно, что главной целью партизан были продукты. Расстрел жителей был вызван, вероятно, опасением, что они передадут финским военным информацию о составе и состоянии партизан. К тому же война к этому времени приобрела ожесточенный характер, и воюющие стороны все меньше обращали внимания на нормы морали.

Систематические нападения партизан на населенные пункты и мирных жителей в северной Финляндии происходят в 1943 и 1944 годах. Так, в конце июня - начале июля 1943 года нападению дважды подверглась деревня Малахвианваара близ города Суомуссалми, где погибли 35 жителей. 15 июля 1943 года отряд им. Чапаева (командир - Н.П.Шестаков) напал на группу крестьян на сенокосе в местечке Кивиаапа близ деревни Хаутаярви. Было убито пять человек. Еще пять человек партизаны увели с собой, и домой эти жители никогда не вернулись. В последующие дни партизаны окружили две

деревни - Хаутаярви и Ниемеля - и блокировали их. Летом 1944 года тактика запугивания гражданского населения прифронтовой полосы Финляндии была продолжена и расширена. Например, 7 июля 1944 года были почти полностью уничтожены жители деревни Сейтаярви. А 14 июля 1944 года отряд "Сталинец" нанес удар по поселку Локка, где был расположен гарнизон противника. Во время боя погибли 21 из 68 мирных жителей³⁰.

Необходимо разобраться в причинах столь жестокого отношения советских партизан к гражданскому населению Финляндии. Это явление стало возможным в результате переплетения различных по своему характеру факторов, как объективных, так и субъективных.

Во-первых, в первый год войны партизаны старались не вступать ни в какие контакты с местным финским населением. Правила действий разведывательно-диверсионных групп в глубоком вражеском тылу требовали сохранения скрытности. Вместе с тем сложности с продовольствием, вызванные продолжительностью рейдов, толкали партизан на заходы в малые отдаленные населенные пункты. Других источников пополнения продуктами у них не было. Это неизбежно создавало конфликтные ситуации, которые нередко заканчивались трагично для местных жителей.

Во-вторых, многие жители приграничной полосы имели боевое оружие, которое получили от властей для самообороны: в глазах партизан они переставали быть просто мирными гражданами и воспринимались как безусловные враги. Ведь в большинстве своем карельские партизаны тоже не были военнослужащими и формально юридически оставались гражданскими лицами.

В-третьих, в условиях бескомпромиссной ожесточенной войны под воздействием целенаправленной пропаганды у советских людей формировался образ коварного и жестокого врага, не заслуживающего никакой пощады. Это было закономерно и оправдано. Призыв "Убей немца!" в условиях Карельского фронта трансформировался в лозунг "Убей белофинна!". Финляндия была союзницей фашистской Гер-

мании. Этого было достаточно, чтобы отбросить сантименты. Такова была жестокая логика войны.

В-четвертых, с лета 1943 года действия партизан против мирных жителей в приграничной полосе Финляндии вытекали из установки руководства партизанским движением Карельского фронта на создание невыносимых условий жизни и хозяйственной деятельности, используя для этого любые средства. Такие действия можно назвать актами устрашения вражеской стороны.

В-пятых, в 1942-1943 годах в связи с острой нехваткой личного состава в партизанских отрядах Карельского фронта, вызванной большими потерями в боевых действиях, в качестве пополнения стали прибывать люди из лагерей и тюрем. Например, в марте 1943 года из исправительно-трудовых колоний НКВД в Штаб партизанского движения Карельского фронта прибыло 175 человек. Из них 77 человек были осуждены за бытовые преступления, 66 - за должностные³¹. Они рассматривали партизанские отряды как своего рода "штрафные роты", а свое пребывание в них как вынужденное, чтобы искупить свою вину кровью. Такие партизаны готовы были, не задумываясь, выполнять любые приказы.

В-шестых, в рейдах против мирных поселений в составе партизанских отрядов принимали участие финны и саамы, жившие в СССР. Нередко они относились к своим соплеменникам даже более непримиримо, чем остальные партизаны.

И в Финляндии, и в России эта информация вызывает самые противоположные эмоции и оценки. Боль финских граждан вполне понятна, но ведь и в нашей стране в годы войны погибли не десятки, как в Финляндии, а миллионы мирных жителей. В то же время вопрос о "виновности" советских партизан как военных преступников, на наш взгляд, не может ставиться в принципе. В международном праве дан четкий ответ: преступниками Второй мировой войны, совершившими в те годы преступления, являются Германия и союзные с ней государства.

На наш взгляд, вопрос о партизанах является историческим и не надо переводить его в плоскость политики. Это ту-

пиковая проблема. Не следует идти по принципу "око за око": жертвы финского мирного населения, злодеяния финнов в Карело-Финской ССР, организованные финнами концлагеря в Карелии, малолетние узники войны... Война - эта всегда трагедия. Не оправдывая имевшие место действия советских партизан по уничтожению мирного населения, рискнем высказать следующее суждение. Если поначалу партизаны, совершая рейды на территорию Финляндии, не уничтожали мирное население, то вскоре они были вынуждены это делать, чтобы спастись самим, так как финские граждане докладывали о партизанах военным властям, которые, в свою очередь, принимали меры по их уничтожению. Мы сожалеем и скорбим о всех жертвах войны.

Одновременно следует отметить и противоположные примеры. Еще в 1941 году бойцы партизанского отряда "Вперед" отказывались уничтожать машины с ранеными фашистами, поскольку это было нарушением международного права³².

Об этом же говорит в своих воспоминаниях, приведенных в книге К.В.Гнетнева "Тайны лесной войны", и Д.С.Александров, который в период войны в этом партизанском отряде был пулеметчиком, командиром отделения, политруком взвода и комиссаром. Он отмечает, что в одном из походов в глубокий тыл противника отряд начал голодать и в поисках продовольствия зашел на финскую территорию. После пополнения запасов встал вопрос: что делать с финнами, которые находились на хуторе, оставлять их в живых было опасно. Командир отряда "Вперед" К.В.Бондюк отдал приказ расстрелять финнов. Д.С.Александров отказался. Комиссар отряда В.И.Поташев и заместитель командира по разведке Н.М.Щербаков потребовали от командира расстрелять Д.С.Александрова за невыполнение приказа, но Бондюк не согласился с ними³³.

Д.С.Александров вспоминает: "Мы вернулись в наш тыл, и осенью... состоялось большое совещание командного состава всех партизанских отрядов по итогам летнего сезона. В Беломорск поехали командир Кирилл Васильевич Бондюк, комиссар Василий Илларионович Поташев и секретарь от-

рядной парторганизации Михаил Павлович Пивоев. Обычно к этим совещаниям готовились и согласовывали наградные листы на партизан по итогам летних походов. И вот Бондюк согласовывает с командованием мою кандидатуру. Комиссар Поташев возражает: "Нет, он будет расстрелян. Нельзя!" Тогда Бондюк собственноручно написал резолюцию: "Представить Александра к ордену Красного Знамени". Вернулись они после совещания из Беломорска, и мне Пивоев рассказывает:

- Слушай, уже к штабу подходили, вот-вот уже войдем в двери, а наградные листы в полевой сумке комиссара Поташева. Он их оттуда вытащил и твой наградной лист в ключья изорвал: "Этому не быть! Он будет расстрелян за невыполнение приказа".

Однако на совещании комсостава партизанских отрядов Карельского фронта дело повернулось неожиданным образом. Бондюка и Поташева буквально разнесли за дикий случай расстрела мирных жителей населенного пункта. Мне Пивоев рассказывал, что критика была очень жесткой, причем как со стороны высшего командования, так и от командиров других партизанских отрядов. Может быть, поэтому вопрос о моем расстреле или, наоборот, о награждении орденом больше никогда и не поднимался³⁴.

Этот факт еще раз доказывает, что вопрос о жертвах среди финского гражданского населения, который усиленно поднимают некоторые в Финляндии, сложнее, чем его официально преподносят общественному мнению в соседней стране. На наш взгляд, его следует рассматривать в исторической плоскости, с привлечением ученых России, Финляндии и Германии, способствуя тем самым укреплению российско-финляндско-германских отношений.

Лишь в последние годы в общественном мнении России формируется готовность к восприятию всей многообразной и неоднозначной информации о возникновении и развитии партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Не перечеркивая того, что было сказано и написано о партизанах за прошедшие десятилетия, мы имеем возмож-

ность уточнить и прояснить многие аспекты этой героической страницы нашей отечественной истории.

Представляется важной инициатива Исторического общества Финляндии исследовать силами историков России и Финляндии действия советских партизан в Финляндии в 1941-1944 годах. Хочется выразить надежду, что результаты совместных исследований позволят ответить на многие волнующие нас вопросы и будут способствовать укреплению и развитию двусторонних отношений.

¹См.: *Пятницкий В.И.* Разведшкола № 005. М., 2005; *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996; Он же. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2005; *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. М., 1999; Он же. История партизанского движения. М., 2005; и др.

²См.: *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003; Он же. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004; *Боярский В.И.* Партизаны и армия. История утерянных возможностей. Минск, 2003; *Белов А.К.* Искусство партизанской войны. М., 2003; и др.

³См.: *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2003; *Солонин М.* 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М., 2005; *Суворов В.* Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М.: Новое время, 1992; и др.

⁴См.: *Герасимов Г.А.* Партизанские километры. Воспоминания. Петрозаводск, 1965; *Королев М.Ф.* В лесах Калевалы. Вологда, 1960; Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1967; *Подоплекин Д.А.* Бой ведет "Полярник". Записки командира партизанского отряда. Архангельск, 1977; и др.

⁵См.: *Яковлев И.С.* В лесах Карелии // Советские партизаны: из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1963; *Морозов К.А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Петрозаводск, 1983; Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Военно-исторический очерк / Под ред. А.И.Бабина. М., 1984; *Дащинский С.Н.* Советские партизаны в финской Лапландии // Север. 1995. № 2; *Макуров В.Г.* Военная летопись Карелии, 1941-1945. Петрозаводск, 1999; *Кулагин О.И.* Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы (1941-1944 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005; *Чумаков Г.В., Ремизов А.Н.* Бригада: история 1-й партизанской бригады Карельского фронта. Петрозаводск, 2007; *Верн-*

- гин С.Г., Лайдинен Э.П.* Некоторые особенности партизанского движения в Карелии в 1941-1944 гг. // Партизанская война в Карелии. Петрозаводск, 2005. С. 6-30; *Чумаков Г.В.* Партизанские рейды на территорию Финляндии в 1941-1944 годах // Российская история. 2009. №3. С.90-94; *Кулагин О.И.* Партизанское движение в Карелии (1941-1944 гг.) в контексте возможностей историко-психологического исследования // Чтения по военной истории. СПб., 2005. С. 474-478; *Авдеев С.С.* Первый партизанский год: по материалам НКВД // Карелия. 2002. 11 июля. С. 12; и др.
- ⁶*Макуров В.Г.* Указ. соч. С. 22.
- ⁷SA. Vaestotst/IKSE. T-2970/12.
- ⁸STT - Juha Raippalinna. Partisaanisodassa surmattiin 176 siviiliä // Warkauden lehti. 2002. 16. tammi Kuuta.
- ⁹*Erkkilä V.* Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin. Helsinki: Arator Oy. 1999.
- ¹⁰*Ibid.* S. 20, 54.
- ¹¹*Ibid.* S. 109, 224.
- ¹²*Ibid.* S. 224, 266.
- ¹³*Куприянов Г.Н.* За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1975. С. 47-48.
- ¹⁴*Авдеев С.С.* Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941-1944 гг.) // Карелия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Материалы республиканской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2001. С. 12.
- ¹⁵Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (АФСБ РК). ФКРО. Оп. 1. Д. 115-а. Л. 45-46.
- ¹⁶*Дащинский С.* Указ. соч. С. 117.
- ¹⁷АФСБ РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 115-а. Л. 31-33.
- ¹⁸Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Ф. 213. Оп. 1. Д. 389. Л. 9-10.
- ¹⁹ Там же Л. 8.
- ²⁰ Там же Л. 74.
- ²¹*Морозов К.А.* Указ. соч. С. 122.
- ²²КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 620. Л.25.
- ²³Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Военно-исторический очерк... С. 174.
- ²⁴*Морозов К.А.* Указ. соч. С. 125.
- ²⁵*Куприянов Г.Н.* Указ. соч. С. 156-159.
- ²⁶См.: Rauna on ainoa mahdollisuutemme: Partisaanisodan kansainvälinen solitusseminaari, Sodankylä 27-29.09.2002 Kirjapaino: Värisuora Oy, Kemi. 2004. S. 7.

²⁷См.: *Erkkilä V.* Op. cit.; *Martikainen T.* Partisaanien siviiliuhrit. Värisuora, Kemi. 2002; *Дащинский С.* Указ. соч.; и др.

²⁸*Дащинский С.* Указ. соч. С. 115.

²⁹КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 389. Л. 9-10.

³⁰См.: Rauna on ainoa mahdollisuutemme: Partisaanisodan ... S. 49-69.

³¹АФСБ РК. Ф. ЛД. Д. 1. Ч. IV. Л. 30, 120.

³²*Авдеев С. С.* Первый партизанский год...

³³*Гнетнев К. В.* Тайны лесной войны: партизанская война в Карелии 1941-1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007. С. 261.

³⁴Там же. С. 262.

С БЕНЕШЕМ УХОДИТ ЭПОХА

БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОШИБОЧНО СДЕЛАЛ СТАВКУ НА ПОМОЩЬ, ОБЕЩАННУЮ ДЕМОКРАТИЯМИ

ЖУРНАЛ "Current History", основанный в 1914 году газетой "Нью-Йорк таймс" для более глубокого освещения хода Первой мировой войны, является старейшим изданием в США по проблемам мировой политики. Журнал принадлежит частному лицу. Его авторами были Б.Шоу и У.Черчилль, а ныне Дж.Шлезингер, Ф.Фукуяма, К.Райс, А.Ливен.

Предлагаем вниманию читателей интервью с Э.Бенешем и комментарии члена редколлегии журнала Ч.Ходжеса¹ от 1 сентября 1938 года, то есть накануне мюнхенского сговора (29 сентября 1938 г.).

Примечательна сама логика рассуждений Э.Бенеша, калька с которой воспроизводится иногда и в наши дни. Более того, даже в худшем ее варианте, как свидетельствует резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ (июль 2009 г.). При всем неприятии социализма Бенеш, все же не ставя его на одну доску с нацизмом, уповал на демократию в метаниях между идеализмом и реализмом.

"ПРАВ ЛИ Я? - вскричал Президент Чехословакии Бенеш, надвигаясь на меня. - Прав ли я? Выполнят ли Британия и

Перевод и комментарий статьи Елены Владимировны Ананьевой, обозревателя журнала "Международная жизнь", кандидата философских наук.

Благодарим библиотеку МИД за предоставленный материал.

Франция свои обязательства так же, как мы выполнили свои? Мудро ли я выбрал путь во имя будущего своей страны?"

Он стрелял в меня вопросами, будто строчил из пулемета. Его неожиданный взрыв нарушил спокойное течение беседы в тот первый из судьбоносных дней сентября.

Отчаяние человека, рискующего не просто делом своей жизни, а самим существованием собственного народа, эхом отдавалось в залитой солнцем комнате в стиле барокко. Лорд Ренсимен, личный эмиссар измены Чемберлена делу мира*, встречался с руководителем Чехословакии между моими двумя визитами до и после полудня; позади у него уже были дни явно необнадеживающих звонков от официальных представителей британской и французской дипломатии, уже наметивших путь к бегству.

"Я задавался вопросом, - говорил человек, которого Гитлер ненавидит больше всех в Европе. - Докажут ли события мудрость моих суждений - или я проиграю, а нация, возможно, будет повергнута в руины в результате того политического курса, который я избрал в 1933 году?"

Предлагаем "кулуарную" историю усилий Бенеша по спасению Чехословакии от фашизма: Бенеш усматривал спасение в борьбе за демократию, которую он вел вместо держав Западной Европы.

Эта история - история двух миров: разваливающегося мира демократического интернационализма, трещащего по швам под напором нарождающегося мира разнузданного национализма с его животной жадностью власти. Тем более - это история о пропасти между мирами - ведь Чехословакию столкнул в нее Иуда англо-французской дружбы.

Давайте признаем, что Бенеша отстранили от власти, что Чехословакию поставили под пяту нацистов потому, что сам он не осознал духа времени. Бенеш отстаивал законность, организованность, международные соглашения, но его побили шантажом и милитаризмом. Он пытался проложить демок-

**Лорд Ренсимен, неофициальный посредник между правительством Чехословакии и судетскими немцами, находился в Чехословакии с 3 августа по 13 сентября 1938 г. - Прим. Е.А.*

ратический путь для мировой цивилизации, но его не оставили даже на передовой - его оттащили от передовой именно дезертиры той самой цивилизации, опасаясь его искренности больше, чем общего врага.

Предлагаю вниманию читателей размышления Бенеша о линии своего поведения со времени подъема гитлеризма и вплоть до чехословацкого кризиса: "Я сделал ставку на два условия. Первое - время, поскольку Англия и Франция имели еще слабые позиции. Британии необходимо было время, чтобы перевооружиться, а Франции - восстановить национальное единство. Второе - коллективная безопасность. Она представляет единственную надежду сохранить международный порядок в Европе, а без него не будет ничего, кроме хаоса".

Далее он развивал свои идеи, тщательно подбирая обоснования. Они вытекали из его вошедшей в плоть и кровь убежденности в демократии. Ему не понаслышке была известна жестокость автократии Габсбургов до Первой мировой войны: тюремному заключению подвергся он сам, его семья, защитники свободы. Он знал, как сказались века национально-го забвения на его народе. Более того, он понимал и подоплеку событий: свобода для небольшой страны, наподобие возрожденной Чехословакии, может быть обеспечена только при демократическом мировом порядке. Национализм должен был смириться и принять ограничения, налагаемые существованием в рамках обычного права народов, или в исступлении подвести мир к еще одной катастрофе.

Отсюда, Чехословакия до конца трагических сентябрьских дней не только исповедовала, но и воплощала на практике заповеди Президента Бенеша. Прага во что бы то ни стало строила внешние сношения на основе этики, которой была совершенно лишена бесцеремонная эгоистичная держава. Не подумайте, что Бенеш был слеп и не видел международной опасности фашизма. Несколько лет назад он делился со мной своей открытой тревогой по поводу подъема диктатур в Европе. "Одна из особенных примет обстановки в Европе, - подчеркивал он, - моральное разложение народов Европы. Под этим я подразумеваю утрату сущностно важной честности, не-

обходимой для мира в Европе. Сдача позиций диктатурам - неважно, левым или правым, - вызвала моральный коллапс".

Однако тенденция с 1936 года усилилась и привела к результату, который, по-моему, руководство страны во главе с Бенешем не могло осознать в полной мере: одному неотъемлемому элементу его системы государственного управления, Лиге Наций, могли "подрезать крылья" именно в тот момент, когда она была нужнее всего. Признаки беды, конечно, проявились в Женеве с первой агрессией Японии против Китая. Несмотря на маньчжурский "инцидент" в 1932 году, д-р Бенеш был уверен в восстановлении престижа Лиги Наций. В этой же самой комнате, где впоследствии он развеял свои сомнения относительно будущего (страны. - Е.А.) непосредственно перед окончательной катастрофой, Бенеш заметил мне, что Лига Наций "остаётся жизненно необходимой малым странам". "Она - наша единственная защита от окружения, в котором нас может смять более мощная держава, - пророчествовал он, - как бы яростно мы ни сопротивлялись. Каждому ясно, что после интернационализма 1920-х годов мы сталкиваемся с реакцией. Однако откат к национализму в свою очередь маятником вернется к возобновлению международного сотрудничества, которое должно концентрироваться в Женеве. Мы, малые нации, исповедуем веру в демократическую мировую организацию в качестве лучшего способа сохранить собственную независимость. Лига Наций имеет сущностно важное значение для поддержания любого мирового порядка".

Никто не мог предположить, что многие малые государства отойдут от Лиги Наций, встревоженные издержками неудавшихся санкций в отношении Италии*, или что Лигу Наций превратит в инвалида союзник Чехословакии и ее островной сторонник. Безусловно, Бенеша нельзя обвинить в слепом идеализме, союз Чехословакии с Советской Россией явно свидетельствует о его способности проявить дипломатический реализм.

**Экономические санкции введены в декабре 1935 г. за агрессию Италии против Эфиопии, отменены в июле 1936 г. после захвата Италией столицы Эфиопии: Англия и Франция заявили, что остановить агрессию могли бы только военные санкции, что привело бы к войне в Европе. - Прим. Е.А.*

Когда нацисты начали перевооружение, рассказал мне Бенеш, Чехословакии надо было обезопасить свой тыл. Франция, несмотря на беспокойство Польши, заняла ведущие позиции по противодействию гитлеризму, заключив договор с Советами, однако Бенеш не сразу последовал ее примеру. Он без обиняков объявил мне, что сначала пытался договориться с Польшей на двусторонней основе, но в Польше полковник Бек (министр иностранных дел Польши. - Е.А.) не желал иметь ничего общего с несколькими инициативами, предпринятыми ради дружественного соглашения. Эти предложения, которые были внесены дважды, причем еще в 1933 году, предполагали гораздо меньше, чем союз, - они носили характер "весьма общий, без обязательства оказать помощь, поскольку мне было достаточно того, чтобы отношения становились теснее без каких-либо обязательств по оказанию помощи".

ПОЗЖЕ, вынужденный в силу обстоятельств обратиться к Москве, Бенеш отказался вести переговоры относительно какого-либо соглашения с СССР, которое могло быть использовано против поляков. "Таким образом, альянс с Советским Союзом стал моей второй попыткой защитить тыл Чехословакии". Д-р Бенеш продолжал: "Моими первыми словами Сталину были: "Я не стану рассматривать никакие соглашения, которые были бы направлены против Польши. Подобное соглашение не подлежит обсуждению, поскольку Чехословакия никогда не станет использовать чешские силы против славянского брата".

Тем не менее чешско-польские отношения продолжали ухудшаться: поляки не могли забыть утрату Тешина в 1920 году (район, который Польша снова получила в результате нынешнего кризиса), а с тех пор как в 1934 году Польша и Германия заключили перемирие, чехи чувствовали себя неуверенно относительно действительных обязательств Варшавы. Бенеш настойчиво расспрашивал меня относительно мнений польских руководителей начиная с маршала Рыдз-Смиглы. Особенно

его интересовало, действительно ли Польша сможет сохранить нейтралитет в случае столкновения нацистов и Чехословакии. Министр иностранных дел Крофта на следующий день пошел еще дальше. Когда я разговаривал с ним в Чернинском дворце* о плане экономического соглашения в качестве долгосрочной меры улучшения отношений с польским соседом, он прямо стал обсуждать возможный трехсторонний договор между Германией, Польшей и ирредентистской** Венгрией о расчленении чешского государства!

Настоящим победителем стал гитлеровский рейх. Отыскивая любой способ разобщить соседние страны, германцы развязали массированную пропагандистскую операцию, в ходе которой пытались выставить Чехословакию как марионетку большевизма, предающую европейскую цивилизацию в угоду красным, и кампания лжи находила отклик в таких разных по настрою столицах, как Лондон и Варшава.

ЗДЕСЬ МЫ СНОВА вспомним Бенеша 1936 года, когда он сказал: "Европа сегодня дезориентирована. Она разорвана на части. Чехословакия не может себе позволить игнорировать ни Восток, ни Запад. Мы обращаем взоры на Запад, к Франции и Великобритании. Нам также следует считаться с Востоком. Мы должны видеть Европу в ее целостности. Обе ее части жизненно важны - в широком смысле Запад не может игнорировать Восток, как Восток не может игнорировать Запад.

В международных отношениях я на протяжении уже длительного времени стремился к тому, чтобы отношение к Советской России стало здоровым. При завершении мировой войны [Первой. - Е.А.] возникла критически важная проблема большевизма. Я пытался заставить Британию и Францию определить свою позицию в 1920-х годах, а возможны были два

*Здание Министерства иностранных дел Чехословакии. - Прим. Е.А.

**Ирредентист - политический активист, ратующий за возвращение в состав его государства земель, исторически к нему относящихся, но находящихся под контролем другого государства - Прим. Е.А.

варианта. Один заключался в том, чтобы раздавить советское правительство. Я мог понять подобную политическую позицию, хотя знал, что этой цели достичь невозможно. Другой вариант заключался в том, чтобы вернуть Россию в международную жизнь как можно скорее, чтобы нормализовать послевоенную обстановку. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы выполнить эту задачу. Советскому правительству известно, что я постоянно стремился установить нормальные отношения между Лигой Наций и Москвой. Я по-прежнему придерживаюсь этих взглядов на отношения между самой Чехословакией и Советским Союзом. Мы требуем, однако, чтобы они воздержались от какого-либо вмешательства в наши внутренние дела!"

Совершенно очевидно, что Гитлер не мог переварить подобного рода независимость. Есть серьезные основания полагать, что линия нацизма на противостояние большевизму нашла приверженцев даже в британском правительстве. По всей видимости, британские верхи против Чехословакии повернула прогерманская "асторская клика"*.

Тем не менее, будучи Президентом Чехословакии, Бенеш никогда не заигрывал с маленькой, но шумной коммунистической партией, к которой терпимо относилась демократия этой страны.

"Мой опыт отношений с коммунистической партией начался еще в 1921 году, - вспоминал он. - В качестве премьера я созвал ее лидеров и изложил свои позиции. Они хотели, чтобы я совершил революцию, но мой долг состоял в том, чтобы поддерживать порядок. Пожалуйста, они могли двигаться к революции, но, если они нарушат закон, я буду вынужден действовать против них. Я заявил им, что не желаю, чтобы трудящимся лгали, что их курс на революцию должен быть открыто заявлен, а не скрыт за нападками на существующие порядки. Если кто-то желает совершить революцию, то я могу понять его позиции. Я сам совершил революцию против австрийского господства. Я нарушал закон. Австрийцы пытались наказать

*Устоявшееся название - "кливденская клика", в которую входили супруги Астор, Н. Чемберлен, лорд Галифакс; в февральском номере 1938 г. журнала "Current History" впервые в США было рассказано о "кливденской клике". - Прим. Е.А.

не только меня - они заключили в тюрьму мою жену и семью. То был их долг, я могу понять их позицию".

"Во время президентской кампании, - продолжал д-р Бенеш о предвыборной кампании 1935 года после отставки ветерана Масарика*, - ко мне пришли коммунисты. Я откровенно сказал им, что если хотят, то они могут голосовать за меня. Я подчеркнул, что они должны понимать важность сохранения демократии в Чехословакии для них же. Тем не менее я им сказал, что в их голосах не нуждаюсь, а если они проголосуют за меня, то я им ничего обещать не буду, как и не разрешу им войти в правительство".

Насколько далек был Бенеш от лагеря красных, становится ясно, когда он рассуждает о демократии. "Обанкротились люди, а не принцип демократии. Провалы руководства обошлись дорого, поскольку вызвали к жизни революционные движения против демократии, - пророчески изрек он. - У этих движений есть общее - от большевизма до нацизма и национал-социализма - это реакция на провалы демократического руководства и в определенной степени демократических форм в том виде, в каком они нам были известны. В конечном счете демократическое правление обладает гибкостью - качеством, которым не обладает ни одна другая форма правления. Диктатура же не может перенести провал - провал означает крах подобного режима. Демократия при условии, что ее лидеры откровенно признают свои ошибки, может адаптироваться, скорректировать свои ошибки. Это обстоятельство убеждает меня, что демократия далеко не потеряна. Нам нужно мужество, чтобы смотреть проблемам в лицо, прямодушное руководство, желание приспособиться к новому образу жизни".

И тут проступает ирония самой нечестной сделки в послевоенной (после Первой мировой войны. - Е.А.) истории Европы.

Этой трагедии - личной и национальной - можно было избежать. Да, Бенеш мог себя спасти. Его слова впоследствии,

*Т.Масарик - первый Президент Чехословацкой Республики, образованной после Первой мировой войны. - Прим. Е.А.

когда он уходил с поста президента Чехословакии, показывают, что собственная судьба его не интересовала. Он мог спасти свою страну, а судьба страны была ему важна.

На его пути стояло только одно препятствие: "мелочь" (по меркам пары Чемберлен - Даладьё) - личная порядочность и национальное достоинство.

Теперь я знаю, что государственный деятель Европы не только сегодняшнего дня, но и особенно нынешнего века, должен бы быть умнее. Бенеш и был умнее, поскольку говорил мне несколько лет назад: "Руководство при диктаторских формах правления отмечено, помимо прочего, безответственностью. Люди, контролирующие авторитарные государства Европы, сегодня действуют так, а завтра - иначе. Например, Муссолини вдруг провозгласил себя другом Франции, а через минуту протягивает руки Германии. В результате подобного безответственного руководства на эти режимы невозможно положиться, а их народам - знать, куда же их ведут".

ЧЕГО БЕНЕШ не мог предвидеть, так это того, что его проникновенные слова станут применимы к Британии и Франции в самый решающий момент существования Чехословакии. Когда историю этих часов напишут без того, чтобы оценивать истеричных премьеров по их низкопробной способности получать голоса на выборах, и когда даже обычная дипломатическая непосредственность едва будет заслуживать примечания, британцы и французы почувствуют во рту гораздо более неприятный привкус, чем сегодня.

"Fidèle!" - это слово Президент Бенеш повторял мне, когда хотел обобщить все причины, чтобы оставаться на одной стороне с двумя демократическими державами Западной Европы. Да, "fidèle" - я никогда не забуду перевод на французский слова "верный" из-за того, что оно отдается в моих ушах всей гнилью пообносившейся демократии.

Примерно так же, как грубое жеманство сродни манчестерскому хамству в консервативной политике...

Взгляните на простую правду "мошеннических аукционов" по Чехословакии. Президент Бенеш простодушно рассказал мне, еще не зная о своей участи, - рассказал во дворце в Градчанах, когда был достаточно честен, чтобы чувствовать смущение по поводу сомнений относительно Британии и Франции, о том, что:

1. Гитлер трижды делал подходы к Чехословакии с целью заключить сделку против французов и англичан - дважды в 1933 году и один раз после 1935 года;

2. Эти первые предложения нацистов предшествовали их предложениям Польше и предполагали готовность (отнюдь не невероятную) обмануть поляков даже после заключения пакта между Германией и Польшей в 1934 году.

Почему, спросите вы, Бенеш играл в эту игру с таким простодушием? Пусть он сам ответит: "Я трижды отказывался договориться с Гитлером, поскольку это было бы предательством договорных обязательств, на которых зиждется мир!"

Что касается хода рассуждений Бенеша, то он сводится к следующему: "Политика Чехословакии исходит из сложившихся обстоятельств. Франция разделена, Британия слаба в вооружениях. Проблема формулируется так: либо отказаться от демократии и Запада, либо оставаться верным [он повторял слово "fidèle", чтобы дополнить прямое значение англо-саксонского слова] нашим обязательствам. Я проводил политический курс, который, на мой взгляд, отвечал нашим обязательствам, что чрезвычайно важно для мира в Европе. Без такого этического отношения к обязательствам международная жизнь в будущем лишается фундамента!"

Причина полного краха Чехословакии заключалась не в этом проявлении старомодной верности Бенеша договорным обязательствам. Гораздо больше он выражается в том, как мне сообщили в Праге, что французское Министерство иностранных дел тут же поставило в известность об этих нацистских пробных шарах.

К унижению действительно уставшего народа Франции, на Кэ д'Орсе советовали своему верному союзнику и заклинали его отвергнуть лживые заверения нацистов.

Так Бенеш и поступил, так поступила Чехословакия. Теперь же она расплачивается за мир, который не могут постичь ни во Франции, ни в Британии. Не должны быть отмыты и руки Даунинг-стрит. Британцы оставили больше, чем отпечатки пальцев Ренсимаена, во время кражи свободы у чехов. У меня есть основания полагать, что за развязку дела несет ответственность - совершенно неофициально - пронацистски настроенная "асторированная" леди Ренсимаен.

Итак, сделка по доставке Чехословакии нацистам без войны прошла. Таково, и это фантастическая правда, высшее достижение глав государств так называемых великих демократий Европы. Если Бенеш обнаружил, что у него не осталось друзей в решающей схватке, устроенной его союзниками, то нацисты обнаружили кое-что еще. Гитлер и его подручные обрели самого преданного слугу империи со времен Бисмарка в лице премьер-министра Великобритании Чемберлена.

Сам Бенеш не являет собой личную трагедию еще одного потерпевшего поражение государственного деятеля. Опуская эмоциональный момент, этот человек буквально олицетворяет поистине образ международной политики. Предательство по отношению к Бенешу со стороны западноевропейских демократий, этих миролюбивых приспешников марширующего фашизма со времени мюнхенского сговора, свидетельствует об их сокрушительном коллапсе. Не подумайте даже на секунду, что расчленение Чехословакии всего лишь меняет политическую поверхность карты Европы, - полный отказ от правовых и моральных обязательств разрывает в клочья международный порядок.

Этот крупный успех по нарушению договоров - партия, которую разыграл Гитлер, к которой подстрекала Британия и на которую лицемерно поставила Франция, - распотрошил международное сообщество. Нечто более низменное, чем звериный закон джунглей в борьбе за выживание, навигается со стороны диктатур, и на горизонте не просматривается иного варианта, кроме войны, которой так боятся малокровные демократии.

Чехословакию продали с потрохами и сплывили по Дунаю нацистского империализма. Бенеш ушел, ушел потому, что Гитлер не терпел порядочность человека, "fidèle" своим друзьям. Скоро даже мы, у себя в Новом Свете, узнаем, что американцы не смогут удержаться в положении над схваткой. Отравленная политика тоталитарных держав по всему миру когда-нибудь бросит высокомерный вызов "большевизму" (то есть провалу. - Е.А.) нашей собственной демократии.

ЭДУАРД БЕНЕШ (1884-1948 гг.) - в декабре 1935 года избран Президентом Чехословакии. В 1935 году Бенеш, следуя примеру Франции, подписал договор о взаимной помощи с СССР в целях сдерживания нацистской Германии. В 1938 году выступил против принятия военной помощи от СССР. После Мюнхенского соглашения в октябре 1938 года подал в отставку и эмигрировал в США, где преподавал в Чикагском университете. В 1940 году Бенеш стал президентом республики в изгнании. Убедил Великобританию и Францию денонсировать Мюнхенские соглашения (денонсированы в августе 1942 г.). После освобождения Чехословакии занял пост президента республики. Издал декреты о депортации судетских немцев в Германию (более 3 млн. человек). В июне 1948 года подал в отставку, не подписав новую Конституцию страны; умер 3 сентября 1948 года.

В связи с ратификацией Лиссабонского договора (подписан в 2007 г.) Президент Чехии В.Клаус опасался, что потомки высланных из страны по декретам Бенеша судетских немцев будут требовать компенсации за имущество и земли. В октябре 2009 года лидеры ЕС гарантировали Чехии, что в Хартии фундаментальных прав ЕС для нее будут действовать исключения, и 3 ноября Вацлав Клаус подписал Лиссабонский договор.

¹ *Hodges Ch. Beneš Ends an Epoch//Current History. Vol.XLIX. № 3. November 1938. P. 21, 24-25.*

ФРАНЦИЯ И НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО (Позиция нейтралитета в гражданской войне в Испании)

Леон Блюм

СТАТЬЕ Л.Блюма, опубликованной в ноябре 1938 года, редакция журнала "Current History" предпослала следующий комментарий: "Редакторы журнала неоднократно пытались уговорить французского премьер-министра Леона Блюма написать статью для "Current History". Они неизменно получали от него в ответ: "Может быть, попозже. Очень занят - слишком занят сейчас". Свое неопределенное обещание он выполнил сейчас"¹.

С САМОГО НАЧАЛА гражданской войны* в Испании тоталитарные диктатуры (имеются в виду Германия и Италия. -

Перевод и комментарий Елены Владимировны Ананьевой, обозревателя журнала "Международная жизнь", кандидата философских наук.

Благодарим библиотеку МИД за предоставленный материал.

**Гражданская война в Испании началась в середине июля 1936 года с мятежа против законного правительства страны. В августе премьер-министр Франции Леон Блюм выступил с предложением проводить по отношению к Испании "политику невмешательства". В начале сентября был создан "Комитет по невмешательству", в который вошли 27 стран, в том числе СССР. Комитет призван был наложить эмбарго на поставки вооружений и военных материалов в Испанию. Ввиду попус-*

Е.А.) вмешались в нее на стороне генералов-мятежников. Их вмешательство не признавали, но оно было вполне реальным. Если бы правительство Франции вмешалось на другой стороне, то она бы действовала более законным образом, поскольку оказывала бы помощь легитимному правительству Испании. Однако Франция не вмешалась.

Более того, правительство Франции пыталось остановить вмешательство тоталитарных стран в гражданскую войну в Испании. Оно предложило соглашения о "невмешательстве" и использовало свое влияние, чтобы обеспечить их принятие всеми европейскими государствами. Франция добровольно отказалась от поставок военных материалов, пытаясь действовать в рамках соглашения, показывая пример другим странам. Более того, она лишила законное правительство Испании свободы экономических отношений, наложив эмбарго на поставки вооружений и военной продукции.

Несколько месяцев было потрачено на переговоры по принятию соглашений, а затем на распространение их действия на отправку добровольцев из других стран в Испанию. Установление механизма международного контроля за соблюдением соглашений также заняло время, в течение которого Франция тщательно соблюдала принятые на себя обязательства. Убедительные доказательства тому - свидетельства, предъявленные главой международного контроля.

Однако к середине прошлого (1937 г. - Е.А.) года открылись глаза даже самых наивных и оптимистично настроенных. Вмешательство Италии и Германии в Испании, которое никогда не прекращалось, стало не только явным, но и официальным.

Вмешательство приняло не только форму поставок воен-

тельства со стороны Франции, Англии и США мятежникам, пользовавшимся открытой поддержкой Германии и Италии, уже 23 октября 1936 года Советский Союз заявил, что не считает себя связанным соглашением о нейтралитете в большей мере, чем другие его участники. Из статьи Л.Блюма становится очевидным, сколько же времени его собственное правительство потратило на осознание очевидных фактов. Уйдя в оппозицию в июне 1937 года, Л.Блум выступил против "политики невмешательства". Возглавив правительство на месяц, в марте-апреле 1938 года, открыл границу с Испанией для поставок вооружений республиканцам.

ных материалов: итальянский "корпус" (выражение, которое употребила в сентябре 1936 г. Политическая комиссия Ассамблеи Лиги Наций) уже воевал в Испании на стороне генерала Франко. Дуче открыто вступил в переписку с руководителями мятежа, провозгласил свое стремление содействовать их победе, открыто используя мощь фашистского государства для достижения их целей.

В это же время Италия и Германия свели на нет попытки сторонников невмешательства контролировать ситуацию на море. В Средиземном море началась война подводных лодок, итальянские подлодки топили корабли других стран, стремясь установить блокаду той части прибрежной полосы Испании, которую контролировало испанское правительство.

Основная цель соглашений о "невмешательстве" во внутренние дела Испании заключалась в том, чтобы они выполнялись. Так в чем же при таком очевидном их нарушении заключается ценность соглашений? В сентябре 1937 года в Женеве участники соглашения, за некоторым исключением, договорились, что если ситуация коренным образом не изменится, то страны, подписавшие соглашения, вправе восстановить свою свободу действий. Великобритания и Франция, стремясь предотвратить этот крайний вариант развития событий, предприняли усилия повлиять на Италию, чтобы она отозвала своих добровольцев из Испании. Попытки оказались безуспешными.

Что могло и что должно было предпринять французское правительство в этих обстоятельствах? Оно могло вернуть себе свободу действий, отказавшись от обязательств, которые не принесли желанного результата, - ведь цель соглашений состояла в том, чтобы воюющие в Испании стороны получили свободу действий, без вмешательства иностранных держав; суть соглашений состояла именно в этом.

Самый простой, причем законный, курс, который могло взять французское правительство, заключался бы в прямой денонсации соглашений о "невмешательстве". И никто не мог бы упрекнуть подобные действия, поскольку такого курса на деле придерживались тоталитарные диктаторы. Для них от-

каз от "невмешательства" означал прямое вмешательство. Именно в ответ на подобные действия Франция рассматривала вопрос об изменении своей политики и денонсации соглашений о "невмешательстве".

Этот курс социалисты во французском правительстве считали наиболее удовлетворительным, поскольку только он отвечал чаяниям общественного мнения.

Тем не менее правительство решило не денонсировать соглашения о "невмешательстве" по причинам, весьма сходным с теми, что привели правительство к подписанию соглашений. Французское правительство не желало расхождений во мнениях и действиях с Британией, поскольку англо-французский союз остается самым мощным фактором мира в Европе.

В упорном стремлении к миру французское правительство не желало введения условий, одобряющих "убийства из сострадания", в международное соглашение, которое по своей природе обладало некоторыми возможностями установить мир и сохраняет такой потенциал.

По этим причинам правительство отвергло первый вариант - денонсацию соглашений о "невмешательстве" - и от всего сердца приняло второй вариант, заключающийся в продолжении сотрудничества с Британией.

ЛЕОН БЛЮМ (1872-1950 гг.) - премьер-министр Франции (июнь 1936 - июнь 1937 г.) во главе коалиции из социалистов, коммунистов и радикалов - Народного фронта, победившего на выборах. В 1937 году из-за противоречий внутри коалиции по вопросу поддержки испанских республиканцев в гражданской войне в Испании и экономических мер правительства Блюм подал в отставку; вновь стал премьер-министром в марте-апреле 1938 года (подал в отставку в связи с тем, что не мог сформировать правительство). Решительно выступил против Мюнхенского соглашения.

После поражения Франции в 1940 году отказался покинуть страну (как еврей и социалист обрекал себя на репрессии в условиях фашистской оккупации); будучи депутатом, голосовал в Национальном собрании в Виши против предоставления диктаторских полномочий маршалу Петэну; с сентября 1940 года содержался под арестом, в 1942 году предан суду вместе с рядом антифашистов. В апреле 1943 года правительство Виши выдало его Германии; заключен в концентрационный лагерь до окончания войны, освобожден союзниками. Его брат Р.Блюм погиб в Освенциме. По освобождении Л.Блюм вошел во временное правительство де Голля; был председателем временного правительства (декабрь 1946 - январь 1947 г.), исполнял обязанности главы государства. В 1948 году - заместитель премьер-министра и глава французской делегации в ООН по вопросам образования, науки и культуры.

¹*Blum L. France and Non-Intervention//Current History. Vol. XLIX. №3. November 1938. P. 26, 39.*